

Ольга Денисова

Вечный колокол

Ольга Леонардовна Денисова
Вечный колокол

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174358

ISBN 978-5-4474-3089-4

Аннотация

Новгород во главе Русского государства, язычество вместо православия, новгородский университет в XVI веке? Это сказка. Но, как известно, сказка ложь, да в ней намек... Захватывающая история о тайных врагах и открытых битвах заставляет задуматься не столько о прошлом, сколько о сегодняшнем дне.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	7
Часть I. Новгород	8
Глава 1. Шаман	9
Глава 2. Проповедники и духи	20
Глава 3. Гадание в Городище	28
Глава 4. Видение	38
Глава 5. Вечер в университете	42
Глава 6. Дана	53
Глава 7. Утро	63
Глава 8. Ночь в детинце	68
Глава 9. Вече	73
Глава 10. Наверху	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Вечный колокол

Ольга Леонардовна Денисова

© Ольга Леонардовна Денисова, 2015

© Ольга Денисова, дизайн обложки, 2015

© Светлана Тулина, иллюстрации, 2015

Редактор Елена Липлавская

Корректор Елена Липлавская

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Предисловие

Я не пишу исторических романов. Мне интересна связь времен, переплетение в одном клубке отголосков истории настоящей, выдуманных миров и сегодняшней действительности. И роман «Вечный колокол» – это, скорей, игра в историю. Мир, в котором хотелось бы жить.

Представьте себе, что ключница княгини Ольги Малуша Любечанка не родила князя Владимира. И в 988 году крещения Руси не произошло.

1510 год. В истории настоящей – год присоединения Пскова к Москве. Новгород давно стоит под Иваном III, вечный колокол перевезен в Москву, республики больше нет. Культура вольного города чахнет, и за два столетия от поголовной грамотности новгородская земля уйдет в полную темноту невежества и мракобесия.

И новгородцы, не переча,
Глядели бледною толпой,
Как медный колокол с их веча
По воле царской снят долой!
Сияет копий лес колючий,
Повозку царскую везут;
За нею колокол певучий
На жердях гнущихся несут.
Холмы и топи! Глушь лесная!
И ту размыло... Как тут быть?
И царь, добравшись до Валдая,
Приказ дал: колокол разбить.
Разбили колокол, разбили!..
Сгребли валдайцы медный сор,
И колокольчики отлили,
И отливают до сих пор...
И, быть старинную вещая,
В тиши степей, в глуши лесной
Тот колокольчик, изнывая,
Гудит и бьется под дугой!..
Константин Случевский

Это легенда. На самом деле вечный колокол добрался до Москвы и был разбит через двести лет, во время правления Федора Алексеевича, в конце XVII века.

Если я не могу ничего изменить в прошлом, я изменю прошлое в своей фантазии. Пусть Новгородская республика живет в этой книге.

Итак, фантастический мир. Не Москва, а вольный Новгород объединяет Русь вокруг себя. В этом мире нет церквей, и жреческое сословие – волхвы – не занимаются политикой и не ищут власти: они несут людям волю богов. Шаманы же, появившиеся в результате сращения культур северо-восточных народов с русской, несут богам волю людей. И язычество развивается на Руси, созревает постепенно, достигает апогея, как религия древних греков, из набора суеверий превращаясь в философию жизни, подобно буддизму и конфуцианству.

Не связанная религией наука опережает европейскую, но не идет по пути прогресса в европейском его понимании – наш склад ума и характера ближе к созерцательному Востоку, нежели к деятельному Западу. Особенных успехов в этом мире достигает меди-

цина, совмещающая знания строения человеческого тела и нетрадиционные способы лечения. Развиваются горное дело, металлургия, химия, агрономия.

В восьми верстах ниже по течению Волхова стоит Новгородский университет, подобно давно существующим университетам Европы, в котором учится две тысячи студентов. В истории настоящей к началу XVIII века на Руси не было не только высших учебных заведений, но и средних. И лишь начальное образование иногда получали священнослужители и знать.

Новгородское право и в реальной истории было прогрессивным для своего времени, мне не потребовалось много фантазии, чтобы представить себе право в выдуманном мною мире.

Ну а политика... Шаманы ходят в иные миры, чтобы изменить что-то в своем. И мои книги, повествуя о несуществующих мирах, призваны менять к лучшему наш.

Пролог (За пятьсот шестьдесят лет до описываемых событий)

В псковской земле, в глухой Будутиной веси, ключница княгини Ольги Малуша Любечанка покачивала колыбель и размазывала по лицу злые слезы.

Все напрасно. Унижения от старухи-княгини, рабство, страхи, ненавистное, пахнущее потом тело Святослава, его отвратительно бритая голова и пьяные, грубые лапы. Книга солгала. Все напрасно.

Добрыня зашел в избу с земляным полом, низко пригибаясь под притолоку. От хлопка двери с потолка полетели хлопья саж и закружились в воздухе, подхваченные коротким водоворотом сквозняка. Брат был мрачен, как всегда в последнее время, понюхал носом воздух, словно проверяя, нет ли в доме чужих, и сел на прогнивший от времени сундук возле маленького окошка, затянутого пузырем.

– Ну? Что уставилась? – спросил он у сестры.

– Ты так смотришь, будто это я во всем виновата! – выкрикнула Малуша. – А это ты, ты виноват во всем! Ты и твоя Книга, которую ты не умеешь читать!

– Молчи, дура... – оскалился Добрыня. – Не твоим бабьим умом думать о Книге.

Он снова понюхал воздух, повернувшись к двери.

– У тебя что, кто-то был?

– Приходила повитуха, принесла беленого полотна для дитяти, – Малуша шмыгнула носом.

– Дегтем пахнет... – Добрыня сузил глаза. – Не может повитуха сапоги носить. Кто был, быстро отвечай!

– Никого у меня не было! – крикнула Малуша. – И нечего меня пытаться! Дегтем ему пахнет! Ты сам, сам во всем виноват! Ты и твои дружки царьградские! Я бы сейчас замужем была, шелка носила, в молоке купалась! А из-за тебя здесь до конца дней буду гнить! В этих болотах комариных!

Дитя в колыбели зашевелилось от ее крика, захныкало, а потом разразилось тонким, визгливым плачем. Малуша со злостью толкнула колыбель, и младенец заплакал еще громче.

– Ты... лахудра... – Добрыня поднялся, подошел к люльке и нагнулся над ребенком, – чего на дите-то злобишься! Дите-то при чем?

Он поднял на руки крошечное тельце и неловко угнездил голову младенца у себя на локте.

– Ну? Что ты плачешь? Вот дядька тебя покачает, дядька тебя утешит! А? Что плакать-то, девочка моя милая? Красавица. Княжна...

Часть I. Новгород

Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен:
Правдив и свободен их вещий язык...

А. С. Пушкин

Глава 1. Шаман

Крепкий мороз после короткой оттепели высеребрил высокие терема Сычёвского университета: и бревна, и тесовые крыши, и резьбу ветровых досок, полотенец и наличников. Университет превратился в пряничный городок, облитый сахарной глазурью. Сычёвка, заваленная снегом, дымила печками, и дымы уходили в небо прямыми пушистыми столбами.

Холода в тот год наступили рано, обильные снегопады завалили Новгород снегом в конце месяца листопада, Волхов давно стал, превратившись в проезжую дорогу, и оттепель не поколебала крепости льда. Листопад уступал права грудню: вместо распутицы, ледяных дождей и сырого осеннего ветра Зима в хрустальных санях, запряженных тройкой белых коней, вовсю катила по безукоризненно чистой земле.

Млад вышел из Большого терема, поспешно нахлобучивая треух на голову: мороз впился в уши, стоило только оказаться на крыльце.

– Счастливо тебе, Млад Мстиславич! – вежливо кивнула ему старушка-метельщица, убиравшая снег с дорожки.

– Счастливо, – пробормотал он, запахивая полушубок. После оттепели мороз казался непривычным.

– Что ж ты так легко оделся? – метельщица сочувственно покачала головой.

Млад не вспомнил о морозе, когда выходил из дома. Только по дороге на занятия глянув на восходящее солнце, он подумал, что мороз – покрепче утреннего – установился дней на десять (предсказание погоды было для него делом привычным).

Млад на ходу что-то пробурчал метельщице и почти бегом направился к естественному отделению – двухъярусному коллежскому терему, где жили студенты: сегодня он пообещал диспут вместо лекции. Конечно, уважающий себя наставник ни за что не пошел бы на поводу у студентов, но Млад любил диспуты в учебной комнате – уютной, с потрескивающей печкой, – а иногда и за чарочкой меда.

Он столько внимания уделял тому, чтобы не уронить с головы треух и одновременно не дать распахнуться полушубку, что неожиданно наткнулся на декана, идущего по тропинке ему навстречу. Декан был человеком крупным, и Млад, хотя на рост и не жаловался, ткнулся головой в его выпуклую грудь, плавной дугой переходящую в не менее выпуклый живот.

– Млад! – декан недовольно сложил мягкие тонкие губы и пригладил мех куньей шубы на груди. – Ну что это за вид? Ты что, истопник? Что ты бегаешь по университету, как студент, грудь нараспашку? В валенках! Будто сапог у тебя нет! И когда ты наконец избавишься от этого собачьего полушубка? Сычёвские мужики побрезгуют такое на себя надеть!

– Это волк, настоящий волк, – улыбнулся Млад.

– Никакой разницы! Заведи хорошую шубу, а то мне стыдно смотреть студентам в глаза. Будто наставники на естественном отделении нищие!

– Хорошо, – в который раз пообещал Млад и хотел бежать дальше.

– Погоди, – декан попытался поймать его за руку. – Ты опять заменил лекцию диспутом?

– Ну... Я в следующий раз диспут на лекцию заменю...

– Да ладно! – хмыкнул декан в усы. – Беги, пока совсем не замерз... Но чтоб в последний раз!

Млад оглянулся на часозвонную башенку Большого терема – до диспута оставалось полчаса, и он прямо с улицы завалился к старому коллежскому сторожу по прозвищу Пифагор Пифагорыч. Пифагорычу было далеко за восемьдесят, в лучшие годы он служил грозным коллежским старостой и мог бы доживать век в покое и достатке, но расстаться с университетом не смог, поселился в сторожке на входе в терем и присматривал за студентами

не хуже родного деда. Со времен службы остались внешняя солидность и строгий взгляд, ясность ума, разве что с возрастом Пифагорыч стал чрезмерно ворчлив.

Настоящего его имени никто и не помнил.

– Здорово, Пифагорыч, – выдохнул Млад, сунув голову в дверь, – погреться пустишь?

– Здорово, Мстиславич, – не торопясь ответил старик. – Заходи, раз пришел.

– Я на полчаса. Ребята пообедают...

– А сам обедал? – Пифагорыч поднял седую кустистую бровь.

– Да некогда домой бежать...

– Садись, шей со мной похлебай, – дед указал на скамейку за столом.

– Похлебаю, что ж, – Млад пожал плечами: отказываться показалось ему неудобным, хоть голода он не чувствовал.

И, конечно, Пифагорыч тут же сел на любимого конька:

– Да, не так живем, совсем не так... В щах курятины и не разглядеть, сметаны будто плюнули разок на целый котел. Про молодость мою я и не говорю, а ты вспомни, как мы при Борисе жили, а?

– Пифагорыч, ну что ты хочешь? – Младу щи показались наваристыми, и сразу откуда-то появился голод.

– Был бы жив князь Борис, он бы быстро всех к порядку призвал. Бояре жируют, власть делят, а княжич против них еще сопля.

– Ты слышал, дознание будет? И года не прошло, решили узнать, своей ли смертью умер князь Борис.

– А ты откуда знаешь? – глаза старика загорелись.

– Меня тоже зовут. Всех, кто волховать¹ может, зовут.

– Расскажешь?

– Ну, если слова с меня не возьмут, чего б не рассказать...

– Да убили его, тут и к бабке не ходи. Либо литовцы, либо немцы, – крикнул дед.

– Наверное, княжич и хочет узнать, литовцы или немцы. Кто убил, того и погонит из Новгорода взащей вместе со всем посольством.

– Долго собирался княжич твой. Батьку родного убили, а он сидит себе и в ус не дует!

– Пифагорыч, ему и пятнадцати еще не исполнилось, что ты хочешь от мальчишки? Он наших студентов с приготовительной ступени моложе на два года почти. Посмотри на них и скажи, о чем они в шестнадцать лет думают? О девках сычѣвских, да о пиве с медом.

– Эти пусть балуют сколько душе угодно, а княжич на то и княжич, чтоб о всей Руси думать! Князь Борис в двенадцать лет в первый поход на крымчан вышел и с победой вернулся! Да и ты, помнится, в пятнадцать в бою успел побывать.

– Я от озорства и от дури, – Млад опустил глаза.

– Это от какой такой дури? А? За Родину сражался от дури? – вскипел старик. – Дожили до того, что за Родину драться стыдимся... Это купцы иноземные людям свой вздор нашептывают! Им, вишь, выгодно, чтоб мы стыдились. А жрецов иноземных сколько понабежало? Не убий, да возлюби ближнего! Опять же, врагам нашим выгода. Да начни сейчас против нас войну, ни один студент не побежит в ополчение записываться! Ты вот тайком сбежал, а эти задов со скамеек не подымут.

– Напрасно ты так, Пифагорыч... Это они пока друг перед дружкой носы задирают, а до дела дойдет – не хуже нас окажутся.

– Ни в твоё время, ни в моё так носов никто не задирает, наоборот, мы ратными подвигами хвалились. А теперь все боярами быть хотят, белы ручки из рукавов вынуть брезгают! Война не боярское теперь дело, вишь ты...

¹ В данном контексте предполагается, что это слово происходит от корня «волх», а не «волхв».

– Так боярами или христианами, Пифагорыч? – подмигнул Млад.

– Один хрен, и редьки не слаще! Одни мошну набивают, другие колени протирают да морды под оплеухи подставляют. И скажи еще, что я не прав!

– Да прав, прав... – улыбнулся Млад.

– Не успел прах Бориса остыть, как тут же воинскую повинность для бояр отменили! – проворчал старик. – Дождались его смертушки... Ты смотри, хорошо познавайся-то... Вдруг и не немцы это вовсе, а наши бояре сговорились? Им-то теперь какая благодать настала!

– Или князья московские, или киевские, у них благодати не меньше... Или астраханские ханы, или крымские, или казанские... Пифагорыч, без Бориса всем благодать, кроме нас. А от меня там ничего не зависит, нас человек сорок соберут.

– Все равно смотри в оба! Наведут морок на сорок волхвов, что им стоит...

– Не так-то это просто – навести морок на сорок волхвов, – вздохнул Млад и в первый раз подумал: а почему позвали именно его? Он не так силен в волховании, есть гадатели и посильнее.

Студенты не дали Пифагорычу высказаться до конца. Впрочем, о боярах и иноземных жрецах он мог брзжать бесконечно, переливая свое возмущение из пустого в порожнее. Млад не любил подобных разговоров, от них он чувствовал себя соломинкой, которую несет стремительное течение ручья. Соломинкой, которая по своей воле не может даже прибиться к берегу.

Сегодня на диспут пришли в основном ребята с первой ступени, и оказалось их раза в два больше, чем рассчитывал Млад: человек двадцать. Он ощутил легкий укол: неужели его объяснения столь непонятны, что большинству студентов не хватает лекций? Ходить на диспуты было вовсе необязательно...

– Я надеюсь, все собрались? – спросил он скорей смущенно, чем недовольно, и подвинул скамейку к переднему столу.

– Млад Мстиславич, а правду нам сказала третья ступень, что к тебе на диспуты без меда приходить нельзя? – развязно спросил кто-то из заднего ряда.

– Можно. Можно и без меда, – Млад вздохнул: студенты никогда его ни во что не ставили – строгим наставником он не был.

– А с медом? – полюбопытствовал тот же голос.

– И с медом тоже можно... – вздохнул Млад еще тяжелей.

По рядам студентов сразу прошло оживление, глухо стукнули деревянные кружки, а потом на второй стол с грохотом взгромоздили ведерный бочонок.

– Подготовились, значит? – хмыкнул Млад. – Ну, тогда скамейки вокруг печки ставьте... Чего за столами сидеть, как на лекции?

Они только этого и ждали: загремели столами, сдвигая их в стороны, зашумели радостно, словно предвкушали пирушку, а не диспут. Младу в руки сунули полную кружку теплого меда и не стали дожидаться, когда он предложит задавать вопросы.

– Млад Мстиславич, а это правда, что ты шаман?

– Правда. Летом увидите.

– А шаманом может каждый стать, если долго учиться?

– Нет, разумеется.

Сразу же раздался обиженный стон и вслед за ним – шепот:

– Я ж тебе говорил!

– Ничего хорошего в этом нет. Шаманство – это болезнь, в какой-то степени – уродство, – попробовал пояснить Млад, – стремиться к этому не имеет никакого смысла. Ваша задача – использовать шаманов, а не становиться ими.

– А их много?

– Их не много и не мало. Способность к шаманству передается через поколение. Сейчас у меня учатся два мальчика, у которых деды не дожили до их пересотворения. А всего в Новгороде и окрестностях белых шаманов около двух десятков. А во всей новгородской земле – не меньше сотни. Особенно их много на севере, среди карел.

– А что такое «пересотворение»?

– А почему только белых?

– Я плохо знаю темных шаманов, их знают на врачебном отделении, – ответил Млад и вздохнул, – а пересотворение... Это когда шаман становится шаманом. Ну, как юноша превращается в мужчину... Примерно. Испытание.

Наверное, он объяснил плохо, потому что никто ничего не понял и все ждали продолжения. Продолжать Младу не хотелось, о шаманах следовало рассказывать весной, когда можно показать вызов дождя в действии. Но из него все равно вытянули рассказ – как обычно, впрочем: он никогда не мог устоять перед настырностью студентов. А через полчаса, когда в голове зашумело от сладкого меда, он и вовсе забыл о том, что ведет диспут, и пустился в долгий спор об отличиях между волхованием и шаманством, о глубине помрачения сознания, о том, что нет разницы между шаманом и волхвом, если исход их волшбы одинаков. Говорил он, как всегда, увлеченно, забыв о времени, размахивал кружкой и не заметил, как поднялся на ноги, – так же, как и другие особо рьяные спорщики.

И стоило ему взобрался на скамейку, показывая, как волхв притягивает к себе облака за невидимые нити, дверь в учебную комнату распахнулась: на пороге стоял декан.

– Млад! – с прежней укоризной начал он, но только покачал головой и процедил сквозь зубы: – Затейник...

Млад спрыгнул со скамейки, пряча за спиной полупустую кружку, и ее тут же подхватил кто-то из студентов.

– К сожалению, вынужден прервать диспут, – декан слегка поморщился, говоря о «диспуте». – Млад Мстиславич, тебя зовут в Новгород.

– Что-то случилось?

Декан то ли кивнул, то ли покачал головой и показал на дверь.

– Извините, ребята... – Млад пожал плечами. – Но раз мы сегодня не успели, придется завтра собраться еще раз...

Похоже, они нисколько не обрадовались окончанию занятия, но повеселели, услышав о продолжении. Млад решил, что студенты со времен его молодости сильно изменились: в его бытность студентом все обычно скучали, слушая наставников.

Как только он прикрыл за собой дверь в учебную комнату, декан скорым шагом направился к выходу и быстро заговорил:

– За тобой прислал нарочного доктор Велезар. Врачебное отделение сани дает – чтобы быстрее ветра... Как наставник поедешь, а не как голодранец, в кои-то веки.

– Что случилось-то? – Млад едва поспевал за деканом. То, что за ним прислал нарочного сам доктор Велезар, не могло не польстить...

– Он подозревает у мальчика шаманскую болезнь. Все думали – падучая... Велезар Светич посмотрел и решил посоветоваться с тобой.

– Юноша в лечебнице?

– Нет. Не все так просто. Мальчик из христианской семьи... Его лечили крестом и молитвой, изгоняли какого-то дьявола. А ему, понятно, все хуже. Так что жди отпора, христианские жрецы сбегутся – на весь свет орать станут. Ну да Велезар Светич знает, как с ними разбираться, не в первый раз. Дикие люди эти христиане... Дитя родное угробят за свою истинную веру.

У выхода их поджидал Пифагорыч.

– Мстиславич, платок возьми теплый... В санях шкуры постелены, а грудь-то голая. К ночи, небось, еще холодной станет.

– Станет, станет, – улыбнулся Млад, – и не «небось», а в точности так.

И хотя восемь верст до стольного града тройка лошадей и впрямь пролетела быстрее ветра, на торговую сторону въезжали в сумерках. Млад не любил путешествовать в санях и снизу смотреть в спину вознице. В Новгород ему нравилось въезжать верхом, когда над берегом издали, постепенно, поднималась громада детинца, сравнимая величиной с крутыми берегами Волхова, и хотелось, вслед за Садко, скинуть шапку, поклониться и сказать:

– Здравствуй, Государь Великий Новгород!

Сегодня и красные стены детинца покрылись инеем, и он слился с белым берегом, белым Волховом, белым сумеречным небом, в которое упирались его сторожевые башни.

Кони пронеслись по льду Волхова мимо гостиного двора, мимо торгового, мимо Ярославова Дворища, свернули к Славянскому концу, миновали земляной вал и потрусили по узким улицам к Ручью.

Возница остановил сани около покосившегося забора: дом за ним напоминал согбенного временем старца. Один угол просел в землю, крыша накренилась в его сторону, оконные рамы смялись перекошенными тяжелыми бревнами и почернели от времени. Словно не было в доме хозяина... Впрочем, Млад не осуждал, он и сам хорошим хозяином себя не считал. Если бы сычьевские мужики не следили за жильем студентов и наставников, он бы давно переселился в землянку.

Доктор Велезар – красивый стройный старик, убеленный сединой, с умным лицом и внимательным добрым взглядом – вышел на улицу встречать Млада, пригнувшись под сломанную перекладину калитки.

– Здравствуй, Велезар Светич! – Млад еле дождался, когда кони остановятся, и немедленно выкарабкался из-под овчины, в избытке наваленной на сани.

Доктор, конечно, считался наставником университета, причем старейшим и весьма уважаемым, и счастливы были те студенты, которым довелось слушать его лекции. Но основное время Велезар Светич уделял практике и в ученики брал молодых врачей, осиливших знания, данные университетом. Млад иногда задавался вопросом: а когда старый доктор спит? Три новгородские лечебницы, бесконечное число больных по всему городу и округе, университет, ученики! Говорят, доктор Велезар лечил самого князя Бориса. А кого еще могли позвать к князьям в случае тяжелой болезни? При этом доктор не обращал внимания на мощь своих больных – легкие, скучные для него случаи тут же отдавал ученикам.

Он терпеть не мог исконно русского слова «врач», говорил, что оно происходит от слова «вранье» и порочит его доброе имя, поэтому предпочитал зваться по-латыни – доктором.

Нельзя сказать, что Велезар Светич ничего не понимал в шаманской болезни: он частенько прибегал к помощи темных шаманов и знал их подноготную досконально, но одно дело – знать понаслышке, и совсем другое – за руку вести молодого шамана к пересотворению. Такое может только другой шаман, который сам когда-то прошел этот путь, который знает, что происходит за плотно сомкнутыми веками бесчувственного тела, какие видения преследуют юношу на этом пути, какая смертельная опасность его подстерегает. Млад не мог не отдать должного знаменитому доктору – не каждый в его положении способен сказать: я плохо в этом разбираюсь, позовем того, кто знает об этом больше меня.

– Мальчику стало лучше, – вместо приветствия ответил он Младу, – наверное, ты сможешь с ним поговорить.

– Откуда шаман мог взяться в христианской семье? – вполголоса спросил Млад, пока они поднимались на крыльцо.

– Это новообращенные. Дед умер, отец погиб на войне, остались мать, бабушка и молодая тетка. Вот они и окрестились, чтобы не скучать... И юношу, конечно, втянули. Я побоялся спросить, по какой линии идет наследственность: по отцовской или по материнской. Ты бы слышал, что началось, когда я только заикнулся о шаманах! Пришлось брать свои слова назад, иначе бы их жрецы оказались тут раньше тебя. Так что... поосторожней. Они и в лечебницу не хотят его отдавать, иначе бы давно забрал.

– Они католики или ортодоксы?

– Какая разница? Похоже, ортодоксы, – пожал плечами доктор Велезар и распахнул дверь.

В нос сразу ударил тяжелый масляный запах благовоний, вырвавшийся на крыльцо с облаком мутного, серого пара. По всей избе горели свечи, не меньше трех десятков тонких свечей, распространявших, кроме чада, непривычный аромат, которого не дает обычный воск. Млад перешагнул через порог, и взгляд его сам собой тут же уперся в темный лик одного из христианских богов, облаченный в блестящий золотом оклад. Взгляд бога показался Младу угрожающим, несмотря на благодное выражение лица и приподнятые домиком брови: рука сама потянулась к оберегам на поясе. В убогой обстановке полунищей избы, потерявшей кормильца, блеск золота выглядел по меньшей мере странно. Словно бог оттяпал у горькой вдовы лучший кусок и не погнушался этим.

Мальчику было лет пятнадцать, хотя больше двенадцати-тринадцати никто бы ему не дал: не потому, что он похудел до прозрачности – это стоило списать на болезнь, – просто выражение его лица показалось Младу не соответствующим возрасту, слишком наивным, что ли... Он и сам всегда выглядел моложе своих лет, что в деле обучения студентов сильно смущало его и мешало; всю вину за это он сложил на имя, полученное после пересотворения.

С таким лицом – беспомощным, ищущим заступничества у всех вокруг – подходить к пересотворению нельзя... А Младу хватило одного взгляда, чтобы не сомневаться в подозрениях доктора Велезара: это именно шаманская болезнь. И, похоже, на завершающей своей ступени: еще несколько дней, самое большее – неделя, и начнется испытание... Но зимой? Неужели боги не видят, когда призывать парня к себе? Когда они так далеко, а ему так трудно будет остаться с ними наедине?

Млад осмотрелся и заметил трех женщин за столом, глядевших на него подозрительно и без надежды. Все три были одеты в темно-серые широкие балахоны, с платками на головах.

– Погасите свечи, – велел он им, – и оставьте нас ненадолго. И не мешало бы проветрить...

– Щас! – поднялась с места самая молодая из них. – Ишь, чего захотел! Чтоб дьяволу в нем вольготней было, что ли?

– Видали, видали мы, как ты от ладана-то шарахнулся! Будто кипятком тебя ошпарили! – заголосила вторая.

– У него только что закончился судорожный припадок, – доктор Велезар нагнулся к юноше и заглянул в глаза.

– От ладана, да от свеч, да от молитвы дьявола в нем корчит! – пояснила молодая – видимо, тетка. – И в церкви его всегда корчит!

Младу показалось, что он сошел с ума. От какого ладана? В какой церкви? Мальчику нужен свежий ветер и одиночество... И не лежать он должен сейчас, а бежать от всех, прочь из города, в лес, в поле, где никто не помешает ему слышать зов богов.

– Как давно он заболел? – спросил он у Велезара.

– Прошлой зимой он стал раздражительным и беспокойным. Все время норовил убежать...

– Зимой? – едва не вскрикнул Млад. – Да ты что? Как это – зимой? Ты хочешь сказать, боги зовут его больше полугода?

– Да год скоро, – вставила бабка.

– Благодарение отцу Константину! – проворчала тетка. – Не дает дьяволу забрать нашу кровиночку...

Если боги зовут будущего шамана, а он не идет им навстречу, он умирает. Зов сжигает его. Может, у христиан все иначе? Что станет с мальчиком, если он не откликнется на зов? Если он захочет служить чужому богу? Млад никогда с этим не встречался. Бывало так, что юноша не понимал, что с ним происходит, но безотчетное побуждение заставляло его искать одиночества, и, рано или поздно, голоса из густого белого тумана видений становились осмысленными и объясняли, куда его зовут. Конечно, с учителем было легче, быстрее, проще. Млада готовили к пересотворению с младенчества, его учили быть сильным и в трудный час полагаться только на себя. И болел он совсем недолго: от первых смутных ощущений до судорожных припадков прошло едва ли два месяца. Ему было тогда всего тринадцать, за что он и получил свое имя.

Пересотворение – всегда смертельная опасность. Но целый год противиться воле богов? Целый год мучительной, страшной болезни, выворачивающей душу наизнанку? Млад хорошо помнил тот день, когда его дед понял, что происходит. Ни дед, ни отец не ждали этого так рано: чем раньше боги призывали шамана, тем верней была его смерть во время испытания.

Тогда его звали Лютиком... Млад привык вспоминать свое детство так, словно это произошло с кем-то другим, с мальчиком по имени Лютик... Сначала он чувствовал лишь странную опустошенность, от которой хотелось выть на луну – про себя он называл это ощущение безвыходностью. Тогда он убегал в лес и бесцельно бродил там, стараясь разогнать непонятную, неприятную тоску. Сперва ему нужно было совсем немного времени, чтобы прийти в себя и вернуться в хорошем настроении, но с каждым днем времени требовалось все больше, а тоска накатывала все чаще. Потом к тоске прибавилось странное ощущение: Лютик чувствовал, как в нем что-то ноет, доводит его до дрожи – это было похоже на зуд, но внутри. Как будто он долго лежал в неудобной позе и должен немедленно пошевелиться, что-то изменить.

Ощущение было ярким и нестерпимым, и если он не мог немедленно уйти и побродить где-нибудь, то становился раздражительным, чего с ним обычно не бывало. А потом внутренний зуд обернулся мучительной болью в суставах и судорогами, он стал плохо спать. Он не мог долго обходиться без движения, в нем что-то клокотало, накапливалось, набухало. Он помогал отцу и деду, играл со сверстниками, но это перестало его радовать, раздражало, ему все время хотелось побыть одному. Однако когда он оказывался в одиночестве, становилось ненамного легче: ему слышались странные пугающие голоса и мерещились тени там, где их вовсе не было. Он не просто ходил – он метался по лесу, бился головой о стволы деревьев, падал ничком на землю и стучал по ней кулаками.

Как-то раз отец попробовал его остановить на пути в лес – это случилось сразу после завтрака, и они собирались косить сено.

– Лютик, ты куда? – спросил отец.

– Я сейчас приду, – ответил Лютик, недовольно сжав губы.

– Мы же договорились, по-моему.

– Я сказал: я сейчас приду!

– Нет, дружок, никуда ты не пойдешь. Собирайся и пошли со мной.

Лютик скрипнул зубами, развернулся и упрямо направился к лесу.

– Эй, парень! – окликнул его отец озадаченно: Лютик всегда уважал и отца, и деда, но тут не остановился и не оглянулся. Отец догнал его, крепко взял за плечо и развернул к себе лицом.

– Отпусти меня! – выкрикнул Лютик. – Я же сказал! Отпусти!

– Лютик, ты чего? – отец встряхнул его за плечи, но Лютик начал вырываться и пихать отца руками. Его трясло от мысли, что он не сможет сейчас же остаться в одиночестве; то, что в нем накапливалось, требовало немедленного выхода, ему хотелось бежать, он просто не мог стоять тут так долго! Немедленно! Ему хотелось разорвать грудь, разломать ребра и выпустить наружу это нечто, что зудело и дрожало внутри.

– А ну-ка прекрати! – прикрикнул отец, но Лютик только сильнее озлобился и стал сопротивляться всерьез, извиваясь и пиная отца кулаками и босыми пятками. Конечно, справиться с отцом он не мог, тот с легкостью скрутил его и усадил на землю. Но от этого по телу Лютика побежали болезненные судороги.

– Да что с тобой? Что случилось? – отец вовсе не сердился, он удивился и испугался.

– Ничего! – вскрикнул Лютик. – Я сказал, отпусти!

– Да иди, пожалуйста, раз тебе так надо, – отец убрал руки и отступил на шаг. Лицо его было растерянным.

Лютик подпрыгнул и побежал в лес, глотая слезы и сжимая кулаки. Но и в лесу легче ему не стало. Он упал на колени и завыл волчонком – невыносимо, невыносимо! Да как же избавиться от этого непонятного зуда? Он схватился за воротник и рванул с груди рубаху – она лопнула с треском, а он, наверное, и вправду решил разорвать себе грудь голыми руками, царапая ее ногтями до крови... Белый туман, пугающий белый туман окружил его со всех сторон.

– Мальчик Лютик? – спросил женский голос, похожий на колокольчик.

– Да, это он, – ответил густой бас.

– Он же совсем маленький! – возмутился женский голос.

– Ему тринадцать, – согласился бас, – не так это и мало.

...У Млада до сих пор остались тонкие белые шрамы на груди – так глубоко он ее процарапал. Тогда он впервые оказался в белом тумане, наполненном непонятными, пугающими голосами. И в тот же вечер дед объяснил ему, что у него началась шаманская болезнь.

Мальчик лежал перед Младом на подушке, набитой сеном, и веки его подергивались. Почти год? Год мучений, внутреннего зуда, боли, выворачивающей каждый сустав, год судорог, едва не ломающих кости!

Млад присел перед ним на корточки и осторожно дотронулся до тыльной стороны его ладони: чужое прикосновение мучительно для мальчика... Но Младу надо было почувствовать, что происходит у того внутри.

По телу тут же пробежала дрожь, плечи передернуло: Млад на миг вернулся в тот далекий день и почувствовал желание рвануть на груди рубаху... Страх. Он не делает этого только из страха. Странная смесь сдерживающих начал и подавленной воли. Ему хватает воли на то, чтобы держать свое страдание в себе, и нет ни капли сил отстаивать свое право на это страдание. Он все силы тратит на то, чтобы скрыть внутреннюю дрожь, боль, но спрятать от посторонних глаз судороги не может.

– Скажи мне, ты уже видел белый туман? – спросил Млад.

– Да... – слабым голосом ответил мальчик.

– А духов? Духов в тумане ты видел?

– Бесов? Видел. Они хотят забрать меня к себе.

– Нет... – Млад улыбнулся, – они лишь хотят пересотворить твоё тело. Не нужно бояться духов, они не желают тебе зла.

– Я их не боюсь, – неуверенно сказал мальчик. – Я не боюсь их! Я их ненавижу! Они враги рода человеческого!

– Кто тебе это сказал? – Млад поднял брови.

– Я знаю. Господь спасет меня и заберет к себе на небо, если я не поддамся соблазну! Меня охраняет сам Михаил-Архангел!

Глупая религия... Так решительно утверждать, кто есть враг, а кто нет? Может быть, христианским богам северные боги действительно враги, но при чем здесь человеческий род? Человек волен выбрать, кого из богов славить, чьим покровительством заручиться, кому служить верой и правдой и у кого просить совета. Что делать, если мальчик выбрал этого Михаила-Архангела – врага северных богов?

Млад хотел беспомощно развести руками и спросить совета у доктора Велезара, но внезапно его прошиб пот и сильно кольнуло в солнечном сплетении: огненный дух с мечом в руках – никакой не бог, всего лишь слуга бога – стоит и ждет, когда борьба сожжет мальчика. Ждет, подобно стервятнику над истекающим кровью зверем, чтобы без боя забрать предназначенную ему жертву...

Мать мальчика тонко завывала, когда Млад сказал, что тот умрет, если не послушает зова богов. Ее сестра, напротив, вскочила на ноги, сверкая зелеными глазами.

– Врешь! Нарочно врешь! Язычник проклятый! – выкрикнула она, брызгая слюной. – Не слушай его, сестрица! Он нарочно! Вспомни, что отец Константин говорил: это Господь твою веру на крепость проверяет, посылает твоему сыну соблазн дьявольский!

Млад посмотрел на доктора Велезара, и тот сел за стол, напротив женщин.

– Млад Мстиславич говорит правду.

– Как же... – ахнула мать. – Михаил-Архангел... защищает же... на небеса обещал взять...

– Тут, милая, выбирай: мертвый сынок на небесах с Михаилом-Архангелом – или живой, у тебя под боком, – доктор укоризненно покачал головой.

– Не слушай, сестра! – взвизгнула младшая, и из-под ее серого платка выбилась прядь выющихся рыжих волос. – Верить надо! Верить, и все будет хорошо!

Млад не разделял уверенности доктора: если мальчик послушает зов, это вовсе не означает, что он останется в живых, – у него нет сил, и он... не привык полагаться на себя. Он уповает на помощников и защитников: он не переживет пересотворения. Но все равно это лучше, чем полная безнадежность!

Бабка смотрела то на одну дочь, то на другую, а потом робко встала:

– Может, ну его, этого Михаила-Архангела? Пусть как у людей все будет... Отец ваш покойный всю жизнь шаманил, и ничего...

– И в аду горит теперь! – фыркнула младшая. – И внуку того же хочешь? Вместо райских куш и жизни вечной?

– Да зачем нам эти райские кущи? – неуверенно пробормотала бабка. – Лучше уж со своими, с прадедами... Родные люди – они родные и есть, в обиду не дадут...

– Мама, замолчи сейчас же! – младшая топнула ногой. – Что несешь-то? Кого слушаешь? Язычников проклятых? Они же враги Господу нашему! Они дьяволу поклоняются!

– Я бы забрал его с собой, на несколько дней... – обратился Млад к матери мальчика. – Я бы попробовал... Это очень трудно – без учителя в такие дни...

– Чему учить-то его станешь, а? – змеей зашипела младшая. – Нашелся учитель! Поумней тебя учителя найдутся!

– Млад Мстиславич – опытный учитель, через него прошло множество шаманов, и темных и белых, – терпеливо сказал доктор Велезар матери, не обращая внимания на тетку, – ему можно доверять.

Мать только расплакалась в ответ, всхлипывая и причитая:

– Как же... в ад на муки вечные... кровиночку мою...

– Да не в ад, дура ты дура... – вздохнул доктор.

Млад склонился над мальчиком:

– Поехали со мной, парень. Тебе зовут родные боги.

– Я... не могу... Отец Константин сказал...

– Плевать на отца Константина! – вдруг разозлился Млад. Он привык уважать чужую веру, но всему есть предел! Принести мальчика в жертву, даже не попытаться спасти ему жизнь! Запугать, мучить его столько времени, и все ради того, чтобы он не мог приблизиться к родным богам, чтобы достался тому огненному духу с мечом?

Млад поднялся, подошел к двери и распахнул ее настежь: холод ворвался в избу, перемишываясь с душным паром и чадом свечей. Младшая выскочила из-за стола и попыталась ему помешать, выкрикивая:

– Что делаешь? Что творишь-то? Дьявола в дом пустить хочешь? Тошно тебе от божьей благодати?

– Ой-ё-ё-ё-ё-ёй! – взвыла мать. – Ой, что будет, что будет теперь!

– Не смей тут распоряжаться! Не твой дом! Антихрист проклятый! – младшая вцепилась в полушубок Млада, когда он направился к окну. Младу очень хотелось усадить ее на лавку, но он сдержался и дернул на себя створки перекошенных ставень, впуская морозный ветер, сквозняком прорвавшийся в избу. Ветер пролетел к двери, свечи затрепетали и стали гаснуть одна за другой, наполняя избу едким, пахучим дымом. Полумрак разгоняла только лампадка с дрожащим огоньком под золоченым образом: в темноте Младу показалось, что христианский бог оскалился и сверкнул глазами.

Млад склонился к лавке, на которой лежал мальчик.

– Так легче?

– Я не знаю... – шепнул тот и вдохнул морозный воздух: глубоко, полной грудью.

– Я отца Константина сейчас позову! Думаешь, нет у нас заступников? Сам Господь нам заступник! – младшая кинулась к двери, хватая по дороге фуфайку.

– Поедешь со мной? – спросил Млад у мальчика.

– Я не знаю... – лицо его сморщилось: он собирался заплакать.

– Нет, парень, так не пойдет! Решай! Сам решай, никого не слушай!

– Я не знаю! – всхлипнул юноша. – Я больше не могу! Мама!

– Что, сыночка? – рыдающая мать подскочила к своему чаду. – Что, дитятко мое?

Млад скрипнул зубами: он не переживет пересотворения. Если только за оставшиеся ему несколько дней не научится быть мужчиной...

– Мама, мамочка! – мальчик разрыдался у нее на груди. – Я боюсь! Я боюсь их! Они хотят меня убить!

Доктор Велезар прикрыл дверь и подошел поближе к лавке.

– Мы не хотим тебя убивать, честное слово! – спокойно сказал он и положил руку на дрожавшее от рыданий плечо.

– Не вы, – сквозь слезы выговорил мальчик. – Не вы... Бесы, бесы в белом тумане! Они хотят меня убить и забрать в ад!

– Это не бесы. Это духи, – доктор оставался бесстрастным. – Перестань плакать и решай: будешь ты шаманом, как твой дед, или останешься умирать здесь, с мамками и тетками. Ну?

Невозмутимый голос доктора возымел действие: мальчик поднял на него глаза, полные слез.

– Поезжай, Мишенька, – вдруг сказала из-за стола бабка, – поезжай. Что ж напрасно мучиться-то? Отец Константин только разговоры разговаривает, а вылечить тебя не может.

Мать прижала сына к себе изо всех сил.

– Как он поедет? Куда? Кто за ним ухаживать будет, кормить-поить? Он же шагу ступить не может, ложку в руках не держит!

– Ну? – доктор не слушал женщину и говорил только с мальчиком. – Решай сейчас, немедленно. Ты едешь или остаешься?

– А я умру, если останусь? – лицо мальчика дернулось.

– Ты умрешь, и твой Михаил-Архангел заберет тебя к себе... – ответил Млад, – уж не знаю, то ли на небеса, то ли в райские кущи...

Мать взывала с новой силой.

– А если нет?

– А если нет – тебя ждет пересотворение. И тут все зависит от тебя: если хочешь жить, если будешь сильным – останешься жить.

– Я хочу жить, – угрюмо сказал мальчик и отстранился от матери.

Глава 2. Проповедники и духи

Возница свистел, гикал, шевелил кнутом, и тройка неслась по Волхову вскачь – лед прогибался и кряхтел под ударами копыт. Месяц тускло просвечивал сквозь морозную дымку, окутавшую землю. Мальчик рядом с Младом глубоко дышал, ворочался и постанывал – Млад старался не дотрагиваться до него и не смотреть в его сторону.

Он еще до отъезда хотел сказать доктору Велезару, что пересотворения мальчик не переживет, но у него не повернулся язык. Будто этими словами он подписывал парню приговор, будто эти слова могли что-то значить в его судьбе. Словно Млад снимал с себя ответственность, заранее оправдывал неудачу, и после них можно было не беспокоиться, отстраниться, наплевать...

Погоня не заставила себя ждать – в полумраке на белом снегу Млад легко разглядел двое саней, шедших следом. Чтоб христианские жрецы так легко выпустили из рук кого-то из своей и без того малочисленной паствы?

Они добрались до университета и подъехали к дому Млада, когда сани отца Константина только поднимались на берег Волхова. Млад хотел взять мальчика на руки, но тот покачал головой и сказал:

– Я сам. Я могу ходить. Мне только после корчей тяжело...

Млад кивнул и распахнул перед ним дверь в сени. Ленивый рыжий пес Хийси, дремавший в будке, нехотя приподнял голову и два раза хлопнул по полу хвостом – поприветствовал хозяина.

Домики наставничьей слободы нисколько не напоминали крестьянские избы: наставники не вели большого хозяйства, не держали скотины, им не нужны были обширные подклеты и высокие сеновалы. В университете домики называли теремками: несмотря на малый размер, все в них было устроено, как настоящем тереме. Каждый дом делился на спальни и горницы, небольшие решетчатые окна в двойных рамах закрывались стеклами; топились дома по-белому – университет не знал нужды в дровах; сени, хоть и назывались сенями, больше напоминали маленькие кладовки между двух дверей.

Дома было жарко натоплено и пахло едой: двое подопечных Млада хорошо справились с хозяйством.

– Ты что так долго, Млад Мстиславич? – спросил семнадцатилетний Ширий, не отрывая лица от книги.

– Товарища вам привез, – ответил Млад и хотел подтолкнуть мальчика в спину, но вовремя остановился: любое неосторожное движение могло вызвать судороги.

Ширий оторвался от книги, а из спальни выглянул Добройой. Оба прошли испытание в конце лета и только в мае должны были попробовать себя в самостоятельных путешествиях к богам, а пока поднимались наверх вместе с Младом. Они слишком хорошо помнили свою шаманскую болезнь, и Млад не опасался, что ребята не поймут новичка или обидят по неосторожности.

– Как тебя зовут? – не дожидаясь, пока новенький разденется, спросил Добройой – здоровый шестнадцатилетний парень, ростом и шириной плеч обогнавший Млада.

– Михаил, – затравленно ответил мальчик, рядом с Добройоем казавшийся тощим цыпленком.

– Какое-то странное у тебя имя, нерусское, – Добройой пожал плечами – беззлобно, скорей удивленно.

– Меня дома Мишей звали, – словно извиняясь, тут же добавил тот.

– Миша так Миша, – Ширий поднялся и протянул руку. – Я – Ширий, а он – Добройой. У нас уже настоящие имена.

– Как это – «настоящие»?

– После пересотворения каждому шаману дают настоящее имя. И тебе тоже дадут. Давайте ужинать, а то мы заждались уже.

– Погодите с ужином, – Млад повесил полушубок на гвоздь у двери, – сейчас к нам гости пожалуют.

– Так тут и на гостей хватит... – Добройой приоткрыл крышку горшка, стоявшего на плите, и заглянул внутрь: крышка со звоном упала на место, а Добройой прижал пальцы к мочке уха.

– Думаю, они с нами трапезничать не станут, – пробормотал Млад.

Храп коней и множество голосов за дверью были ему ответом. На этот раз Хийси не поленился подняться и гавкнуть раза два тяжелым басом.

Дверь распахнулась без стука: первым в дом вошел толстый жрец в золоченой ризе, надетой поверх шубы, за ним еще трое – в черных рясах под фуфайками: это, очевидно, были ортодоксы, причем болгары, а не греки. Но и на этом дело не кончилось: вслед за ортодоксами появились два католика, с ног до головы закутанных в меха – от русского холода. Вот ведь... Говорят, они непримиримые враги и вечные соперники в борьбе за чистоту веры. Только на Руси они почему-то не ссорятся, напротив, горой стоят друг за дружку...

Жрец в ризе осмотрелся по сторонам и перекрестил помещение. Миша ссутулился и низко опустил голову – Млад прикрыл его спиной на всякий случай.

– Безбожное место... – проворчал жрец и бесцеремонно обратился к Младу: – Зачем отрока забрал?

Млад не стал ссылаться на то, что отрок сам пожелал ехать с ним: только допроса мальчишке сейчас и не хватало.

– Если он не пойдет на зов богов, он умрет.

– Если он и умрет, то только для того, чтобы возродиться к жизни вечной. И не твое поганое² дело за него решать.

Млад глянул жрецу в глаза: удивительно, но жрец христианского бога, занимавший, по-видимому, высокий пост среди других жрецов, вообще не имел *potentia sacra*³. Как же он общается со своим богом? Откуда узнает его волю?

– Юноша останется здесь, – ответил Млад.

– Душу, уже спасенную, погубить стараешься? – усмехнулся священник. – Сам в дикости первобытной живешь и других за собой тащишь?

«Первобытная дикость» больно задела Млада – разговор переходил в область *politiko*⁴.

– Мы со своей первобытной дикостью разберемся сами, без иноземцев. Юноша новгородец, а не болгарин, его зовут родные боги.

– Твои боги – суть деревянные истуканы. Бог един и всемогущ, он не знает границ и народностей, для него все равны! – с пафосом произнес жрец.

– Мне любопытно, а кто тогда зовет юношу? Деревянные истуканы? – усмехнулся в ответ Млад.

– Бесы, прислужники Сатаны, врага рода человеческого. И ты тоже его прислужник, вольный или невольный.

– Мне все равно, как в Болгарии называют моих богов, а меня – и подавно. Спасайтесь от своего бога сами, без нас. Мальчик останется здесь, даже если вы всю ночь будете читать мне лекцию о чужих богах.

– Мы заберем его силой, – мрачно кивнул жрец.

² Поганный (здесь) – от лат. *paganus* – языческий.

³ Сакральная сила (лат.).

⁴ Государственные или общественные дела (греч.).

– Я слышал, христиане не противятся злу насилием. Или к жрецам это не относится?

– Защита веры – это не противление. Спасти божьего раба, его душу от адových мук – богоугодное дело.

– Раба? И когда это новгородца успели продать в рабство? Убирайтесь-ка прочь, дорогие гости. Это мой дом.

– Дикая страна и дикие люди... – пробормотал вдруг один из католиков сквозь платок, который от мороза прикрывал даже нос, – им несут божественный свет, но они предпочитают гнить в своем невежестве...

Католик сказал это по-латыни, и Млад отлично его понял.

– *Suum cuique placet*⁵, – проворчал он так же тихо. Бахвальство, конечно, и для католика вовсе не убедительное. Эти иностранцы приехали в страну, где грамоту знает каждый второй хлебопашец, в университет, где учится две тысячи студентов, где естественные науки достигли таких высот, что им и во сне не приснится! И смеют говорить о невежестве? В то время как их города тонут в нечистотах?

– Напрасно ты не послушался нас с самого начала, отец Константин, – кашлянул второй католик. – Святая инквизиция давно знает, что Дьявол рано или поздно победит даже самую крепкую в вере душу. Только огонь может вернуть такую душу Богу. Только *actus fidei*⁶.

– Средства вашей святой инквизиции распугают варваров! – брезгливо прошипел отец Константин. – Поэтому ваша паства в пять раз меньше моей!

– Но зато их вера непоколебима, – с достоинством кивнул католик, – а твоя паства разбегается от тебя, будто ты пасешь стадо зайцев, а не овец. Стоило рядом появиться волку...

– Волк – это я? – усмехнулся Млад, прерывая их препирательства. – Значит, юноша должен поблагодарить тебя за то, что его не отправили в вечную жизнь путем сожжения на костре? Быстро и надежно, ничего не скажешь... Убирайтесь прочь! Ваш бог не получит мальчика!

И тут неожиданно понял: и католикам, и ортодоксам наплевать и на их бога, и на потерянную душу, и на Дьявола... Они понятия не имеют, что там, на кромке белого тумана, стоит огненный дух с мечом в руках и ждет добычи... Они пользуются заученными правилами, а движет ими желание получить власть. Как хитер их бог! Его слуги действуют, словно пчелы в улье, словно муравьи в муравейнике! Каждый тащит малую толику и не понимает, во что эти малости складываются!

– Михаил! – зычно позвал отец Константин. – Михаил! Тебя соблазняют мгновением против вечной жизни!

– Оставь свои проповеди! – Млад пошире расставил руки, прикрывая мальчика. – Я его не соблазняю, я его уже соблазнил. И вся твоя вечная жизнь не стоит и мгновенья жизни настоящей.

– Мне надо поговорить с ним наедине, – уверенно заявил жрец.

Млад покачал головой:

– Не сомневаюсь, ты найдешь много сладких слов, чтобы убедить юношу в своей правоте. Только чего они стоят, если твои построения в его душе рассыпались из-за одного короткого разговора со мной?

– Поддаться соблазну легко, трудно устоять против него, – не медля ответил отец Константин. – Я спасаю его, а ты толкаешь в бездну! Столкнуть – одно мгновение, а вытащить?

А ведь жрец верит в это... Он не знает об огненном духе с мечом. Он искренне полагает, что его бог единственный... А остальные – бесы, враги человеческого рода, а не его бога. Ему не надо выбирать, на чью сторону встать, за него все давно решено! Как же хитер их бог!

⁵ Каждому нравится свое (лат.).

⁶ Дословно – дело веры (лат.): казнь за преступление против веры, обычно подразумевается сожжение.

Жрецы отбыли ни с чем: исход спора решил Хийси, отпущенный Добробоем. Конечно, они жаловались ректору, но ректор был одновременно деканом врачебного отделения, другом доктора Велезара и ограничился тем, что на следующий день пожурил Млада за невежливую встречу иноземных гостей.

Вечером Млад вывел Мишу в лес, опасаясь, что в одиночестве тот заблудится в незнакомом месте: лучше всего от шаманской болезни помогали долгие прогулки, а иногда они избавляли и от судорожного припадка. Свежий ветер, добрая еда и учитель – вот все, что могло помочь будущему шаману для подготовки к пересотворению.

Разговор с мальчиком не удовлетворил Млада: дело не в телесной слабости – тот рос, окруженный женщинами и жрецами, и не представлял себе, что значит быть мужчиной. Он был на два года старше, чем Млад ко времени своего испытания, но эти два года ничего не дали для его взросления.

Рассказ о пересотворении напугал Мишу. Млад держался на грани: как не напугать, но и не обмануть? И все равно напугал, хотя не сказал и десятой доли того, что знал перед испытанием сам. Млад вывел мальчика на берег Волхова, когда месяц вынырнул из тумана. Кипенно-белое пространство простерлось впереди, сзади тепло светились окна в теремах университета, лаяли собаки в Сычёвке, замер заснеженный лес. Месяц плыл сквозь молчаливую зимнюю ночь, то кутаясь в облаках, то освещая землю ровным синеватым светом.

– Посмотри вокруг. Красиво, правда?

Миша глядел с любопытством и не понимал, о чем говорит Млад.

– Мир, в котором ты живешь, – прекрасен. Он прекрасен каждый час, каждый миг. Жить в этом мире – большое счастье. Что бы с нами ни случилось, как бы тяжело нам ни было, надо помнить об этом.

Юноша кивнул, но слова Млада не тронули его сердца. Может быть, потом, чуть позже, он вспомнит их и поймет?

Млад выделил ему свою спальню, а сам перебрался в спальню к ребятам, на лавку: нет ничего мучительней во время шаманской болезни, чем невозможность остаться в одиночестве. А в незнакомом месте, да еще и зимой, юноше будет трудно уединиться.

Разглядев у Млада шаманскую болезнь, дед на следующий же день построил в лесу шалаш – небольшой и уютный. Пол он выстлал лапником и сверху навалил душистого, только что высушенного сена, стены сложил из дубовых и березовых ветвей, так что внутри шалаш заполнял мягкий зеленый свет. Млад – тогда еще Лютик – хотел ему помочь, но дед отправил его домой со словами:

– Побудь с матерью. Она места себе не находит.

Однако стоило Лютику переступить порог дома, на него снова навалились тоска и раздражение, и он сбежал в лес. Мама не плакала, но Лютик видел, как ей трудно: она старалась лишний раз к нему прикоснуться, приласкать. И смотрела, смотрела не отрываясь, не мигая, словно хотела налюбоваться на всю оставшуюся жизнь. Глядя на ее страдания, Лютик впервые подумал, что будет, если он не сможет выдержать испытания. До этого он и мысли не допускал о том, что может умереть, теперь же сомнение поселилось в его душе. Вдруг мама чувствует его смерть? Да и отец время от времени клал руку ему на плечо, смотрел украдкой, и лицо его искажала гримаса страдания и боли.

Лютик начал смотреть по сторонам – не предвещает ли что-нибудь его скорой гибели? Дед учил его замечать знаки опасности: когда вороны кричат просто так, а когда – чуя беду; как дует ветер, если хочет предупредить; как течет в реке вода. Ветра не было вообще, вороны почему-то молчали, а речушка возле дома журчала себе меж берегов и ни о чем не говорила. Только петух время от времени оглашал двор радостным кукареканьем,

но Лютик так и не разобрался, правильно он кричит или нет, хотя дед много раз объяснял ему разницу.

Посоветоваться с отцом он не решился: вдруг тот посчитает его сомнения слабостью и страхом?

Волнение Лютика, хоть и таило в себе некоторые опасения, было скорей радостным. Когда на него «накатывало», он уже не пугался. Во всяком случае, не рвал рубаху и не царапал грудь, хотя иногда этого очень хотелось.

Теперь каждый раз, убегая в лес, – а это случилось за последний день раз семь или восемь, – он оказывался в том самом тумане, из которого его звали голоса. Но Лютик, слушая советы деда, остерегся говорить с духами.

Последнюю ночь он ночевал дома, и мама сидела рядом с ним. Отец ворочался в постели и скрипел зубами.

– Оставь его в покое, – ворчал дед на маму, – ему и без тебя тошно!

– Я только посижу рядом. Я не трогаю его, не держу. Я просто рядом посижу, хорошо, сыночек?

Лютик, жалея ее, кивал, но на самом деле ему было невыносимо оттого, что на него кто-то смотрит, да еще со страхом и жалостью. Он не мог долго лежать в одном положении, но чем больше ворочался, тем более сострадательным становился мамин взгляд. Хотелось крикнуть, чтобы она ушла, не мучила его, но он не посмел. Ему ломало суставы, он вытягивал ноги и до боли распрямлял руки, но вскоре и это перестало помогать. Если бы не мама, он бы сделал что-нибудь, но боялся ее напугать.

Воздух казался ему затхлым, душным, он вдыхал его с трудом, глубоко и шумно, и опять же старался делать это не так заметно, но мама все видела и слышала. Он стискивал кулаки, отворачивался от нее, но чувствовал ее взгляд спиной – так отчетливо, что сводило мускулы на спине. Потом и руки начало скручивать судорогой, стоило только потянуться, и ноги, и живот, – ему казалось, что мышцы отрываются от костей, с такой силой они сжимались. Он едва не расплакался, так это было больно. Мама закрыла рот руками и зажмурилась, и из крепко сомкнутых губ ее все равно прорвался тихий стон.

– Отойди от него! – прикрикнул дед. – Немедленно!

Но мама, напротив, склонилась к Лютику и прижалась лицом к его ногам. Он не хотел ее обижать, однако это переполнило чашу терпения: Лютик вскочил с постели, надеясь убежать из дома, но ноги подогнулись, едва коснувшись пола, и он упал навзничь, стукнувшись головой. Судорога охватила все тело, он отчаянно закричал и почувствовал, что задыхается. Рот наполнился пеной с привкусом крови, она потекла обратно в глотку – боль рвалась наружу криком, и Лютик захрипел. Ему казалось, что хрустят кости, выворачиваются суставы и ребра расходятся в разные стороны. Что-то кричал дед, вскочил отец, в голос рыдала мама, и Лютик думал, что от их крика его скручивает еще сильнее.

Отпустило его через целую вечность – он бы очень удивился, узнав, что судороги продолжались совсем недолго. Он боялся шевельнуться и вздохнуть, ему казалось, что малейшее движение снова вызовет припадок.

– Не прикасайтесь к нему! – рявкнул дед на родителей. – Вы хотите, чтобы это повторилось?

Слезы бежали из глаз, все тело болело, и прошло немало времени, прежде чем Лютик попробовал шевельнуться. Дед склонился над ним и вытер ему лицо полотенцем, подложил руку под голову, на которой набухла ощутимая шишка. Подождав немного, он бережно поднял Лютика на руки и переложил на постель.

– Если сейчас не уснешь, я провожу тебя в лес, – угрюмо сказал дед. – Полежи, отдохни. В шалаше тебе будет легче.

Лютик осторожно кивнул. Потом он все же задремал, а проснулся, когда окна заметно посветлели. Мама сидела у окна, закрыв лицо руками, отец обнимал ее за плечо, дед лежал на лавке, положив руки под голову и закинув ногу на ногу.

Мышцы подрагивали, и внутри снова собирался невыносимый зуд. Лютик побоялся потянуться и встал с постели, стараясь не делать лишних движений. Дед сел, и мама оторвала руки от лица, а отец вскинул голову и посмотрел на сына с тоской и страхом.

– Я пошел, – тихо и виновато сказал им Лютик.

Мама опять зажала руками рот, и слезы побежали у нее из глаз. Дед кивнул ему и спросил:

– Тебя проводить?

Лютик покачал головой: уже почти рассвело, и заблудиться он не боялся.

– Я буду приходить к тебе два раза в сутки. Посмотреть, и вообще... – дед вздохнул. – Я там воду поставил...

В шалаше было спокойней только первые несколько часов. Конечно, никто не смотрел на Лютика, он мог ходить вокруг, когда ему заблагорассудится, но болезнь становилась все тяжелей, и хождения уже не помогали. До вечера с ним дважды случались судороги, но он научился угадывать их приближение и ложился на живот: так было легче терпеть. Зато после припадков он получал часа два покоя и дремал. Есть ему не хотелось, так что о трехдневном голодании он не тревожился.

Следующие дни превратились в непрерывный страшный сон. Резкий звук или яркий свет, неосторожное прикосновение к чему-нибудь тут же вызывали судороги, и иногда Лютик не успевал перевернуться на живот. Зуд уже не проходил, и Лютик сам не знал, что легче – мучиться от боли или от разрывающего грудь напряжения. Он окунался в туман забывая так часто, что не мог отличить его от яви, но теперь никто не звал его, и он блуждал там в одиночестве, надеясь встретить кого-нибудь.

Он еще побаивался тех существ, что кружили в тумане вокруг него, и с опаской озирался по сторонам, вспоминая, что не должен бояться.

К вечеру третьего дня судороги прекратились, но Лютик настолько ослаб, что не мог встать. Он забыл про воду и не пил почти сутки. Деда он не видел – наверное, тот приходил, когда Лютик бродил в тумане.

Он лежал на сене почти неподвижно, не имея сил даже потянуться. Внутри него все клокотало, кипело и пенилось, и от бессилия лились слезы. Судороги и то переносить было легче, чем эту пытку неподвижностью. Лютику казалось, что он умирает, что напряжение разрывает его изнутри. Вялые зеленые ветви над головой сменялись молочно-белым туманом и возвращались обратно, когда Лютик вдруг понял, что если немедленно не встанет, то умрет. Он собрал в кулак всю волю, с криком вскочил на ноги и помчался вперед. Туман оседал на лице мелкими каплями, Лютик не видел ничего впереди себя, но его опасения показали ему жалкими и ничего не стоящими.

– Ну? – крикнул он на бегу. – Где вы? Это я, Лютик!

– Лютик? И чего тебе надо, Лютик? – услышал он насмешливый вопрос и от неожиданности остановился.

– Я готов стать шаманом, – выпалил он.

Млад так и не узнал, поднимался ли дед наверх перед его пересотворением, просил ли духов о снисхождении... Сначала ему хотелось думать, что нет: он верил, что прошел испытание сам, без чьей-то помощи. Потом, когда дед умер, Младу важно было сознавать, что дед любил его и не мог за него не просить. Да и пересотворение стерлось из памяти, перестало казаться таким уж невозможным испытанием. В конце концов, он остановился на мысли, что дед все же просил за него, но духи его не послушали.

Оставив Мишу одного, Млад собрался подняться наверх. Это было тяжело. Он не ужинал, но щи, съеденные в обществе Пифагорыча, явно не пошли на пользу, как и плотный завтрак. Млад боялся, что не успеет вернуться до утра, прийти в себя до начала занятий, поэтому торопился. Костер горел бездымно, и жар его уходил в небо, не согревая воздух вокруг; кожа бубна на морозе стала хрупкой и не давала нужных звуков.

Млад понимал бесполезность этого подъема: никто не послушается его, – наверное, даже не станут слушать. Ни духам, ни богам не нужны шаманы, не прошедшие испытания, не имеющие воли к жизни. Зачем он затеял это? Чтобы сказать себе потом: «Я сделал все, что мог»?

Первым, кого он увидел, достигнув белого тумана, был огненный дух с мечом в руках... Белый шаман видит духов нижнего мира только во время пересотворения, когда решается вопрос, будет он подниматься или спускаться. И духом нижнего мира Михаил-Архангел не был, но это был враждебный и очень сильный дух.

Темные шаманы борются с духами – белые с ними договариваются. Млад немного растерялся, поглядев на свой бубен – единственное, что было в руках против меча... Конечно, убить его архангел не сможет, но сбросит вниз, а удар о землю будет таким же настоящим, как пересотворение. То, что происходит в помраченном сознании шамана, – всего лишь другое настоящее.

– Пришел? – раздался голос за спиной.

Млад оглянулся: из тумана появилось существо, похожее на человека и на птицу одновременно. Голова у него была птичья, с огромным твердым клювом, и из рукавов рубахи торчали трехпалые когтистые лапы, но во всем остальном он оставался человекоподобным. Млад встречал его только однажды и называл про себя человеком-птицей: это он разбирает тело Лютика во время пересотворения. Минуло много лет, но и теперь душа ушла в пятки и по телу пробежала дрожь: отвратительные, жуткие подробности испытания всплыли в памяти, словно это случилось вчера. Он еще не был шаманом, он был маленьким наивным Лютиком...

Духи подхватили его со всех сторон, все вокруг закружилось – вереница лиц, морд, клювов, клыков, когтей... Лютик еще не боялся, просто был немного ошарашен. Вмиг он остался без одежды, его тело повисло в воздухе, если это был воздух. Он чувствовал себя невесомым, но не мог двигаться. Тело больше не подчинялось ему, и от этого стало немного тревожно. Дед говорил, что он должен доверять духам, они не хотят ему зла, но почему-то, глядя вокруг, никакого доверия к ним Лютик не испытывал. Странно: голову он поворачивать не мог, но видел все вокруг себя, и свое тело, и то, что под ним, – белую подушку тумана.

Беспомощность всегда оборачивается страхом, и Лютику неожиданно захотелось расплакаться. Дед говорил, что будет очень больно... Лютик не думал об этом до тех пор, пока не оказался в полной власти этих странных существ. А вдруг он не выдержит?

Над ним склонился человек-птица и внимательно осмотрел со всех сторон, деловито поворачивая его тело. А потом оторвал от ноги первый лоскут кожи. Лютик бы вскрикнул, но понял, что горло его не может издать ни звука. А когда за первым лоскутом последовал второй, Лютика охватило отчаянье.

Духи разбирали его тело на части долго и неторопливо, словно боялись пропустить что-то важное. И Лютик кричал – или думал, что кричит. Сначала он просил, умолял отпустить его, но никто этого не слышал. Всепоглощающее отчаянье наполняло его до краев, и в голове не было мыслей – он думал только о том, как ему больно, и искал выход, надеялся что-то изменить. Он уже не хотел быть шаманом, он хотел вырваться, освободиться.

«Мир, в котором я живу, – прекрасен». Мысль прилетела откуда-то издалека и стукнулась в висок, как ночная бабочка в окно. Первое потрясение прошло, и Лютик вспомнил, что обещал деду быть сильным. Только очень сильные люди становятся шаманами. Боль,

наверное, не уменьшилась, но желание быть сильным погасило страх и отчаянье. И если бы ему дали возможность кричать, он бы перестал просить пощады.

А крики просились наружу, и оттого, что их никто не слышит, становилось еще тяжелей. Лютик быстро потерял счет времени, – оно казалось ему вытянутой нитью, такой же тонкой, как и бесконечной. Боль стала его существом, он пропитался ею насквозь и начал думать, что так было всегда и так навсегда и останется. Он не умрет. Он обещал деду, что не оставит их, и выполнит обещание.

«Мир, в котором я живу, – прекрасен». Лютик заставлял себя не смотреть на человека-птицу, на его когти. Он хотел примириться со страданием, принять его невыносимость как должное и думать о хорошем.

Млад тряхнул головой: это было давно. Он прошел испытание – и ни разу не попросил духов о смерти. Он понял, что от страдания его освободит только смерть, и не захотел ее. И выдержал все: его тело разорвали на куски, скелет разобрали по косточкам, выворачивая сустав за суставом; его варили в котле: плоть – разорванная, расчлененная, мелкими ошметками лежавшая в котле, – все равно чувствовала жар. Бесконечность... Что-то вроде забвения... Много часов... Он думал, что умер. Ему чудился ветер, который шевелит волосы, и дождь, капли которого поцелуями падают на щеки. Он лежал в высокой траве под дубами и ловил капли ртом. «Помоги мне, – думал он, – помоги мне снова стать живым, помоги мне вернуться домой». Он не знал, у кого просит помощи, – то ли у каменного идола, возвышавшегося над ним, то ли у неба, распростертого перед глазами, то ли у дождя, целовавшего его лицо. Пахло мокрой травой и землей, и тоска зазубренным лезвием царапала сердце... Мир, в котором он жил, был прекрасен. Прекрасен, как глоток ледяной воды из родника, комком встающий в горле. Он хотел туда, в дубовую рощу, он хотел этого мира, он хотел травы, и ветра, и дождя.

– Просить пришел... – оборвал его воспоминания человек-птица.

Млад кивнул, безотчетно подавшись назад: он до сих пор боялся этого духа.

– Понимаешь же, что это бесполезно, а?

– Понимаю.

– Зачем тогда поднимался?

– Я... Мальчика хотели увести чужие боги, он не знал, что рожден шаманом. – Мысль созрела в голове внезапно, как озарение. – Он еще не готов. Ему нужно время, чтобы прийти в себя, понять, кто он есть. Я прошу отсрочки.

– У него есть десять дней. Три из них он проведет в одиночестве, так что у него – десять дней, а у тебя – неделя, – ответил человек-птица.

– Скажи... Через тебя прошло столько шаманов... Как думаешь, он выдержит испытание?

– Это зависит от него. Если бы ты знал, как часто мне приходилось ошибаться в людях! Люди – странные и непонятные нам существа. Я, например, не сомневался, что ты умрешь, ты был слишком мал и совсем не походил на других шаманов. А иногда с виду сильный и непробиваемый парень отказывается от жизни, едва с него слетит лоскут кожи. Я ничего не могу тебе сказать. Воля к жизни – неясная для нас сущность.

– А вы... вольны помочь шаману при пересотворении?

– В этом нет смысла. Если у шамана нет воли к жизни, он не вернется из первого же путешествия – не сможет вернуться, если мир яви не притягивает его обратно. Я могу пообещать тебе только одно: мы поддержим его. Впрочем, мы поддерживаем всех – кого-то насмешкой, а кого-то сочувствием.

Глава 3. Гадание в Городище

Собираясь в Городище, Млад боялся оставлять Мишу одного так надолго. Два дня он между лекциями бегал домой – проверить, все ли в порядке. Теперь же раньше сумерек он вернуться не рассчитывал. Впрочем, Миша немного освоился, запомнил найденные тропинки в лесу, не путался в наставничьей слободе, да и Ширяй с Добробоем оставались дома.

Млад поехал верхом, хотя декан предлагал ему сани, чтобы подчеркнуть богатство университета и его наставников. Младу стоило большого труда убедить его в том, что среди волхвов не принято кичиться богатством, и роскошные коллежские сани вызовут только недоверие и осуждение. Большинство придет пешком.

На волхва Млад тоже походил мало, как и на шамана. Не было в нем ни отрешенного взора, ни гордого разворота плеч, ни мудрости, угадывавшейся с первого взгляда. Он всегда казался и меньше своего роста, и уже в плечах, и моложе, чем был на самом деле. Не то чтобы он страдал от этого, но иногда, особенно при знакомстве со студентами, его это беспокоило. И теперь беспокоило тоже – сход собирался представительный: и юный князь должен был на нем присутствовать, и посадник, и боярская верхушка, и кончанские старосты. Млад все еще недоумевал: почему его позвали тоже? Шаманом он был сильным и опытным, ничего не скажешь, на вершине своих возможностей, но как волхв-гадатель немногочисленного стоил.

Его отец унаследовал способности к волхованию от своей матери, и дед развивал их в нем с раннего детства, зная, что шаманом тот не будет никогда. Отец стал видным врачом, за долгую жизнь овладел множеством способов и средств лечения болезней, и, хотя не учился в университете, пользовался среди врачей большим уважением. Млад к врачеванию никаких способностей не имел, зато будущее приоткрывалось ему с легкостью, будь то погода или виды на урожай. Он с первого взгляда отличал хороших студентов от лентяев, иногда мог отличить темного шамана от белого во время шаманской болезни, когда и боги не знали, кем тот станет в итоге пересотворения. Млад каждый раз боялся ошибиться и не спешил делиться с кем-то своими соображениями, даже с самим собой иногда. А рядом с сильными, «настоящими» волхвами и вовсе казался себе жалким и ничего не стоящим. Разве что с погодой он был вполне уверен в себе, но шаману-облакопрогонителю стыдно было бы не уметь предсказывать погоду. А наставнику, всю жизнь посвятившему земледелию, трудно ошибиться в том, каким вырастет хлеб на полях.

Вопрос о смерти князя Бориса никак не касался его способностей и умений. Он не представлял, с какой стороны к этому подходить, и уповал на сильных волхвов, которые укажут ему дорогу. Возможно, в окрестностях Новгорода сейчас нет сильных гадателей, поэтому и собирают слабых, чтобы решить задачу не умением, а числом.

Перед высоким земляным валом Городища собралось много людей – наверное, половина Новгорода явилась. Млад хотел проехать сквозь толпу верхом, но люди с его пути расходиться не спешили, а, напротив, поругивались, шипели и орали:

– Ну куда на коне-то прешь?

Пришлось спешиться и вести лошадь в поводу. В конце концов, Млад оставил ее в посаде, возле какой-то избы с одинокой старухой, заплатив той одну денежку. У въезда на площадь перед княжьем теремом толпилось столько зевак, что пробиться к страже у него никак не выходило: его толкали, пихали в бока локтями и покрикивали:

– Самый хитрый? Все посмотреть хотят!

Млад оправдывался тем, что ему надо попасть на площадь, но никто его оправданий не слушал. К стражникам он пробился изрядно потрепанным: в распахнутом полушубке, в треухе, съехавшем набок, с оттоптанной ногой, отчего натертые до блеска сапоги перепачкались так, будто он чистил конюшни.

– Куда? – спросил стражник, смерив Млада взглядом с ног до головы.

– Я? Мне надо на площадь. Меня позвали, вот... – Млад полез за пазуху и достал помятую грамоту.

Стражник посмотрел на него так, будто Млад эту грамоту украл, и подозвал напарника; теперь они подозрительно глядели на него вдвоем.

– Что-то не похож ты ни на волхва, ни на наставника... – проворчал напарник, открывая Младу дорогу. Млад вздохнул и пожал плечами.

Кроме прибывших из Новгорода и окрестностей, на площадь вышла дружина князя, их любопытствующие жены и дети, собралась челядь княжьего терема, – яблоку некуда было упасть. Млад потоптался немного, приподнимаясь на цыпочки и надеясь высмотреть хоть одно знакомое лицо, но за толпой ничего не увидел и стал протискиваться ближе к терему.

Высокий терем князя правильней было бы назвать дворцом, но с тех пор как вече стало избирать князей и селить их на Городище, дворцом жилище князя в Новгороде уже не называли, тем самым в чем-то уравнивая его в правах с прочими знатными людьми города. И, в отличие от каменных палат новгородского посадника, строили княжьи хоромы из дерева, но как строили! Заморские зодчие, что помогали застраивать детинец, негодились в подметки русским мастерам!

Только Большой терем университета мог сравниться с княжьим размерами и величием, но по красоте явно ему уступал: терем ступенями поднимался к небу, возвышаясь над крутым берегом Волхова, и смотрел на все четыре стороны. К северу – к Новгороду – обращался его служилый лик: напротив главных ворот, перед широкой площадью на двадцати резных дубовых столбах держался широкий огражденный помост, подобный вечевой ступени⁷, с которого князь говорил с людьми. К югу – к прибывающим гостям – терем являл лик воинский и более напоминал старинную деревянную крепость; там подъемный мост надо рвом закрывал ворота, узкие окна походили на бойницы, и на круглой открытой башне стояли три тяжелые пушки. С той же стороны разместилась дружинная изба, и двор предназначался для упражнений дружины в воинском искусстве.

К западу – к Волхову – терем поворачивался высокими башенками и узорчатыми окнами; словно красуясь, любовался на свое отражение в реке и виден был на десятки верст окрест. Перед ним, на узкой полосе перед обрывом, стояло небольшое требище, сверху похожее на цветок. На восток – к посадку – княжий терем обращал лик домашний, простой: что ж притворяться перед своими? Там находился задний двор, ворота для проезда подвод, поварни, амбары, дровни, хлебные и кладовые.

Волхвы собрались под широким помостом – на самом деле около сорока человек. Млад пробирался к ним под косыми взглядами дружинников и их отроков, когда увидел волхва Белояра, шедшего к терему через площадь: толпа расступалась в стороны, пропуская его, молодые почтительно кланялись, старшие – преклоняли головы в знак уважения. Белояр, одетый, невзирая на мороз, лишь в белый армяк до пят, опирался на посох и смотрел поверх голов, – высокий, ширококостный, с белой головой, с гладко выбритым подбородком, что делало его лицо открытым и чистым. В его взгляде не было превосходства над толпой, и никто не посмел бы обвинить его в пренебрежении к людям. Он словно находился далеко отсюда, словно был слишком занят своими мыслями, чтобы посмотреть вокруг себя.

Млад, случалось, тоже пребывал в раздумьях, когда шел по улицам Новгорода, но почему-то неизменно натывался на прохожих, которые советовали ему не считать ворон, а смотреть под ноги. Надо думать, белый армяк до пят, даже вместе с посохом, ему бы не помог...

⁷ Степень – трибуна, с которой вещали ораторы и где размещались те, кто управлял вечем.

– Млад Мстиславич! – наконец-то окликнули его со стороны терема. – Где ж ты ходишь?

Ему навстречу вышел Перемысл – волхв с Перынского капища, один из тех, кто писал ему грамоту с приглашением. Перынское капище считалось княжеским, хоть и находилось на противоположном берегу Волхова, довольно далеко от Городища, и было одним из самых именитых капищ Новгородской земли. В каменном храме горел неугасимый огонь, когда-то зажженный молнией, в память о воинах, которые погибли, защищая Новгородскую землю; храм мог вместить больше тысячи человек – почти всю княжескую дружину. Каменное изваяние бога грозы впечатляло даже иноземных гостей, хотя мало кто из них отваживался приближаться к проклятому их богами идолу. На капище трудились пятеро волхвов и десяток их помощников. А напротив, на правом берегу Волхова, стоял храм Ящера, – извечного противника громовержца, хозяина Ильмень-озера. Когда-то, когда оба капища стояли под открытым небом, два кумира глядели друг на друга и внушали ужас иноземцам, шедшим в Новгород с юга.

– Здравия тебе, – Млад вздохнул с облегчением, когда Перемысл вывел его из толпы.

– Уже и Белояр появился, а тебя все нет!

– Народу столько... – посетовал Млад, – мне было не пробиться.

– Нарочно собрали. Бояре хотели гласно, и Белояр согласился: считает, что люди помогут. Сначала в покоях Бориса хотели гадать, но потом перенесли сюда, на площадь. Княжичу было видение, о котором никому не рассказывают, вот он и настоял на дознании.

– Будем к духу обращаться?

– Нет, к духу без нас обращались – молчит дух. Да и что духа спрашивать? Откуда ему знать? Болел-болел и умер. Курган вскрывали... Твой отец, между прочим, тоже приезжал. Только через год что определишь по сгоревшим останкам?

– Млад! – окликнули с другой стороны.

Он оглянулся и увидел доктора Велезара.

– Ну, как мальчик? Что с ним? – доктор, чуть запыхавшись, подошел поближе.

– Через неделю начнется пересотворение, – Млад пожал плечами, – готовимся потихоньку...

– И здесь шаманить будешь?

– Да нет... Я как все... Числюсь волхвом-предсказателем... И потом, белые шаманы не гадают.

– Да ладно, числится он, – Перемысл хлопнул его по плечу и повернулся к доктору. – Млад Мстиславич – сильный предсказатель. Если бы не разводил вокруг гадания умствования, был бы сильнее самого Белояра.

– Во-первых, я не развожу никаких умствований. Если будущего не знают даже боги, как я могу строить какие-то достоверные догадки на этот счет? А во-вторых – Белояр не гадатель, он кудесник, – возразил ему Млад.

– Ну, сегодня вы не о будущем, а о прошлом будете гадать. Надеюсь, узнавать прошлое волхвам разрешается? – улыбнулся Перемысл.

– Это сложный вопрос. Прошлое – слишком темная штука... Все зависит от угла, с которого смотришь. Иногда и настоящего понять невозможно...

Млад вдруг почувствовал беспокойство. Смутное, неопределенное. Как будто в воздухе появилась тончайшая паутина и запуталась в голове. Впрочем, вокруг собралось много волхвов – вполне возможно, их мысли начали переплетаться друг с другом до того, как началось само гадание.

– Что с тобой? – доктор Велезар взял его за руку. – Тебе нехорошо?

– Нет, так, наверное, и должно быть, – улыбнулся Млад. Прикосновение доктора вмиг рассеяло беспокойство, словно вернуло в явь. – Здесь... слишком много таких, как я.

– Тебя это тяготит? – удивился доктор.

– Нет, напротив, – ответил Млад и подумал, что на него накинута сетка. Всего миг он чувствовал ее прикосновение – и тут же привык, словно эта сетка стала его естеством. Наверное, это мнительность. Разговоры с Пифагорычем. Навести морок на сорок волхвов невозможно: если он заметил эту паутину, то Белояр точно не позволил бы сделать с собой такого. Впрочем, Белояр гадать не будет. А может, и не сетка это вовсе. Так, сложные эманации: любое объединение волхвов непредсказуемо – они могут погасить силу друг друга, а могут и умножить в десятки, в сотни раз.

На помосте появился юный князь Волот Борисович – совсем мальчик, моложе Миши, только много крепче, и выше, и... Млад, глядя на него, сразу подумал: этот пройдет пересотворение. Странное предположение – нелепо думать, что княжеский сын мог бы стать шаманом. Но взгляд юноши словно резал площадь: на ярком солнце, сквозь прищур, пробивались синие лучи его глаз. Широкое скуластое лицо, казалось, ничего не выражало – и вместе с тем излучало уверенность и спокойствие, как у Белояра. А ведь ему еще не было пятнадцати! Княжеская кровь, кровь Бориса. Напрасно беспокоится Пифагорыч: года через два или три этот мальчик возьмет в руки всю власть, и тогда – берегись, вольный город Новгород! Один его взгляд стоит целого веча!

Юношу не смущали те, кто глазел на него снизу: он привык находиться на виду. Млад же чувствовал неловкость за свое любопытство – нехорошо разглядывать человека так откровенно, даже если это князь. Тот, между тем, скользил взглядом по собравшимся и чуть задержал его на докторе Велезаре – голова князя чуть пригнулась, кивая доктору. Млад думал, что ошибся, но доктор тоже ответил князю легким поклоном. А потом... а потом юноша поймал взгляд Млада: это было похоже на вспышку молнии. Миг – и синие глаза князя словно приоткрыли душу. Смятение и страх, неуверенность в своих силах, бесконечная борьба с собой, со своими сомнениями, недоверие, ожидание удара в спину, безнравственность и благородство, ум и наивность... Да он же дитя! Мальчик, придавленный непосильным бременем, желанием соответствовать и превзойти, и обязательствами перед теми, кто смотрит сейчас на него!

Лицо юного князя ничего не выражало.

Внутри круга волхвов Млад перестал ощущать себя собой – наверное, то же чувствует капля, попадая в ручей. Направляемая умом Белояра, сила сорока волхвов прорезала прошлое, как солнечный луч пронзает туман. Это было и приятно, и неприятно одновременно. Млад не слышал своих мыслей – они остались где-то внизу. Это напоминало подъем наверх: такой же прилив восторга, волна, от которой тело становится невесомым, перехватывает дыхание и слезы выступают на глазах. Только *rhythmos* задает не бубен: он идет с двух сторон, через еле заметное подрагивание рук соседей. Белояр – великий волхв. Поймать биение каждого, почувствовать *rhythmos*⁸ и заставить откликнуться!

Но наверху Млад чувствовал себя самым собой, а тут растворился, потерял себя, перестал сомневаться. До того было легко, что ныло что-то в груди. Млад собирал «свое» в себе, пытался – произвольно – поднять хоть что-то собственное, личное... Наверное, не стоило этого делать: в этом смысл, в этом сила гадания волхвов – стать ручьем из множества капель. И он только напрасно тратит силы.

Видения не становились четче: они то проявлялись, как узор на булатной стали под действием кислоты, то разворачивались перед глазами чередой непоследовательных событий, то вспыхивали застывшими рисунками. Из этих осколков постепенно складывалось

⁸ Ритм (греч.)

целое – сперва противоречивое, лишенное правдоподобия, и только в конце обретающее законченность и обоснованность.

Медленная, мучительная болезнь князя Бориса входила в противоречие с ярким, осязаемым желанием его убить. Убить одним ударом клинка, одной порцией яда, одним выстрелом... Желание витало в воздухе. Оно пришло с востока. Чуть к югу от востока. И видение летело на восток, проносясь над городами и весями быстрее птицы, и город поднялся на небосклоне: земляной вал над промерзшим рвом, дубовые стены над валом, белокаменный, присыпанный снегом кремль, и высокие белые минареты за его стенами, и ханский дворец, и его ворота, обитые сияющей бронзой, и гулкий наборный пол, и узкие сводчатые окна, роняющие свет под ноги, и хитрое лицо с вишневыми татарскими глазами. Торжество на этом лице. Свершившаяся месть, освобождение, гордость перед своим народом, сброшенное ярмо: мудрый, осторожный политик и расчетливый делец внутри хана проиграл потомку Великого Монгола, до поры таившемуся в нем. Казанский хан презрел власть, полученную из рук князя Бориса. Так звереныш, вскормленный человеком, убивает хозяина, чтобы обрести свободу.

Взглянув в вишневые глаза, Млад на мгновение почувствовал себя собой. И тень разочарования мелькнула в этих глазах: хан опоздал.

Словно в мгновенном свете молнии, мелькнул и исчез татарский колдун, пригнувшийся над зельем, испускавшим пар. И зелье это убивало медленно и верно, день за днем, неделя за неделей.

– За здоровье Бориса Всеволодовича! – карие раскосые глаза улыбались. Посол был честен, ведь обман гяура – это не обман.

Смертоносный кубок в руках князя дрогнул, словно тот чуял тлетворный дух, витающий над густым вином.

– Здоровье князя! – подхватила дружина.

И широкое ложе напомнило в полутьме дрова погребального костра, а непроницаемый полог – стоящую на них домовину.

– Здоровье князя уже не в моей власти, – горечь слов доктора Велезара осталась на языке долгим послевкусием.

Растворение во множестве стало невыносимым; наслаждение, от которого ныла грудь, перешло в пресыщение, тошноту; легкость обернулась головокружением: Млад тщетно собирал крупиты себя, словно рассыпанные по полу зерна пшена. А князь понемногу отхлебывал яд из смертоносного кубка, каждый день по маленькому глотку, и каждый день – за свое здоровье. И рука его уже не дрожала, словно он и в самом деле верил, что этот глоток возвратит ему силу. И всходил на погребальный костер с кубком в руках. Огонь поднимал его душу вверх, огонь ревел и жег, огонь заслонял небо и раскалял землю, огонь дышал в лицо, пока не ударил в грудь широким языком: Млад пошатнулся и едва не упал.

Площадь бесновалась: дружина требовала немедленного отмщения. Млад сидел на снегу, прислонившись к срубу колодца возле терема. Перемысл явно преувеличил его силу. Другие волхвы, по крайней мере, остались на ногах. Не было сил даже снять баклажку с пояса, чтобы отхлебнуть настоя; малейшее движение рождало немощную дрожь, как в горшке с киселем. Челка промокла от пота и прилипла ко лбу.

Юный князь поднял руку навстречу ярящейся толпе, и крики примолкли. У него еще не вполне сломался голос, и громко говорить басом он не смог, пусть и очень хотел. Зато звонкий голос мальчика разлетелся до самого вала, и, казалось, его услышат и в Новгороде.

– Решение еще не принято! Грамота не скреплена подписями! Но и когда волхвы напишут свои выводы, по закону мы не сможем вынести приговор. Мы хотели знать правду не для мщения за прошлое, а для решений в будущем. Я призываю дружину и новгородцев

не чинить татарам вреда. Это наше внутреннее дело! Мы сделали это для Правды, а не для мести! Останемся верными Правде!

К Младу подошел Белояр и присел перед ним на корточки, сразу потянувшись к его поясу, где висела баклажка.

– Ты говорил с духами три дня назад и еще не восстановился, – сказал волхв, выдерживая из баклажки пробку, – тебе было тяжелее всех.

Он подложил руку Младу под затылок и поднес баклажку к губам.

– Ты сильный волхв, – продолжил Белояр, – ты один из всего круга смог противиться мне. Ты делал это нарочно?

Млад покачал головой.

– На это тоже уходили твои силы, – Белояр кивнул. – Ты видел все так же, как другие, или что-то еще?

– Только на выходе в явь, – Млад тряхнул головой, – но это было больше похоже на путанный конец сна. Мне виделся князь Борис с ядовитым кубком в руках – в своей постели. И еще я видел, как он сам всходит на погребальный костер.

– На выходе у всех исказились видения. И у всех они разные, – Белояр поднялся на ноги, передавая баклажку Младу в руки. – Тебе нужна помощь?

– Нет, я скоро встану.

– Грамоту составлять заканчивают. Через полчаса начнут подписывать. Ты успеешь?

– Вполне.

Млад смотрел на прямую удалявшуюся спину Белояра, когда к нему подбежал доктор Велезар.

– Я не заметил тебя сразу, извини, – он протянул руку, чтобы помочь Младу встать. – Не надо сидеть на снегу, ты простудишься. Я помогу: там, в тереме, для вас накрыты столы, можно выпить горячего меда или пива.

– Я бы выпил квасу. Или взвара, погорячей и послаще, – сказал Млад, принимая руку.

– Котлы давно кипят, челядь с ног сбилась. Не дождутся, когда волхвы соизволят приступить к трапезе.

Поднимаясь на ноги, Млад заметил, как сильно кружится голова. Ему снова померещилась тончайшая паутина, натянутая в воздухе со всех сторон, но на этот раз он списал это на усталость. Доктор Велезар подставил ему свое узкое плечо, – Млад был выше доктора и намного моложе, поэтому только слегка оперся на него, чтобы не шататься.

В нижнем ярусе терема действительно дым стоял коромыслом: бегали девки с блюдами и посудой, солидно распоряжались девками мужики, бабы носили дрова и мели полы. Вокруг гремело, стучало, парило, дымилось и приятно пахло едой. Доктор хотел провести Млада наверх, но тот отказался и присел в углу на скамейке, чтобы никому не мешать. Откуда-то появились две бабы. Ахая и причитая, проводили Млада к печке, за стол, – узнав в нем волхва, они были готовы нести его на руках, и он с трудом отделался от их помощи.

– Сбитню, девки, сбитню велено нести! – крикнула в пространство одна. – Быстрой давайте, сейчас грамоту заручать будут!

И сбитень появился чуть ли не через мгновение: на широком подносе с полотенцем, где, кроме большой кружки, были мед, патока, сушки, калачи, пряники и три куса мясного пирога. Млад чувствовал себя неловко: хорошо, что никто не стал пихать это ему в рот. Бабы почтительно стояли по бокам и чуть сзади – словно стража; девка, притащившая поднос, с любопытством выглядывала из-за угла на пару с подругой.

Горячий сладкий сбитень иногда помогал не хуже отвара, который Млад носил в баклажке и пил после подъемов наверх. В тепле унялась дрожь, только голова продолжала кружиться, – теперь легко и приятно. Он сидел и вспоминал видения, явившиеся ему

в круге волхвов, – чтобы ничего не пропустить. И чем больше он их вспоминал, тем сильнее его одолевало беспокойство. Беспричинное, смутное. Оно приходило на смену усталости и головокружению, и Млад списывал его на последствия гадания: ему ни разу не приходилось так выкладываться во время волхования. Втроем-вчетвером волхвовать ему случалось, но настолько глубокого помрачения сознания он никогда не испытывал. От него что-то ускользало, как уходящий сон, который стремишься удержать, просыпаясь. Он хотел понять, что же это, – и никак не мог. Бабы, стоявшие за спиной, сильно его раздражали; он думал, что причина именно в них.

Подписание началось торжественно, на широком помосте княжьего терема. Князь стоял, заложив руки за спину, между двух столов. За одним сидели Перемысл, три волхва с капища в детинце и Белояр, за другим – новгородский посадник Смеян Тушич Воецкий-Караваев, боярин из старинного и уважаемого рода, двое думных бояр и пятеро кончанских старост из житейных людей (когда-то Борис посоветовал новгородцам не избирать в «кончатники» бояр, и с тех пор новгородцы строго следовали его завету).

Думные бояре отличались от остальных не только нарочитым богатством одежды. Являя друг другу полную противоположность, они, тем не менее, были удивительно похожи. Один – Чернота Свиблов – высокий и тучный, толстогубый, мягкотелый, другой – Сова Осмолов – поджарый и быстрый, остролицый и черноглазый, с горящим взглядом. Оба имели бороды, только у Свиблова борода лежала на груди и напоминала ошипанную мочалку, а у Осмолова была густой и исправно постриженной. Но оба смотрели на мир свысока, оба понимали свою значимость, оба снисходительно мирились с присутствием «малых» людей за столом. В них не чувствовалось ни властности юного князя, ни мудрой отрешенности Белояра. Они были хозяевами, а не властителями и не мудрецами.

Посадник отличался от них обоих, – несмотря на знатность рода, Смеян Тушич обладал скромной внешностью: не худой и не толстый, не низкий и не высокий, с серо-пегими волосами и без бороды. И шубу он носил хоть и соболью, как подобает человеку зажиточному, но какую-то серую, невзрачную, с протертыми местами бархатом. Характер у Воецкого-Караваева был покладистый, тихий, на людей он свысока не смотрел и хозяином себя не выставлял. Но все знали, что лучшего защитника новгородцев среди бояр нет и лучше Смеяна Тушича никто не умеет улаживать споры и разногласия, особенно с иностранными посольствами.

Перемысл зачитывал грамоту на всю площадь, волхвы внимательно слушали и кивали. Млад поднялся наверх последним, чуть не опоздал и стоял у самого края помоста, за спинами остальных, в дверях. Люди на площади, которых прибавилось, потому что открыли ворота, переговаривались тихо и шипели друг на друга, боясь пропустить хоть слово. Млад тоже прислушивался и тоже боялся что-нибудь пропустить; беспокойство не оставляло его – напротив, только усилилось. Он что-то забыл, что-то очень важное! Происходящее стало казаться ему наваждением. Это не ему явились видения из прошлого! Не ему! Он не был собой! Он был каплей в ручье! Его собственными стали только последние видения, которые не имели никакого отношения к правде, – бред, бред на выходе в явь!

И, вместе с тем, все видели одно и то же. Грамота очертила общее в видениях всех сорока человек и вычеркнула то, что не помнил хотя бы один из них. Даже сводчатые окна ханского дворца, даже наборный рисунок на полу, – записали всё. Это ли не доказательство правды – рисунок на полу дворца в Казани, где Млад никогда не бывал?

Волхвы по очереди подходили к Белояру и Перемыслу, внимательно перечитывали грамоту глазами и скрепляли ее своей подписью. Юный князь цепко вглядывался в лица волхвов, словно проверял, словно старался запомнить. Бояре скучали, посадник тихо переговаривался с «кончатниками». Площадь молчала, подавленная или торжественностью этого действия, или значимостью волхвов, смотревших на нее сверху. У Млада за спиной и у окон,

выходивших на помост, толпилась челядь, прислушиваясь и всматриваясь, – даже шепота не было слышно. Подписавшие грамоту волхвы вставали на место, с их лиц исчезало напряжение, – наверное, каждый, как и Млад, немного волновался и отдавал себе отчет в последствиях совершенного действия. И пусть законной силы грамота не получит, обвинения в смерти князя Бориса хану никто не предъявит, но Правда... Правда останется.

А Правда ли? Сорок человек заглянули в прошлое, сорок человек увидели одно и то же. Лучше бы Млад не стоял последним, лучше бы подписал грамоту сразу, потому что сомнение терзало его все сильнее. Он не был собой! Это не его видения! Какое он имеет право подписывать то, что будут считать Правдой?

Перемысл выкрикнул его имя, Млад протиснулся вперед и прошел по помосту в другой его конец, почему-то с особенной силой ощущая, насколько не похож на остальных, стоявших помосте, – своим полушубком (действительно, как у истопника, – декан прав), своим лисьим треухом, столь рыжим, что тот издали бросался в глаза, своей походкой, насколько не напоминавшей степенную поступь волхвов, своей мнимой молодостью (другие волхвы обычно выглядели старше своих лет).

– Читай, Млад Мстиславич, и не торопись, – кивнул ему Перемысл, протягивая грамоту, для верности начертанную на толстом пергаменте, а не на бумаге.

Млад рассеянно кивнул. От волнения строчки разбежались перед глазами, и стоило определенного труда вернуть их на место. Он в самом деле не торопился, внимательно изучая каждое утверждение и сравнивая со своими видениями, – обмануться нетрудно. Если тридцать девять человек до тебя сказали, что черное – это белое, ты повторишь это не задумываясь и будешь уверен, что не солгал.

Торжество хана описывалось скупо: Млад мог бы расцветить описание большим числом подробностей. И... чего-то не хватало. Очень важного, очень нужного для Правды... Млад прочитал грамоту до конца. В нее не вошли слова доктора Велезара, – впрочем, не надо было собирать сорок волхвов, чтобы вытащить их из прошлого: доктор говорил их в присутствии десятка свидетелей. Млад посмотрел на Перемысла и вернулся к хану и его дворцу. Да, рисунки на воротах, на полу, очертания окон – именно такими их видел Млад. Очень точные рисунки. Но...

Он положил бумагу на стол, нагнулся, взялся за перо, макнул его в чернильницу и в этот миг вспомнил взгляд вишневых татарских глаз. Хан опоздал. Не было никакого торжества! Не было! Разочарование и, в лучшем случае, злорадство вместо торжества. Все – ложь! Млад не был собой. Это не его видения!

Он поднял глаза на Перемысла, который смотрел на него выжидающе, глянул на отрешенного Белояра и уперся в синий, пронзительный взгляд юного князя.

– Я не могу этого подписать, – сказал Млад еле слышно.

Белояр повернул голову, отрешенность его вмиг исчезла. Князь перестал щуриться, глаза его распахнулись от удивления, брови поползли вверх. Волхвы, стоявшие рядом, зашептались, передавая новость дальше. Бояре недовольно зашевелились, Сова Осмолов сжал кулак и скрипнул зубами, посадник переглянулся с «кончатниками».

– Почему, Млад? – разочарованно спросил Перемысл, оглядываясь на бояр.

– Я не уверен, – ответил тот немного тверже. – Надо быть уверенным до конца, а я до конца не уверен.

Осмолов посмотрел на Млада с ненавистью и собирался что-то сказать, но передумал.

– В чем ты не уверен? – князь вернул лицу спокойствие.

– Во всем. Я не был собой. Это не мои видения. Моих собственных видений было всего два, и их здесь, очевидно, нет.

– Млад, ты опять начинаешь подводить умствования под гадание, – тихо сказал Перемысл.

– Да, – Млад решил, что ему проще согласиться, чем доказать обратное.

– Твои видения противоречат остальному? – Белояр смотрел на Млада, как игрок на брошенные кости: глаза его горели огнем.

– Да. Мои видения перечеркивают сделанные выводы. Но это не значит, что они истинны, а все остальное – ложь.

– В таком случае, я с тобой согласен, – кивнул Белояр, – не подписывай. Пусть останется толика сомнений.

Князь перевел взгляд на Белояра: глаза юноши выражали негодование и обиду.

– Но... но почему? Ведь... это Правда? – запинаясь, спросил он у волхва.

– Никто не знает, что есть Правда. Один голос – против тридцати девяти. Это ничего не меняет, лишь подчеркивает: гадание не может иметь законной силы.

Площадь заволновалась, почувствовав заминку.

– Сорок, – князь упрямо сжал губы и чуть откинул лицо назад. – Сорок, а не тридцать девять против одного! Я подпишу грамоту. Я видел то же самое.

– Не делай этого, юноша, – Белояр кивнул князю и снисходительно нагнул голову набок, – не делай. Ты слишком молод, чтобы принимать подобные решения самостоятельно. На тебя смотрит Новгород. Подумай, что будет в городе сегодня ночью, если ты подпишешь эту грамоту. А завтра в ответ на кровавую ночь начнется война. И не только Казань, но и Крым, и Астрахань, и Ногайская орда через месяц встанут под стенами Москвы и Киева, а через два – осадят Новгород. Не полагайся на чувства в своих действиях. Такие вопросы решает боярская дума. Пока.

Князь втянул воздух сквозь раздутые ноздри и опустил голову, но тут в разговор вступил Сова Осмолов.

– С каких пор волхвы дают советы князьям? Ты верно заметил, старик: такие вопросы решают бояре, а не волхвы. Если речь идет о Правде, о какой осторожности мы говорим? Юноша горяч, но на этот раз он прав, – Правда стоит того, чтобы бороться за нее с оружием в руках.

– И кто сказал тебе, что Русь слабей орды? – добавил Чернота Свиблов. – Это мы встанем у стен Казани и Астрахани, а не они у стен Новгорода! Это они наши подданные, они платят нам дань, а не мы им!

– Давно ли? – еле заметно усмехнулся Белояр.

– Довольно, – оборвал их юноша. – Ты отрезвил меня, Белояр. Я благодарен тебе. Я не стану подписывать грамоты, даже если дума единогласно решит, что я должен ее подписать.

– А татары слишком вольно разгуливают по торгу... – пробурчал под нос один из «кончатников», но князь глянул на него коротким взглядом, и тот осекся.

– Новгородцы ненавидят татар, – продолжил за него Сова Осмолов, – Русь сносила их засилье сотни лет.

– Новгородцы видели татар только на торге, – отрезал князь, – им не за что их ненавидеть! Это не Москва и не Киев. Если, конечно, твои люди, Сова Беляевич, не усыпают их на каждом углу, как собак на медведя.

– Новгородцы имеют свою голову на плечах, – с достоинством сказал посадник, – они не собаки, чтоб их кто-то усыкал.

– Я не хотел обидеть новгородцев, – кротко ответил князь, опустив голову.

– Может быть, мы вернемся к грамоте? – робко вставил Перемысл. – Люди волнуются...

Сова Осмолов с ненавистью глянул на Млада и полушутливо проворчал:

– Выискался... Сомневается он! Никто не сомневается, а он – сомневается! Я еще выясню, кто ты таков...

Млад вскинул глаза – несмотря на снисходительный тон, в голосе боярина он услышал и презрение, и угрозу.

– Я – Ветров Млад, сын Мстислава-Вспомощника, мне нечего стыдиться и нечего скрывать.

Боярин скривил лицо, но смешался под горящим взглядом Белояра: сильные мира сего не смели грозить волхву.

– Млад, ты хорошо подумал? – спросил Перемысл, оглядываясь на бояр и посадника.

Млад кивнул.

– Объяви об этом людям. Только... попроще, ладно? Это не студенты.

Млад кивнул и попытался представить, будто это что-то вроде лекции и волноваться необязательно. Он повернулся лицом к подавшейся вперед толпе и набрал воздуха в грудь.

– Я не поставил своей подписи под этой грамотой. Я не уверен в правде гадания, – выкрикнул он в толпу.

Ропот пронесся над площадью и перешел за ворота, где собрались новгородцы. Он выражал разочарование.

Глава 4. Видение

Князь Новгородский, символ объединенной под властью Новгорода Руси, любимец народа, надежда государства и оплот законности, в то утро проснулся до света и долго стоял босиком, глядя сквозь решетчатое окно на зимний сумрак: как сонные бабы носят воду, как конюхи выводят на двор княжьих лошадей, как лениво выбивают половики две девки, переругиваясь между собой и зябко поводя плечами, как повара тащат через ворота во двор свиную тушу... Волоту было грустно. И думал он о том, что его никто не любит. На свете был только один человек, который мог его любить, – отец. Все остальные либо ненавидят его, либо используют. И от каждого – от каждого! – можно ждать подвоха.

В годовщину смерти отца Волоту приснился сон. Это был и не сон, наверное, потому что он точно знал, что проснулся, думал об отце и о разговоре с доктором Велезаром накануне. Пожалуй, доктора Волот относил к тем немногочисленным людям, которые не искали в дружбе с ним корысти. Велезара, волхва Белояра и собственного дядьку – лишь этих троих можно было без боязни считать заслуживающими доверия. Отец учил Волота искать чужую выгоду в каждом поступке, слове или совете. И примеривать к своей. Оставшись в одиночестве, Волот старательно пытался понять, что движет каждым из тех, кто его окружал. И не понимал! За год он успел запутаться, заблудиться и с трудом вспоминал, а чего, собственно, хочет сам. Споры в боярской думе приводили его мысли в смятение: он и соглашался с каждым, и не верил каждому, и искал в каждом слове подвох, и не мог не признавать правоты.

Речи юного князя вызывали у бояр легкие снисходительные улыбки. Его решения, по сути, были всего лишь мнением большинства – сам Волот зачастую не понимал, о чем они говорили, особенно если дело касалось серебра. Он не представлял себе последствий своих решений, хотя каждый раз старался разобраться до конца. Ему казалось, все обманывают его.

Кроме дядьки – старого вояки, сменившего кормилицу, когда Волоту было пять лет, – его пестовал друг отца, тысяцкий Ивор Черепанов. Волот впитывал воинскую науку, проклиная себя за то, что при жизни отца тратил время на детские игры, и поначалу очень верил Ивору. До тех пор, пока не узнал: получив от Бориса должность тысяцкого пожизненно, Ивор после его смерти успел удвоить свои земельные владения.

Осмоловы и Свибловы, древние и сильные боярские семейства, бились между собой за влияние на юного князя, за вес в думе, за посадничество, за спорные земли, за мнение веча, за купеческое серебро, но проявляли удивительное единодушие, когда речь заходила о боярских исключительных правах и власти на собственных землях. Их выгоды лежали на поверхности, Волот сам догадался, что ими движет. Осмоловы потеряли немалые доходы, когда отец посадил в Казани молодого Амин-Магомеда: теперь восточные товары на торг везли казанские купцы, а не новгородские. Убрать татар с торга, разорвать договор с Казанью и открыть путь на восток – вот чего они добивались. Свибловы же, напротив, имели земли вблизи Изборска и собирали с западных купцов немало серебра, а кроме этого, боялись стычек с Ливонским орденом, разорявшим их земли. Но как красиво звучали их голоса на вече! Осмоловы твердили о расширении земель, о том, что княжеская власть должна зажать подданных в жесткий кулак, подавить их волю: только тогда можно не ждать нападения с востока и достойно противостоять Западу. Свибловы говорили: только дружба с Европой обеспечит безопасность западных границ, только поддержка Европы сделает Русь непобедимой в борьбе с Востоком.

Московские князья ни во что не ставили юного Волота, но пока побаивались выступать в открытую – слишком сильна была любовь новгородцев к князю Борису, чтобы на такое

отважиться: Москва осталась бы один на один с крымчанами. Киев же, возвращенный Руси в итоге последней войны с литовцами, еще не оправился толком, но оттуда время от времени звучали голоса о мудром правлении князя Литовского и никчемной власти Новгорода, лишь ущемляющего их свободу и сдирающего подати. Псковичи мечтали об отделении и ждали подходящего случая.

Иностранные посольства старались иметь дело с боярами и посадником, нежели с юным князем, и о чем они договаривались между собой, Волот мог только гадать. Казань была поразительно радушна, словно собиралась нанести удар исподтишка. Ногайская орда молчала, Крымское ханство изредка разоряло приграничные земли, но ответить на их вылазки большой войной советовал только Сова Осмолов, а на поприще переговоров Волот чувствовал себя неуверенно.

Его любили новгородцы – может, поэтому он так уверенно чувствовал себя с ними. А еще новгородцы недолюбливали бояр и не упускали случая напомнить им о своей силе: за год правления Волота на Великом мосту трижды случались стычки между кремлевской и торговой стороной. И поводы-то были ничтожно малы: в первый раз дрались за посадника, и торговая сторона победила, Сова Осмолов так и не занял этого места; во второй и третий раз – при попытке бояр поднять подати с житых людей⁹ и купцов. При Борисе такие вопросы решались на одном вече.

Доктор Велезар, с которым Волот сошелся во время болезни отца, никогда не говорил ему о том, как надо действовать. Долгие беседы с доктором, скорей, помогали Волоту разобраться в себе, расставить по местам собственные мысли и цели. А главное – доктор не искал выгод: не стремился к власти и оставался равнодушным к серебру. С Белояром же дело обстояло иначе: волхв был совестью князя, проводником на пути к Правде и к исполнению воли богов. А дядька? Дядька запросто мог хлопнуть по плечу и сказать: «Подними хвост, княжич!»

Накануне того самого видения – или сна? – Волот до поздней ночи говорил с доктором о том, как поставить на место крымчан, не начиная войны.

– Значит, ты боишься соврать? – серьезно спрашивал доктор, когда Волот сказал, что не может пригрозить войной, если сам в нее не верит.

– Нет. Я не боюсь соврать. Я боюсь, что они мне не поверят, – пожимал плечами князь.

– Конечно, Белояр осудил бы меня за эти слова, но я все же скажу. Чтобы соврать так, чтоб тебе поверили, надо самому поверить в свою ложь. Поверь, что ты начнешь войну, если они не прекратят набегов. Это вовсе не означает, что ты ее начнешь. Когда настанет день решать, ты решишь. А пока просто поверь. И увидишь: они испугаются. А если ты подкрепишь свои слова грамотой к Московскому князю, чтобы тот был готов выставить ополчение, об этом немедленно узнает крымский хан, можешь мне поверить. Я не призываю тебя писать грамоты и не даю советов. С тем же успехом я бы рассказал, как обмануть дядьку и уехать на охоту вместо заседания в думе: просто поверить в то, что едешь в думу.

– Я не собираюсь ехать на охоту вместо заседания в думе! – рассмеялся Волот. С доктором он чувствовал себя легко и не старался прикидываться равнодушным, как с остальными.

– Я говорю: к примеру. Только дядьку обмануть проще, чем посла из Крыма. Посол из Крыма умеет врать не хуже тебя, а много лучше. А это значит, что к своей уверенности ты должен добавить княжеской воли. Кроме игры ума, в которой ты еще не силен, есть воля, которую ты унаследовал от отца и которую питает вся земля русская. И крымский хан проигрывает тебе: иначе бы его ханство простиралось до Москвы и дальше. Помни об этом и верь в свою силу.

⁹ Житы люди – категория феодальных землевладельцев в Новгородской земле.

Засыпая, Волот старался поверить в то, что начнет войну. А потом проснулся и думал об отце: сможет ли он когда-нибудь стать таким же? Если не сможет, то все победы отца были напрасны. И тогда Волота охватило странное волнение, закружилась голова, и видения одно за другим пронесли перед глазами: отец не умер, а был убит! Убит подло, собственным ставленником, Амин-Магомедом!

Видение было таким четким, что на сон не походило, но Волот открыл глаза, когда рассвело. И поднялся совсем другим: ослепленным жаждой мести, заново переживая боль, которая за год немного улеглась. Доктор говорил о силе? Волот почувствовал эту силу, которую питает в нем вся русская земля! Он ощутил, что в одиночку сможет смести Казань с лица земли, дайте ему только выйти против всего их ханства с мечом в руках! Он рычал от ненависти, он едва не выскочил во двор в одних портах – собирать дружину, вече, ополчение!

Но когда на его крик появился дядька, простая мысль, словно ледяной водой из ушата, окатила его трезвым холодом с головы до ног: это был всего лишь сон! Только сон! А он едва не поднял новгородцев на войну!

– Ты чё кричишь, княжич? – спросил дядька.

Волот еще сжимал кулаки и тяжело дышал, но мысли закружились в голове водоворотом: если рассказать об этом хоть кому-нибудь – не избежать огласки, беспорядков. Сова Осмолов уцепится за повод начать войну и, чего доброго, станет посадником; новгородцы сожгут Казанское посольство – и Казань ответит тем же, в городе перебыют всех татар без разбора; Москва снова запросит похода на крымчан, Псков откажется выставить ополчение и потребует отделения... У него закружилась голова. Нет! Так нельзя! Даже если это правда – так нельзя!

– Мне приснился плохой сон, – холодно ответил Волот дядьке.

– А... – протянул тот. – Умываться будешь?

Волхв Белояр пришел на зов князя через три дня. Сначала Волот собирался рассказать ему все от начала до конца, но потом передумал, хотя Белояр точно не выдал бы его. Но... кто знает... В отличие от доктора Велезара, волхв обладал властью – властью над умами новгородцев. Да, он был равнодушен к серебру, но чистая власть – тоже упоительная вещь. Так считал отец, так считал доктор. И если человек говорит о Правде, это не означает, что он следует ей... Впрочем, доктору Волот тоже не доверился: он мог просто проговориться, хотя не стал бы использовать знания в корыстных целях. Ведь он по пути Правды не шел...

Белояр выслушал взвешенный, выверенный до единого слова рассказ Волота без удивления, словно давно знал, что князь Борис был убит, а не умер от болезни. И сразу предложил собрать волхвов – только для того, чтобы понять, сон ли это. И если это не сон, только тогда решать, что делать с убийцами, кем бы они ни оказались. Волхв долго говорил о том, что гадание – это всего лишь гадание и на его основании нельзя предъявить счет убийце. Оно нужно для того, чтобы знать, что за враг прячется под личиной друга.

Волот долго думал, стоит ли гадать прилюдно и объявить итог Новгороду, чем бы это ни грозило, или, напротив, собраться тайно от всех. Злость и жажда мести еще кипели у него внутри. Его сомнения разрешил Белояр, сказав, что толпа поможет волхвам увидеть прошлое. Он же не знал, кто убил Бориса, и, наверное, подозревал в этом своих врагов – христиан: Борис собирался добиться полного запрещения строительства их церквей на Руси и ведения проповедей, и Белояр с ним соглашался. Что ж, для Волота это стало еще одним доказательством того, что властью Белояр не хочет делиться ни с кем, даже с христианскими проповедниками, хотя более вздорного вероучения Волот себе не представлял.

Вопрос об открытости гадания решала дума. Если бы за присутствие новгородцев ратовал Осмолов, Волот бы не удивился. Но Осмолов как раз помалкивал и даже предлагал здравое, с точки зрения князя, решение: по итогам гадания определить, стоит ли новгородцам

об этом знать. Но большинство, как ни странно, вспомнило о том, что в Новгороде живут вольные люди, скрывать от которых судьбоносные сведения не годится. Им ведь и в голову не могло прийти, что виновен Амин-Магомед!

Конечно, последнее слово оставалось за князем, но Волот до этого ни разу не пошел против думы. А в этот раз... Месть. Месть кружила ему голову! Сокрушительный удар, который сровняет Казань с землей! Когда он объявлял свое решение, ему казалось, что его голосом говорит кто-то другой. Кто-то изнутри него, незнакомый ему и пугающий.

Весь вечер накануне гадания он думал о том, что поддался чувствам вопреки разуму. И засыпал с твердым намерением отменить гадание и провести его потом, позже, тайно и тихо. А впрочем... Сорок волхвов... Пусть они все идут по пути Правды, но даже дав слово, кто-нибудь из них да проговорится. И Новгород не простит обмана. А может, все это сон! И Амин-Магомед вовсе не убивал отца!

Утром от этих мыслей не осталось и следа. По темной спальне бродили тени – отблески факелов, горевших во дворе, – но Волот не без трепета думал о том, что его предшественники, новгородские князья, бывают в этой спальне гораздо чаще, чем он может предположить. Волот смотрел во двор и вспоминал, как он устал за этот год. О том, что никто его не любит, все только используют, рвут на части. Никто не даст ему совета просто так, за каждым советом встанет чей-то расчет. А он устал, устал! Устал путаться в мыслях, устал подозревать каждого, устал решать то, в чем ничего не понимает! Зачем нужна дума, если каждый в ней думает только о собственном благе? Зачем нужно вече, если им управляет Совет господ? Зачем нужен посадник, если вместо защиты новгородцев он печется лишь о том, как бы усидеть на месте? Зачем нужен тысяцкий, который в оплату своего полководческого дара обирает Русь? Наверное, тогда Волот впервые подумал о том, как правильно устроены соседние страны, где власть принадлежит самодержцам.

Когда к нему в спальню зашел дядька, юный князь вполне успокоился. Его любит Новгород. В нем нуждается Русь. Он станет постарше, и тогда никакие бояре не собьют его с пути! Он победит их, рано или поздно он их победит!

Глава 5. Вечер в университете

После обеда Млад задержался, разыскивая в Городище свою лошадь, – он никак не мог вспомнить, в каком дворе ее оставил, все они казались ему одинаковыми. Потом, проезжая мимо Новгорода, он все же заглянул на торг и в университет вернулся, когда совсем стемнело.

Ширий с порога сообщил, что приходили декан и ректор, причем оба явно злились и велели Младу зайти в Большой терем сразу по возвращении. В Большой терем Млад не торопился – Миша в его отсутствие совсем расклеился: лежал на постели, сжавшись в комок, и дрожал.

– Ну? – спросил Млад, закрывая за собой дверь.

– Ты обманываешь меня... – безнадежно выдохнул тот.

– Я даже не подумаю оправдываться и что-то тебе доказывать. В чем я тебя обманываю на этот раз? – Млад присел на скамейку рядом с постелью.

– Они стащат меня в ад...

– Хорошо. Если тебе этого хочется, я с ними договорюсь – они так и сделают.

– Мне не хочется! Не хочется! – зарычал парень и рывком поднялся. – Ты нарочно издеваешься надо мной!

– Да. Нарочно. Я не собираюсь тебя успокаивать и лить масло тебе на сердце рассказами о том, что ада не существует: его выдумали для таких, как ты. Я устал. Если хочешь, я приведу к тебе темного шамана: он ныряет вниз, он знает, что там, внизу, он видел своими глазами.

– Он тоже мне соврет! Если он служит дьяволу, он нарочно мне соврет!

– Наверное, отец Константин говорил тебе правду, – усмехнулся Млад.

– Отец Константин – бескорыстен! Он хотел моего спасения!

– А я, можно подумать, собираюсь тебя выгодно продать.

– Откуда я знаю, что дьявол пообещал тебе за мою душу? – у Миши дрожал подбородок. Нехорошо дрожал: это могло закончиться судорогами.

– А что отцу Константину за твою душу пообещал бог, ты знаешь?

– Вы все, все мне врете! – выкрикнул парень и сорвался с постели. – Не ходи за мной! Я не заблужусь!

– Возьми огниво. Если заблудишься в лесу – разведи костер.

– Не надо мне твоего огнива! – прошипел он, запихивая руки в рукава шубы. – Ничего не надо! Ну и заблужусь! И замерзну!

– Надень шапку.

– Отстань от меня! Не хочу никаких шапок! Ничего не хочу! – Мишу трясло. Млад чувствовал, какие силы разрывают мальчика изнутри: он успокоится. Побегает по лесу, промерзнет и успокоится ненадолго. Так и должно быть, пока все идет так, как и должно идти. Огниво лежало в кармане шубы, а шапку Млад нахлобучил Мише на голову у самого порога. Тот сорвал ее, но не отбросил, а забрал с собой, тиская в руке.

– Пойти за ним? – тихо спросил Добройой, подойдя к Младу сзади.

Млад покачал головой.

– Ты б в Большой терем сходил, Млад Мстиславич, – назидательно сказал Ширий, поднимая голову от книги, – пока он по лесу бродит, ты как раз успеешь.

Вот сопля!

– Схожу, – проворчал Млад и хотел добавить, что это не Шириево дело, но подумал и промолчал.

– Млад Мстиславич, а правда, что ты сегодня в Городище грамоту про убийство князя Бориса не подписал? – спросил Добройбой.

– Правда.

– А почему? Разве не татары князя убили? – поднял голову Ширяй. Млад всегда поражался его способности одновременно читать и слушать, о чем говорят вокруг.

– Я не знаю. Поэтому и не подписал, – Млад сжал губы. – А вы откуда знаете про татар?

– Так весь университет говорит. Некоторые даже в Городище ездили, чтоб все самим узнать. А я, например, так и знал, что это татары. Мне и гадания никакого не надо было.

– Ну-ну, – усмехнулся Млад, – и откуда же ты это знал?

– Да понятно же все! Кто еще нас так ненавидит?

– Не нас, а князя Бориса, – поправил Млад.

– А какая разница? Раз князя Бориса ненавидит, значит и нас тоже! – Ширяй посмотрел на Млада снисходительно.

– Нет, парень. Бояре тоже ненавидели князя Бориса, но к нам, наверное, ничего подобного они не испытывают. И мне кажется, догадки про татар ты повторяешь с чужого голоса.

– Ничего и не с чужого! А если у меня есть единомышленники, это еще не значит, что я говорю с чужого голоса.

– Единомышленники – это хорошо, – Млад натянул валенки. – Только предположение твоих единомышленников нарушает первейшее правовое утверждение, которое незыблемо для Новгорода: не пойман – не вор.

– А... а гадание? Разве гадание сорока волхвов – это не доказательство?

– Тридцати девяти, – Млад подмигнул Ширяю, надевая треух.

– Так ты что, за татар, что ли? – умное лицо Ширяя вытянулось от детской обиды.

– Я не за татар – я не против татар. Это разные вещи. И даже если бы я был против них, это ничего бы не изменило: Правда не зависит от того, за кого ты и против кого.

– Ой, Млад Мстиславич! – Добройбой приоткрыл рот. – Как ты это здорово сказал!

– Ага, – кивнул Млад. – Пойду. Потом поговорим.

У ректора, в горенке на самом верху Большого терема, еловыми дровами трещала изразцовая печь, ректор с деканом естественного отделения сидели перед открытой дверцей на низких скамеечках и пили вино из серебряных кубков.

– Явился? – ректор кивнул на третью скамеечку возле печки. – Садись.

Млад стащил с головы треух и расстегнул полушубок, продолжая топтаться у двери.

– Ну что застыл? Часа полтора тебя ждем, – обернулся к нему декан. – Вино на столе, наливай.

Млад пожал плечами и повесил полушубок на крючок за дверь. Вина так вина... Он плеснул в кубок густой настойки и сел рядом со столпами университетской мысли.

– Я знал, что ты чужак, Млад Мстиславич, – начал декан, – и я прощал тебе любые чудачества за твой ум, и за твой опыт, и за любовь к тебе студентов...

Млад опустил голову.

– Ты хотя бы понимаешь, кому дорогу перешел? – вслед за деканом подхватил ректор. – Ты представляешь себе, что ты сегодня сделал?

– Я не понимаю. И не хочу понимать.

– Это, конечно, хорошо, – ректор посмотрел на него многозначительно, – можешь рассказать нам сказку о том, что власть имущие не смеют совать нос в дела волхвов. Да, волхву Беляру нечего опасаться. Но наставника университета, даже если он волхв, достанут, и еще как! Ты с княжьего помоста не ушел, когда здесь были люди Свиблова.

– А... Черноты Свиблова? – решил уточнить Млад. Он ожидал подвоха от Осмолова.

– Черноты, Черноты, – усмехнулся ректор. – Впрочем, люди Осмолова были здесь не намного позже.

– И что они хотели?

– Люди Свиблова выясняли подробности похищения христианского мальчика. Люди Осмолова подозревают в тебе казанского лазутчика. Мне стоило большого труда представить им доказательства твоей невинности. Университет защищает своих питомцев, и тем более – наставников. Без моей грамоты никто тебя под стражу не возьмет. Но, Млад, чем ты думал, когда это делал?

– Я не думал о боярах. Я думал о Правде.

– И это замечательно тоже... – ректор скривился, словно откусил кусок от кислого яблока. – Иногда мне кажется, что наивным ты только притворяешься. Ты знаешь, что сейчас, вместо того, чтоб громить гостиный двор и кидать татар под лед Волхова, новгородцы дубасят друг друга? Завтра, конечно, соберут вече, но это будет завтра! Если, конечно, соберется одно вече, а не два и не три! А сегодня ватаги с трех концов пойдут вместо татарского посольства громить боярские терема! Татарам, конечно, тоже достанется, но для Новгорода одной искры хватит, дай только боярам хвост прищемить! Вместо единодушия – раскол и распри. Ты этого добивался?

– Складывается впечатление, что итог гадания заранее был известен всем, кроме меня, – пробормотал Млад.

– Да нет же, Млад, – декан положил руку ему на плечо, – гаданием хотели сплотить новгородцев, объединить против общего врага, кем бы он ни оказался. Подозревали болгар, подозревали литовское посольство и посольство Ливонского ордена, и поляков подозревали. На татар думали меньше всего! Мы едва успели спрятать наших студентов из Казани!

– Я надеюсь, вы спрятали их надежно... – проворчал Млад.

– Да, они в наставничьей слободе, в тереме выпускников. Об этом никто не знает, кроме трех-четырех наставников и деканов их отделений. Не беспокойся за них, лучше подумай о себе. Никто не мог предсказать итога сегодняшнего гадания, никто не ждал такого исхода и таких беспорядков, иначе... иначе это сделали бы не так открыто, понимаешь? Но благодаря тебе к беспорядкам добавился раскол!

– Знаете что? – Млад приподнялся. – Мне все равно, чего хотели добиться бояре и кого они хотели объединить! Я – волхв, я отвечаю за то, что говорю людям, не перед боярами! Так мы дойдем до того, что и волхвы станут изрекать боярскую волю вместо Правды!

– Млад, не горячись, – вздохнул ректор, – ты, конечно, прав. Но иногда польза для государства требует поступиться некоторыми максимами.

– Да вы что... Слышал бы вас Белояр... – пробормотал Млад. – Это... этого делать нельзя! Боги...

– Млад, родные боги желают Руси добра и процветания. Неужели они не поймут лжи во спасение?

– Вы хотите от меня чего-то определенного?

– Да. Завтра на вече ты подпишешь грамоту и сообщишь новгородцам, что ошибался.

Млад встал. Он хотел сделать это с достоинством, но расплескал вино на рубаху – получилось скорей смешно.

– Я не сделаю этого, даже если меня попросит об этом Белояр. Я не сделаю этого даже... Вы не смеете требовать этого от меня. Никто не смеет.

– Млад, университет зависит от милостей людей с тугой мошной. Мне недвусмысленно дали понять, что их расположения можно лишиться в одночасье. К сожалению, не Белояр дает серебро на обучение студентов.

– Я проживу и без университета. Пока хлебу нужен дождь, я без дела не останусь. А вот проживет ли без меня университет? – Млад стиснул зубы и поставил кубок на стол.

– Нет, ты неправильно нас понял, – ректор поднялся вслед за ним, – мы не угрожаем тебе. Никто не собирается на тебя давить, никто из университета тебя не прогонит. Но пойми и наше положение. Да и свое обдумай хорошенько. Завтра тебя объявят татарским лазутчиком, не только убьют, но смешают с грязью твое имя и имя твоего отца. И университет пострадает ни за что. Если нас лишат денег, многим студентам придется уйти от нас недоучками. От твоего решения зависишь не только ты, пойми это...

Млад скрипнул зубами:

– Мне нечего больше сказать. Я не изменю решения.

– Я понимаю, – декан тоже встал, – это удар: по твоему самолюбию, по твоему доброму имени... Я понимаю. Но из двух зол надо выбирать меньшее. Подумай до завтра. Не торопись, взвесь все «за» и «против». Но хотя бы подумай...

– Дело не в гордости и даже не в добром имени. Мне не о чем думать и не о чем больше говорить, – Млад развернулся, едва не поскользнувшись на натертом до блеска полу. – Прощайте.

– Млад, хотя бы подумай... – повторил декан ему в спину, но Млад вышел вон и захлопнул за собой тяжелую дверь.

Он быстро спустился по широкой темной лестнице, придерживаясь за поручень, – по вытертым студентами пологим дубовым ступеням, – прошел мимо десятка дверей длинным проходом, освещенным масляными лампадками, и свернул к выходу. В главном тереме было непривычно тихо, и в полутьме он казался огромным. Окна светились синим снежным светом, бревчатые стены глотали звуки, и Млад не слышал своих шагов.

Может быть, он и вправду чересчур наивен? За обедом остальные волхвы ни в чем его не упрекнули: некоторые посчитали, что он не слишком опытен, некоторые посматривали на него обиженно, словно он поставил под сомнение их честность, – но все признали за ним право не подписывать грамоты. Белояр расспросил его подробно о том, что он считал своими видениями, а что – общими, и на прощание пожал в знак уважения руку.

Вспоминать действо на Городище стало неприятно: Млад и без советов ректора чувствовал себя неловко, теперь же и вовсе решил, что участвовал в представлении, что им воспользовались – и им, и Белояром, и остальными волхвами. Все об этом знали, и только он один не понял своей роли, говорил что-то о Правде, думал о совести, а на самом деле должен был догадаться, что ни Правда, ни совесть никому не нужны, это смешно – рассуждать о Правде... Он был смешон. Жалок. Кукла на ниточках, которая посмела послушаться кукловода...

А с другой стороны, какое он имеет право прикрываться университетом? Это его дело, университет не обязан его защищать. Чтобы быть честным до конца, надо завтра же уйти, отказаться от наставничества и уйти, тогда университет из-за него не пострадает. Мысль эта царапнула его острой болью: он любил Alma mater, любил с тех самых пор, как явился сюда восторженным юнцом, желавшим превзойти все науки. Он любил студентов, их горящие глаза, их задор, их пыл, их отрицание прописных для взрослых истин, их сомнения и бесшабашные пирушки. Уйти, отказаться от своего дома – а этот дом давно стал для Млада своим и означал нечто большее, чем рубленые стены, – уйти навсегда? По крайней мере, это будет честно.

Университет шумел. Перед теремом отделения права стояли студенты, на крыльце кто-то из ребят со старшей ступени говорил речь – до Млада долетали только отдельные слова: «татары», «до поры», «покарать». В окнах естественного отделения горели свечи и мелькали тени: и в учебной комнате, и в трапезной собрались студенты; из окон врачебного терема доносились выкрики спорщиков, перед теремом механиков шла драка – Млад подо-

шел поближе, но увидел, что драка ведется честно, один на один, и арбитров¹⁰ хватит без него. Тише всего было на горном отделении, и свет горел только внизу, в трапезной. Наверное, тишина – самое недоброе предзнаменование в такой час. Млад покачал головой, но заходить не стал: студенты – люди хоть и молодые, но вполне взрослые, разберутся без наставников.

Дома его ждал Пифагорыч – бросил сторожку в такое время!

– Здорово, Мстиславич. Извини, что без приглашения, – старик поднялся Младу навстречу.

На печке парил чугунок с медом, Ширий сидел склонившись над книгой, а Добройой, как обычно, заправлял застольем.

– Здорово, – Млад стащил с головы треух. – Сиди, я тоже с вами меду попою.

– Наслышан я о твоих подвигах на Городище. Послушал старика? – Пифагорыч сел на лавку и подмигнул Младу.

– Считаю, что послушал, – вздохнул Млад.

– И как? Татары это или не татары?

– Если бы знал, что это татары, – подписал бы грамоту. Похоже, конечно, было. Но... не уверен я. А теперь – и вовсе не уверен.

– А теперь-то чего? – поднял голову Ширий.

Распространяться о разговоре с ректором при ребятах Млад не хотел.

– Да, чудится мне, что все это как нарочно придумано.

– А я что говорил! – Пифагорыч поднял палец. – Татарва, конечно, совсем совесть потеряла, гнать их надо из Новгорода. Но и без них врагов хватает. Я так считаю: всех надо разогнать. И жрецов иноземных, и немцев, и литовцев. Да и бояр на место поставить не мешает.

Млад сел за стол, и Добройой тут же поставил перед ним горячую кружку.

– Знаешь, Пифагорыч, говорить, конечно, легко. А у нас, между прочим, пятнадцать ребят из Казани учатся. Их тоже гнать?

– Не, они же наши! Свои, можно сказать, обрусевшие...

– Да какие они обрусевшие! – вскинул голову Ширий. – Если они по-русски говорить могут, это еще не значит ничего! Сначала научатся у нас наукам разным, а потом их против нас же и повернут! Хан Амин-Магомет тоже у нас учился, и что?

– Ты старших не перебивай, – назидательно сказал ему Пифагорыч. – Распустил тебя Млад Мстиславич! Батька ложкой по лбу не бил за такие дерзости?

– Пусть говорит, – усмехнулся Млад, – это хорошо, когда молодые спорят.

– Спорить – одно, а вести себя со старшими непочтительно – совсем другое. Выслушай сначала, дожись, когда тебя спросят, тогда и говори.

– Да меня никогда не спросят! Кого волнует, что я думаю?

– Потому что ты молокосос еще, – отрезал Пифагорыч и повернулся к Младу. – Так что с нашими татарчатами-то?

– Спрятали их на всякий случай, в наставничьей слободе переночуют, а завтра видно будет.

Дверь скрипнула, и на пороге показался Миша – притихший, ссутулившийся, с шапкой в руках. Он прикрыл за собой дверь и начал снимать шубу.

– Миша, будешь мед пить? – тут же спросил Добройой.

Тот пожал плечами.

– Садись, мед горячий! – Добройой подбежал к двери и подхватил шубу, которая едва не выпала у Миши из рук на пол. – Садись.

– Ага, – тихо ответил тот и, озираясь, подошел к столу.

¹⁰ Зд. – род судей в римском гражданском процессе; посредники, третейские судьи.

– Ну что скуксылся? – подмигнул ему Млад.

– Прости меня, Млад Мстиславич... – Миша опустил голову.

– Да за что ж, позволь узнать?

– Я... я грубил тебе. Я не хотел, честное слово. У меня как-то само собой это все...

– Да брось, у всех так бывает. Садись, погрейся. Ты б на Добробоя посмотрел полгода назад!

– Ага! – подхватил Добробой, широко улыбаясь. – Я еще и драться лез. Мне Млад Мстиславич шалаш отстраивал четыре раза – я его по листику расшвыривал. Ширяй – тот помалкивал больше, сбегал потихоньку, два раза в лесу заблудился. А я все крушил, что под руку подворачивалось!

– Вот уж точно, – улыбнулся Млад, – Добробой перед пересотворением был сущим бесом. Так что не переживай, Миша. И не сдерживайся, не надо. Пройдет это, а несколько дней мы потерпим.

– Я поговорить с тобой хочу. Ты не подумай, я не потому, что не верю. Я чтоб разобраться...

– Конечно, – Млад поднялся. – Сначала погреемся, а потом прогуляться пойдем.

– Ладно, Мстиславич, – Пифагорыч встал следом за ним, – пойду я, не буду мешать. Заглядывай ко мне.

Млад почувствовал неловкость: вроде как неуважительно отнесся к старику. Но Пифагорыч его успокоил и добавил:

– Проводи меня до крыльца.

Они вышли на мороз – у двери Млад накинул полушубок на плечи и теперь переминался с ноги на ногу.

– Что ректор-то тебе сказал, а? Ты пришел – на тебе лица не было. – Пифагорыч прикрыл дверь.

– Сказал – завтра вече будет. Чтобы я грамоту там подписал и перед людьми повинулся.

– Да ты что? – лицо старика потемнело. – Это что ж? Волхву указывать, что ему людям говорить?

– Говорят, бояре угрожают, без серебра университет оставить хотят...

– До чего докатились, а? – Пифагорыч задохнулся от возмущения. – Да как язык-то у них повернулся?

– Да вот, повернулся... – Млад сжал губы.

– Не вздумай их слушать! Не вздумай!

– Я и не слушаю... – Млад опустил голову.

– Не ждал я... Не ждал такого на старости лет, – у Пифагорыча дрогнул подбородок. – Куда идем, а? Был бы жив князь Борис, разве позволили бы они себе такое, а? Окрутят они княжича, окрутят, задурят голову... Вот что. Я сейчас к ректору пойду. Я ему все скажу. Я...

– Пифагорыч, не надо. Не ходи, без толку это, – Млад взял старика под локоть.

– Знаю, знаю, что без толку! – выкрикнул старик. – Знаю! Но что-то же надо делать? Так и будем смотреть, как Русь на части разрывают? А?

– Пифагорыч, да не переживай так... – Млад пожалел, что рассказал ему о разговоре с ректором.

– Как не переживать? Как не переживать, если вообще Правды не осталось? Куплена вся Правда! Серебром оплачена! Нет уж, не отговаривай меня! Я в одиннадцать лет в университет пришел, всю жизнь здесь живу, старше меня здесь никого нет! Да ректор прыщавым студентом был, когда я таких, как он, учил уму-разуму! Или старость у нас тоже уважать перестали?

– Не надо... – попытался вставить Млад.

– Надо! Надо! Знаю, что не добьюсь ничего, так устыжу хотя бы.

– Я думаю, им и самим несладко пришлось...

– Им несладко? Шубы собольи надели, терема себе не хуже боярских поставили – где уж о Правде-то думать? Боятся без службы остаться! Ой, бояться! И не держи меня! – Пифагорыч выдернул локоть из руки Млада. – Иди в дом! Выскочил! Иди в дом, сказал!

Млад сжал губы: зачем он рассказал? Можно было и догадаться, что старик расстроится...

С Мишей Млад проговорил до позднего вечера. Прогулка получилась трудной, в университете было слишком беспокойно: ватаги хмельных студентов шныряли между теремов, то и дело вспыхивали драки, ретивые краснобаи собирали вокруг себя орудия толпы, которые несколько раз сошлись стенка на стенку. Млад хотел пройти только по наставничьей слободе, но там собирались выпускники – высшее отделение. Они вели себя потише, но Мишу раздражало присутствие множества людей, ему хотелось спокойствия и уединения.

Млад давно рассказал ему о пересотворении – по-честному, как было на самом деле, – и теперь они говорили просто так: о жизни, о шаманах белых и темных, о богах, об университете, о татарах и волхвах. Миша был внимательным слушателем, редко задавал вопросы, но Младу казалось, что от разговоров с ним мальчик делается уверенней, спокойней. От свежего воздуха и долгих прогулок он немного поправился, на щеках его появился легкий румянец, – умирающего он больше не напоминал, и с каждым днем Млад все сильнее верил в удачу.

Они брели вдоль леса, обходя университет по кругу.

– Млад Мстиславич, а если я умру во время испытания, куда я попаду? В ад или в рай? – неожиданно спросил Миша, заглядывая ему в глаза.

– Во-первых, забудь про ад, наконец. А во-вторых, ты не умрешь во время испытания.

– А вдруг?

– Только если сам захочешь умереть. Я бы на твоём месте об этом не думал.

– Ну а все же, куда?

– Куда захочешь, – Млад пожал плечами.

– Как это?

– Я не думаю, что ты в своей жизни совершил какое-нибудь злодеяние. Если ты жил честно, твои предки с радостью примут тебя к себе.

– Но я... много грешил... – Миша вздохнул.

– Каким образом? А главное – когда ты успел? – Млад улыбнулся.

– Ну, человек сам иногда не замечает, как грешит. В помыслах, например. Отец Константин говорил, что человек грешен только потому, что он человек.

– Отец Константин ошибался, – Млад постарался не изображать на лице презрения. – Ты хоть один свой грех назвать можешь?

– Это еще до болезни было. Я думал раньше, что дьявол вселился в меня именно из-за этого. Только ты не рассказывай ребятам, они будут смеяться. Мне нравилась одна девочка с нашей улицы. И я плохо думал про нее...

– В каком смысле «плохо»? – Млад поднял брови.

– Ну, о таком нехорошо говорить. Я думал, что было бы здорово на ней жениться. И... Ну, в общем, я представлял, как мы поженились... Я смотрел на нее в окно и представлял. Это было очень... очень приятно...

– Ну и что? В чем грех-то? Все смотрят на девочек в пятнадцать лет. Я тоже смотрел, можешь поверить. И иногда собирался жениться. Раз десять, наверное, собирался.

– Отец Константин сказал, что это очень грешно. Что дьявол как раз и входит в человека, когда он о таком думает...

– Ерунду он говорил. Я, конечно, про дьявола ничего не знаю, но не думаю, что ты чем-то оскорбил богов или предков. Наоборот. Это я, подлец, так и не женился и сына не родил. Это оскорбление и предкам, и богам.

– А почему ты не женился?

– Не пришлось... – Млад не любил подобных вопросов. – Не обо мне речь. Так что еще раз говорю: про ад забудь. Предки примут тебя к себе, а что будет дальше – я не знаю. Мне тоже не везде есть ход. Темные шаманы знают лучше.

– Хорошо бы... – вздохнул Миша.

– Ничего хорошего, – спохватился Млад. – Говорю же, не смей об этом думать! Развесил уши... Тебе не о смерти надо думать, а о девочках. О матери. Неужели ты не чувствуешь, как хорошо жить?

– Не знаю... Отец Константин говорил, что настоящая жизнь начнется после смерти. Хорошая жизнь. А здесь так – мгновение. И послана она нам исключительно для испытаний. И что к Богу можно приблизиться только тогда, когда отринешь свою плоть и захочешь от нее избавиться.

– Знаешь, я с каждым днем все сильнее хочу задушить твоего отца Константина... И почему христиане не убивают себя сразу после крещения? Раз хорошая жизнь наступает только после смерти?

– Ты что! Это самый большой грех – самоубийство. Нельзя убивать ни себя, ни других, потому что на это воля Божья! Бог жизнь дает – только он и может ее забрать!

– Бог? Очень любопытно. А я-то, дурак, всю жизнь думал, что жизнь мне дали мать с отцом! Нет, твой отец Константин презабавные вещи говорит! Ну как бог может дать жизнь, если ты был зачат в материнском чреве и выношен в нем? Бог-то тут при чем?

– Ну... Я не знаю...

– Бог свечку держал, не иначе... – улыбнулся Млад и прикусил язык.

– Чего?

– Нет, ничего, – Млад насторожился, поднял голову и всмотрелся в темноту: ему показалось, что к его дому кто-то идет. – Пойдем-ка... К нам гости...

Миша кивнул и тоже насторожился. Они зашагали быстро, почти бегом, – Млад и сам не знал, почему так торопится: щемящее предчувствие сдавило грудь. Тявкнул и тут же успокоился Хийси – значит, не показалось, кто-то действительно шел. Дом Млада стоял чуть поодаль от остальных, у самого леса, и пространство вокруг хорошо просматривалось.

Они поднялись на крыльцо, Млад распахнул дверь, но не увидел никого, кроме Ширия, все так же сидевшего за столом.

– К нам что, никто не приходил?

Ширий покачал головой, не отрывая глаз от книги.

– А мне показалось... – Млад удивленно пожал плечами.

– Хийси гавкнул, вот ты и решил, что кто-то идет, – невозмутимо ответил Ширий.

– Я видел. Темно, конечно, было... Но на снегу... Да и Хийси за просто так из будки не полезет.

– Шумно. Непокойно. Собаки чувствуют. Оставь, Млад Мстиславич, никто не приходил. Да и кому мы нужны-то?

– Да? – Млад снова пожал плечами и снял треух. – Значит, показалось...

Он хотел раздеться, но тут из-за двери донесся унылый, леденящий душу вой: до этого Млад никогда не слышал, как воет Хийси, он думал, пес слишком ленив, чтобы задирать морду к небу и выталкивать из глотки такие жуткие звуки. Смертная тоска слышалась в собачьем вое, неизбежное горе...

– Ничего себе... – пробормотал Добройой, выходя из спальни. – Чего это он так, а?

Млад вернул треух обратно на голову.

– Пойду-ка я посмотрю...

– погоди, Млад Мстиславич! – Доброй кинулся к выходу. – Не ходи один. Жуть-то какая!

Миша притих и топтался у двери, зябко поводя плечами; морозный румянец исчез с его щек, и нехорошо подрагивали губы.

– Правда что... – Ширяй с сожалением отодвинул книгу. – Пошли все вместе.

– Да вы чего, ребята? – усмехнулся Млад, глядя, как быстро они натягивают валенки и полушубки.

Миша вдруг схватил его за руку и быстро заговорил:

– Это он по мне воет. Слышишь, Млад Мстиславич? Он по мне воет! Он смерть издали чувствует. Так и вижу себя мертвым... Лежу в спальне, глаза закрытые – и пес за окном воет... И ты рядом на полу на коленях стоишь...

– Типун тебе на язык, – сплюнул Млад, – глупости не говори.

– Да не пугайся! Перед испытанием все о смерти думают! – Доброй, открывая дверь, хлопнул Мишу по плечу так, что тот пошатнулся и едва не упал.

Хийси сидел перед будкой черным силуэтом на белом снегу, запрокинув морду к небу: шея неестественно вытянулась вверх. Вой исходил из его груди, сотрясая собачье тело, словно тот всхлипывал.

– Хийси! Ты чего? – окликнул Млад.

Пес не отозвался, продолжая выть.

– Чует что-то... – прошептал Доброй.

– Давайте-ка вокруг дома обойдем... – Млад спустился с крыльца. – Показалось же мне, что кто-то к нам идет.

Доброй не отставал от него ни на шаг, словно стражник. Ширяй взял Мишу за руку, сходя вниз.

Но возле дома никого не оказалось, да и снегу навалило под самые окна – незамеченным никто к стене подойти не мог. Кусты сирени и жимолости вокруг не могли укрыть человека – слишком прозрачны были и белы от инея, – да и за высокой черемухой не спрячешься: тонкая. Млад направился в сторону расчищенной дорожки к университету, вглядываясь в темноту, – любая тень на снегу бросалась в глаза. Столбики коновязи тонули в высоком сугробе; три елочки, посаженные несколько лет назад, грелись под снегом, точно под белой шубой – одной на троих; черный колодец домиком торчал из снега; скамеечка около него притулилась под сугробом, и что-то было не так в ее тени... Млад направился к колодцу: человек лежал, прислонившись к срубам плечами, и прижимал руку к груди, словно хотел расстегнуть тулуп, но не успел.

Сначала Млад решил, что человек мертв: слишком неестественным выглядел он, лежа в снегу на лютom морозе, слишком неподвижным.

– Нашел, – пробормотал Млад, подходя поближе, и тут же, как по приказанию, смолк Хийси.

– Да это же Пифагорыч! – ахнул Доброй.

– Он умер? – спросил Миша, который продолжал держаться за руку Ширяя.

Млад склонился над стариком и уловил еле слышное тепло его дыхания.

– Нет. Доброй, поднимем его. Только осторожно... Ширяй, вы с Мишей за ноги его берите.

– Не надо, я сам его донесу, – Доброй отпихнул Млада в сторону.

– Не вздумай. Сказал же – осторожно.

Они отнесли Пифагорыча в дом и уложили на лавку, Ширяй побежал к врачам. Однако в тепле старик быстро пришел в себя и тут же попытался сесть.

– Лежи, Пифагорыч! – Млад потихоньку похлопал его по плечу. – Лежи спокойно. Не душно тебе?

– Тошно мне, вот что я тебе скажу! Тошно мне и жить не хочется! Видеть этого не хочется! – Пифагорыч отодвинул руку Млада и сел на лавке: лицо его исказила гримаса боли, и задергался угол губы.

– Ты не горячись...

– Не горячиться? Я уже не горячусь... – Пифагорыч опустил голову на грудь. – Три четверти века! Семьдесят пять лет в университете! Не ждал я... Не ждал такого...

По темной морщинистой щеке покатилась слеза.

– Может, меду погреть? – спросил Добройбой, мявшийся за спиной Млада.

– Не надо меду, – покачал головой Млад, – мятной настойки давай. Есть у нас мятная настойка? И корешков валерьяновых.

Добройбой кивнул и полез на полку. Рука старика непроизвольно потянулась к груди, он вцепился пальцами в большую пуговицу так, что их кончики побелели. Неожиданно рядом с ним присел Миша.

– Дедушка, давай я помогу, – он принялся расстегивать тугие пуговицы тулупа. – Ты не плачь, дедушка...

– Да не плачу я, – прошептал старик, погладив Мишу по голове, – что мне плакать?

– Лег бы ты, Пифагорыч, – снова посоветовал Млад.

– Что мне лежать? Належусь еще, – старик приподнял глаза. – Что-то нехорошо мне стало. Шел к тебе, да прихватило меня по дороге. Дай, думаю, посижу на скамеечке...

– Хийси благодари. Если б не он, так и пролежал бы в снегу до утра.

Миша помог старику снять тулуп и сидел рядом, заглядывая тому в глаза.

– И пролежал бы... – Пифагорыч сжал зубы. – Лучше бы пролежал! До такого позора дожить!

– Говорил я тебе – не ходи к ректору, – Млад покачал головой.

– Да леший бы с ним, с ректором! Сказал я им все, что думал. Об них да о боярах. Выслушали – а куда бы делись? Я им в отцы гожусь! Посетовали мне на трудную жизнь, совета спросили. Не послушают они, конечно, моих советов... Хорошо, не перебили.

Добройбой мятной настойки не нашел и начал раздувать огонь в плите – заварить сухую мяту. Млад дал Пифагорычу валерьяновый корешок.

– Да что ж с тобой тогда? Чего расстроился-то?

– Студентов по дороге встретил. Уж не знаю, с какого отделения, – не разглядел. Не наши. Пьяные, шальные. Стекла били в сриптории!

– Ну, Пифагорыч, ты от них слишком много хочешь, – улыбнулся Млад. – Безобразие, конечно, но это не самое страшное. Завтра бы дознались и вставили на место. Сам-то в молодости не озоровал?

– Озорвал. Но ты б мимо прошел? Вот и я не прошел. А они ко мне повернулись: ну сущие звери! Хохочут, скалятся, свистят! Иди, говорят, дед, подобру-поздорову, тебя не спросили! Я им – да как не стыдно вам? А они... они... – голос Пифагорыча дрогнул, и он закрыл лицо руками, – снежками, палками, камнями... Думал – убьют. Нет, насмеялись только...

Млад сжал зубы:

– Разглядел хоть кого?

Старик покачал головой.

– Дознаюсь, – кивнул ему Млад, – не переживай – дознаюсь.

– Не в этом дело... – всхлипнул старик. – Три четверти века... Никогда такого... Не озорство это.

Миша смотрел на деда широко открытыми глазами, и на них потихоньку наворачивались крупные слезы.

– Да уж понятно, что не озорство, – хмыкнул Млад.

– Словно не люди они. Словно зельем их опоили... Не могут наши студенты так... Как с цепи сорвались!

Миша всхлипнул вслед за стариком.

– Разберемся. Вот увидишь, завтра явятся прощения просить, – Млад похлопал Пифагорыча по плечу.

– Ненавижу! – вскрикнул вдруг Миша, вскочил и затопал ногами. – Ненавижу таких! Что толку прощения просить? А если бы дедушка замерз? У кого бы они прощения просили?

Млад не ожидал от него такой вспышки, хотя перед пересотворением все возможно. Тут дверь распахнулась, и в дом ввалились два молодых наставника с врачебного отделения.

– Ненавижу! – повторил Миша, с треском рванул воротник рубахи костлявой рукой, раз два со всей силы ударил кулаками по столу и упал обратно на лавку, тяжело дыша и обливаясь потом.

– Ого, – присвистнул один из врачей, – несладко тебе тут, Млад Мстиславич...

– Да что ты, деточка... – испугался Пифагорыч, – да что ж ты так...

– Ничего! Ничего! Не трогайте меня! Никто меня не трогайте! – зарычал парень и рванулся в спальню.

– Да что ж он... – Пифагорыч беспомощно посмотрел ему вслед и схватился за сердце, – что ж с ним такое?

Из спальни донесся долгий, пронзительный стон.

– Ничего. Я сейчас. Извини, Пифагорыч, – Млад поспешил за Мишей, надеясь уговорить его выйти из дома.

Но стоило ему приоткрыть дверь, тот вскрикнул:

– Не подходи ко мне! Слышишь? Не смей ко мне подходить! Оставь меня в покое!

– Я не подхожу, – Млад выставил руки вперед, – не подхожу. Но лучше тебе на дворе, не здесь... Принести шубу?

– Нет! Уйди! Уходи же!

Млад кивнул и прикрыл дверь. И тут же услышал грохот падающего тела и сдавленный, хриплый крик. Он выругался и кинулся обратно в спальню.

Глава 6. Дана

Врачи увели Пифагорыча домой, в сторожку, Добробой пошел к нему ночевать, Ширяй так и не появился: наверное, отправился к своим друзьям-студентам. Миша спал и должен был проспать не меньше трех-четырех часов. Млад не хотел оставлять его одного, но время шло к полуночи, а он так и не зашел к Дане... Сегодня ему невыносимо хотелось ее увидеть.

Дана была удивительной женщиной. С самого начала. Когда-то она стала единственной девушкой-студенткой университета. А потом – единственной наставницей, читала лекции по праву.

Она очень хорошо одевалась, как боярыня. Многие считали худобу ее недостатком, но для Млада она была хрупкой. Ее руки напоминали ветви березы – такие же длинные и гибкие. Она вся напоминала березу – тонкую и высокую. А лицо... Млад всегда находил ее лицо очень красивым, хотя кто-то мог бы с ним и не согласиться. Особенно ее глаза – огромные, с длиннющими черными ресницами, такими пушистыми, что казались ненастоящими. И короткий нос, и маленькие, как будто припухшие, губы...

Он трижды звал ее замуж, но она неизменно отвечала:

– Чудушко мое... – и кашляла, – за кого замуж? За тебя замуж? Два наставника – это слишком для одного дома. И потом, куда ты денешь своих учеников? Нет, Младик, замуж я не хочу. Тем более – за тебя. Ты совсем не приспособлен к жизни. И я тоже.

Они больше десяти лет были вместе: Дана и этим отличалась от других женщин, она не боялась, что станут о ней говорить, и Млад ночевал у нее, когда ему вздумается, и приходил открыто, не прячась и не озираясь по сторонам.

Прислушиваясь к сопению Миши в спальне, Млад надел валенки на босу ногу, накинул на плечи полушубок и потихоньку выскользнул за дверь.

Дом Даны стоял на другом конце наставничьей слободы, в полуверсте от дома Млада, и он пожалел, что не надел треух: казалось, уши покрылись инеем. Университет потихоньку успокаивался: гасли огни в коллежских теремах, вместо гомона множества голосов раздавались отдельные пьяные выкрики, драки прекратились. Млад прошел мимо терема выпускников: наверху горел свет – для студентов-татар, похоже, опасность миновала.

Конечно, Дана уже спала. Млад долго думал, прежде чем постучать в темное окно: а стоит ли ее будить? Но она услышала его стук сразу, будто ждала его, зажгла свечу и отодвинула засов.

– Я сразу догадалась, кого леший принес ко мне в столь неподходящее время... – проворчала она, пропуская Млада в дом. Он очень любил смотреть на нее, когда она в одной рубашке: помятая, сонная, теплая. Особенно если горела всего одна свеча.

– Я тут привез тебе кое-что... Я в Новгороде сегодня был и вот привез... У меня просто времени не было раньше...

– Не гунди. Опять шапку не надел? Сначала погреем уши, а потом поговорим... – Дана поставила свечу на стол, подняла тонкие руки и прижала их к его ушам. – Холодные.

Она приподнялась на цыпочки и дохнула ему в ухо – горячо и приятно.

– Я ненадолго совсем, пока Миша спит...

– Ага, – она дохнула ему в другое ухо, – теплей?

– Теплей, – он улыбнулся. – Я платок тебе привез. Шелковый. Смотри, какой красивый. Млад вытащил из кармана коробок из тонкой соломки и открыл крышку.

– Ты умница, – Дана подхватила коробочку и невесомую ткань. – Не сомневаюсь, ты пришел поговорить.

– Ну... я не только... Я... просто...

– Ага, – она засмеялась и открыла дверь в сени, – давай. Оправдывайся.

– Хочешь, я сам меда согрею? – спросил он, когда она вернулась с ковшом меда, нацеленным из бочонка. – Не пачкай руки...

– Нет, не хочу, – она отодвинула печную заслонку и подула на угли. – Ты не можешь сделать и такой простой вещи без приключений.

Млад опустил голову: в прошлый раз он действительно забыл открыть вьюшку. А Дана рук вовсе не пачкала, перекладывая угли из плиты в печь тонкими щипцами.

– Чудушко... – она обняла его за пояс и потерлась щекой о его бок, – ты создан не для этого. Неужели ты в самом деле не подписал грамоту, как болтает весь университет?

– Действительно, – Млад пожал плечами, не понимая, осуждает она его или нет.

– Вот за это я тебя и люблю, – Дана поднялась и открыла печную вьюшку.

– Понимаешь, это были не мои видения. Мне почудилось, будто кто-то нарочно показал мне их. И я не стал подписывать.

– Я думаю, тебя после этого в покое не оставят... – Дана посмотрела на него искоса.

– Уже.

– Да? Так быстро?

– Ага. Ректор вызвал меня к себе – я еще из Новгорода не вернулся. Велел завтра на вече подписать грамоту и повиниться.

– Да ты что? – Дана присела на лавку у стола и подняла удивленные глаза. – Что, прямо так и сказал?

– Ага. Сказал, не Белояр дает серебро университету...

– А... а ты что? И сядь, наконец, я не могу все время задирать голову.

Млад присел напротив нее:

– Я уже решил. Если из-за меня университет лишится серебра, я не могу... понимаешь? Это, получается, не только мое дело. Я завтра же уйду из университета, чтобы никто больше не пострадал. Возьму ребят, поеду к отцу... Если уж они решили объявить меня лазутчиком татар, то ректору не придется меня защищать и подставлять университет под удар, понимаешь?

– Только глупостей не делай, ладно? Какой из тебя лазутчик? Ты в зеркале-то себя видел? – Дана усмехнулась и недовольно сложила губы. – И не вздумай никуда уезжать! Никто университет без серебра не оставит, это не так просто. Слушай больше, что тебе ректор говорит! Девять десятых университету платит Новгород, и решает такие вопросы не дума, а посадник. Да, одну десятую нам жертвуют бояре, но без нее мы не обеднеем, так и запомни. Университет тебя защитит, никто не посмеет взять тебя под стражу без грамоты ректора, если им вообще придет такое в голову. Так что выбрось это из головы, понял? Герой нашелся... Решил он...

– Послушай, но не могу же я прятаться за чужими спинами? Подумай сама, ну как я могу?

– А ты не прячься за чужими, ты прячься за своими, хорошо? С чего это ты вдруг взял, что университет – это чужие спины?

– Ну... Это мое дело, только мое...

– Нет. Это не только твое дело. Слышал, что творилось сегодня в университете? Твоя заслуга, между прочим. Без тебя поискали бы наших татарчат и успокоились. А тут – до драк спорили, виноваты татары или нет.

– А ты считаешь – виноваты? – Млад поднял голову.

– Мне, если честно, все равно. По закону ваша грамота никакой силы не имеет, и неважно, подписал ты ее или нет. И не имела бы, даже если бы ее подписали сто волхвов.

– Нет, я имею в виду – не по закону. Ты сама как считаешь?

– Я никак не считаю. Мне никто не доказал ни их вины, ни их невиновности. И какой может быть разговор?

– Ты говоришь, как наставник-правовед, – улыбнулся Млад.

– А как я, по-твоему, должна говорить? Как баба из Сычёвки? – она засмеялась. – Я надеюсь, ты меня слушаешь и никуда не поедешь. Кроме ректора, в университете довольно законников, чтобы ты чувствовал себя спокойно. И это вовсе не чужие спины, как ты говоришь. Расскажи лучше, как себя чувствует твой Миша.

– Ты знаешь – лучше, – Млад улыбнулся, – только... мне кажется, он будет темным шаманом. Придется искать ему другого учителя. Жаль, конечно. Я за эти четыре дня к нему привязался. Уже думал, как мы станем подниматься наверх вчетвером. Никогда не поднимал наверх сразу троих.

– Как думаешь, он выживет? – Дана посмотрела на него испытующе.

– Думаю, да, – Млад сжал губы и торопливо добавил: – Он очень поздоровел, поправился, и вообще – воспрянул.

– А ты не обманываешься?

– Я не хочу это обсуждать. Неужели ты не понимаешь? Ну как я могу об этом говорить?

– Если он умрет, ты представляешь, что начнется?

– Да я даже думать об этом не буду! – Млад откинулся назад и обиженно поднял брови. – Мне все равно, что после этого начнется! Он же... он живой человек, он мой ученик! Знаешь, он Пифагорыча так жалел сегодня... Будто родного деда. Я не думал, что он такой... чувствительный. У него припадок случился.

– А что с Пифагорычем?

Млад рассказал о выходе пьяных студентов, на что Дана покачала головой:

– Не нравится мне это что-то... Я сегодня возвращалась из Сычёвки и тоже встретила ватагу... Знаешь, стыдно признаться: я испугалась. Никогда ничего не боялась в университете, сколько лет здесь живу. А тут чуть не бегом до дома бежала. Дикие они какие-то, словно безумные, глаза невидящие... Думала: дожила, студентов буду теперь бояться! Может, показалось? Темно было.

Млад очень пожалел, что его в это время не оказалось рядом... Ему захотелось обнять ее узкие приподнятые плечи, но закипел мед в ковше, и вместо объятий пришлось тащить его на стол.

– Ты так на меня смотришь, – Дана улыбнулась, разливая мед по кружкам, – как будто жалеешь, что сел слишком далеко...

Млад кивнул и придвинулся ближе.

– Я соскучился. И я так устал сегодня...

– Конечно, – она притянула его голову к себе на грудь и взлохматила ему волосы. – Неужели ты считаешь, что не нужен университету?

– Не знаю. Студенты меня ни во что не ставят... И шаманята мои.

– Ты сам это придумал? Студенты тебя обожают. Дай им возможность, они б тебя на капище поставили рядом с богами и поклонялись, как кумиру. И я вместе с ними.

– Что бы ты делала вместе с ними? – Млад обнял ее и прижался щекой к тонкой ткани на ее груди.

– Поклонялась тебе, как кумиру.

– Почему?

– Потому что тебя невозможно любить, тебе можно только поклоняться.

Подобными двусмысленными словами она морочила ему голову десять лет! Он потянулся к ее губам, но как только коснулся их, за окном раздался громкий крик:

– Вперед! Смерть татарам!

И призыву ответил вопль сотни глоток.

Дана дернулась и бросилась к окну, Млад вскочил вслед за ней: к наставничьей слободе с факелами в руках неслась толпа студентов.

– Разыскали... – сказала Дана, всплеснув руками. – Татарчат разыскали! Не спится же им!

Млад, только выглянув в окно, кинулся к двери, на ходу натягивая полушубок.

– Ты куда? Куда собрался? – Дана оторвалась от окна.

– Туда... – Млад пожал плечами.

– С ума сошел? Против пьяной толпы? Посмотри, их там не меньше сотни!

– Да что ты... Это же студенты... Кто-то же должен их остановить? Да сейчас все наставники сбегутся!

– Да? Что-то я ни одного не вижу!

– Спят все, сейчас проснутся, – Млад надел валенки.

– Младик, ты с ума сошел... Не ходи... Ты слышал, что они сегодня вытворяли? Ты просто их не видел сегодня!

Крики становились все громче, мелькали черные тени и рыжий огонь факелов.

– Да это же студенты, это же наши студенты! Они завтра прощения будут просить, они завтра пожалеют о том, что сегодня вытворяли!

– Младик, завтра будет завтра!

– Дана, они сейчас натворят черт знает чего! И завтра, к сожалению, этого будет не исправить! Как ты не понимаешь, для них это игра!

– Игра? Они, похоже, решили сжечь наставничью слободу!

– Вот именно! – Млад открыл дверь. – Закройся покрепче.

– Да они убьют тебя!

Млад не стал больше спорить и захлопнул дверь. Он ни на миг не поверил в то, что студенты захотят его убить. Он думал, стоит ему появиться перед ними – и они остановятся, стоит сказать несколько слов – и все встанет на свои места!

Разрозненная толпа приближалась к терему выпускников, крича и размахивая факелами, Млад бежал им наперерез и немного не успевал оказаться перед крыльцом раньше них.

– Бей татар!

– Смерть за смерть!

– Постоим за землю русскую!

– Смерть татарам!

Конечно, не обошлось без верховода: первым на крыльцо вскочил здоровый парень в долгополой расстегнутой шубе, повернулся к прибывавшей толпе и низким, зычным голосом отдал приказ:

– Обкладывайте терем сеном! Поджарим татарву!

Толпа отозвалась восторженными криками, откуда-то на самом деле появилось сено. А они подготовились... Это не стихийный набег, они слишком слаженно окружали терем. Не только сено – у них и масло было припасено!

Либо это была не та ватага, с которой встретился Пифагорыч, либо тот чего-то не доглядел: в лицах студентов, бежавших рядом, Млад не увидел ничего звериного, напротив, это были одухотворенные лица, лица людей, одержимых высокой идеей, словно у воинов, идущих в бой за правое дело, и от этого Младу стало не по себе еще больше.

В пятнадцать лет он действительно участвовал в походе на крымчан и помнил воодушевление, с которым шел вперед, на копья и сабли врагов. Войско перед боем охватывало небывалое возбуждение, восторг, жажда победы. И страх, и здравый смысл меркли, терялись; глаза слепли, и воины бежали вперед, презирая опасность и смерть. И побеждали. Возможно, князь Борис умел воодушевить войско силой своего слова, соединить сотни людей в единое целое, как это утром сделал Белояр с сорока волхвами. Возможно, князь прибегал для этого к помощи волхвов, но Младу казалось, что волхвы князю для этого не требовались.

А теперь рядом с ним студенты бежали, словно воины на врага: ослепленные, восторженные и непобедимые. И это было гораздо страшней и опасней пьяной ватаги, чувствующей свою безнаказанность.

Млад подбежал к крыльцу, и его никто не отличил от остальных. Он взлетел по ступенькам – верховод отвернулся в сторону, отдавая какие-то распоряжения студентам, – Млад недолго думая развернул его к себе лицом, и довольно грубо, надеясь напугать и отрезвить. Но вместо студента увидел перед собой взрослого человека, своего ровесника. Чужак! Ни в Сычёвке, ни в университете Млад никогда его не видел: чернобородый, кудрявый, незнакомец смотрел на Млада прищуренными маленькими глазами из-под низкого лба, крылья его тонкого, орлиного носа раздувались, и губы презрительно кривились. Вдобавок он оказался крепче Млада и шире в плечах. Чужак перехватил руку, сжимавшую его плечо, а потом попытался отшвырнуть Млада вниз, но не сумел сделать этого одним толчком.

Одного взгляда в глаза незнакомцу было достаточно, чтобы почувствовать его *potentia sacra*: не волхва, не шамана, а чего-то странного, с чем Млад никогда не встречался. Впрочем, чужак тоже разглядел Млада в один миг.

– Убрать, – бросил незнакомец двум студентам, стоявшим подле него.

Млад не успел опомниться, как ему заломили руки за спину и потащили с крыльца. Сопrotивляться не имело никакого смысла, но Млад сопротивлялся, собирая в себе силу, которой после утреннего волхования почти не осталось: шаман умеет управлять толпой, иначе он не шаман! Но для этого толпа должна смотреть на него! Младу никогда не приходилось бороться с кем-то за внимание толпы, а тем более – отбирать это внимание! И потом... он делал это не так... Костер, бубен, пляска шамана... Он никогда не пробовал по-другому!

Его стащили вниз, швырнули в снег, раза два пнули сапогами и хотели тут же забыть о нем, но чужак знал свое дело.

– Не пускайте его сюда!

Млад начал подниматься, но ему на шею надавил чей-то сапог. Он извернулся, хватая студента за ногу, и уронил его в снег, но сверху навалились еще трое или четверо. Встать, надо встать! Чтобы его увидели, слышали!

– Быстрее, ребята! – прикрикнул чужак с крыльца. – На ту сторону сено несите! Чтоб загорелось со всех сторон! Чтоб ни один не ушел!

Окно наверху с треском распахнулось, и одинокий голос позвал на помощь. Это не имело смысла: студенты внизу шумели так, что давно проснулась вся наставничья слобода! Если все наставники выйдут на улицу, их будет достаточно против сотни студентов. Но студенты – здоровые молодые парни, а среди наставников много стариков. Да и странно это – воевать со студентами, так и до кровопролития дойдет!

Если они подожгут терем выпускников – несмотря на безветрие, огонь запросто перекинется на другие дома, стоящие довольно кучно. А от края наставничьей слободы два шага до collegialных теремов!

Млад сопротивлялся отчаянно и молча, ему удалось подняться на ноги, он отшвырнул двоих щенят и схватился с третьим, крепче остальных. Но из толпы, державшей факелы, к тому на выручку бросились еще двое. Млад никогда не умел толково драться и делал это только в молодости, когда сам был студентом. Но и студенты – не воины князя Бориса.

Млад наобум ударил в зубы самому молодому из нападавших, но в этот миг факел осветил откинувшееся назад лицо.

– Ширяй! – обиженно рявкнул Млад. – Ты-то, гаденыш, что здесь делаешь!

Его прижали к крыльцу сбоку, хватая за руки, ударили в солнечное сплетение, и Млад на несколько мгновений потерял Ширяя из виду.

– Млад Мстиславич! – Ширяй словно проснулся. – Стойте, погодите! Это же Млад Мстиславич!

Его голоса никто не услышал, кроме чужака в долгополой шубе.

– Так вот это кто! – он перегнулся через перила и посмотрел вниз. – Ветров? Тащите его сюда! Это Ветров! Он же прихвостень татарский! Лазутчик Амин-Магомета!

Слова его вызвали вой среди студентов, и Млад удивился, как его не порвали на клочки тут же, потому что толпа подалась вперед, и он оказался в тугом клубке, который вынес на крыльцо и его, и Ширия, кинувшегося на выручку учителю.

Толпа отхлынула по приказу незнакомца, Младу никто не держал даже рук, – впрочем, сбежать он бы не смог, да и не стремился. С высокого крыльца хорошо просматривалась вся наставничья слобода: наставников, поспешивших на помощь татарчатам, остановили: кто-то, не добежав до толпы, повернул к дому; кто-то так и не перешагнул собственного порога.

Ширия, который сопротивлялся, хотели скинуть вниз, но Млад успел сказать:

– Не рыпайся. Стой спокойно. Может, пригодишься.

По-видимому, незнакомец, разглядев в Младе волхва, не заметил в нем шамана. А узнав, что Млад всего лишь волхв-гадатель, и вовсе перестал его бояться, хотя и осторожничал.

– Свяжите им руки, обоим.

Млад молча оглядывал студентов, смотревших на него снизу, и мучительно соображал, какие слова вернут им разум. Он не сопротивлялся, когда ему связывали руки за спиной – ременной опояской. Он так хотел оказаться перед толпой, чуть над ней, что ради этого стоило смириться со всем остальным. Ширий же, отчаявшись победить сотню своих товарищей, решил прибегнуть к увещаниям.

– Ребята, вы что! Это же Млад Мстиславич! Он же наставник! Ребята, он не за татар, я вам точно говорю! Отпустите его! Млад Мстиславич наш, он не за татар!

Ширий тоже был шаманом. Конечно, он еще ни разу не поднимался наверх один, ни разу не пробовал объединять силу людей, смотрящих на него, но от природы владел этим даром, прошел испытание. Он тоже чего-то стоил. И Млад с удивлением заметил, что жалкие выкрики Ширия упали в толпу, как набухшие ростками зерна падают в теплую землю. Студентов не коснулись слова о татарах, напротив, это их только подзадорило, а вот слово «наставник» и обращение по отчеству задело что-то в их головах.

– Ветров недаром прибежал сюда защищать татарву от нашего гнева. И недаром не написал обвиняющей татар грамоты! – обратился к толпе незнакомец. И Млад отметил: Ветров. Не Млад Мстиславич и не наставник. И дважды «татар».

Толпа взорвалась криками, среди которых ясней всего выделялись «смерть» и «в огонь».

– Мы не палачи, мы мстители! – выкрикнул чужак. – Мы стоим за Правду и за Русь! И наша Правда – путь силы! Доколе враги будут топтать нашу землю? Доколе подкупленные ими предатели будут покрывать их бесчинства? Смерть врагам и смерть предателям!

Студенты ответили восторженными воплями и кинулись к стенам терема, размахивая воющими факелами.

– Смерть врагам и предателям! Зажигайте огонь!

Из распахнутого окна наверху разнесся тонкий мелодичный крик, висящий на одной ноте, из которого Млад расслышал только слово «Алла». И этому крику эхом ответил хор, повторивший фразу: татары молились своему магометанскому богу. Только молитва их походила более на крики о помощи и мольбу о пощаде.

Сено, политое маслом, вспыхнуло дымным пламенем, и языки огня поползли на заиндевевшие стены, слизывая иней, как сахар с пряника.

И в этот миг Млад увидел Дану. Она надела шубу и соболью шапку, в которой так походила на боярыню, и бежала к терему выпускников, неловко подбирая тяжелые меховые

полы. Млад никогда не видел, чтобы Дана бегала на глазах студентов, напротив, она ходила красивой поступью княгини, и студенты замирали и склоняли головы, заметив ее издали.

Зачем он дал связать себе руки? Зачем не запер ее дом снаружи? Неужели не найдется никого, кто ее остановит? Что она делает?

Дым поднимался в небо – морозное безветрие не раздувало огня, но и не чинило ему препятствий. Крыльцо осветилось поднявшимся пламенем, и Млад понял, что должен сделать что-то немедленно, пока Дану не заметила толпа, сейчас же: времени на раздумья и подбор слов не осталось! Как жаль, что связаны руки! Он и не подозревал, как руки помогают ему говорить! Пусть поможет хотя бы огонь.

– Я защищал Русь в бою, с оружием в руках! – Млад вскинул лицо и обвел глазами студентов: они замолчали и повернули головы на звук его голоса. – Я воевал против копий и сабель, которые татары обрушили на мою землю! Как же жалко выглядят те, кто нападает на безоружных! Кто не силой, а числом берет победу над зажатой в угол горсткой бывших товарищей!

Вслед за Даной, то ли желая ее остановить, то ли пристыженные ее примером, к терему бросилось десятка два наставников. Даже те, кто до сих пор не решался высунуть носа из своих домов!

– Их надо давить, как крыс! Потому что они, словно крысы, заполняют нашу землю! – немедленно отозвался незнакомец, отталкивая Млада в тень и закрывая его от студентов. – Татары не пойдут в открытый бой! Татары боятся открытого боя! Татары прячутся от нас, прикрываясь слабостью и малым числом, но мы не позволим себя обмануть! Кубок с ядом – не копье и не сабля! Смерть за смерть!

Чужак поздно понял, что напрасно позволил Младу открыть рот. И дело было не в словах, которые говорил каждый из них... Ширий пригнулся и с воплем толкнул чужака головой в поясницу: стоявшие рядом студенты не успели остановить шаманенка и подхватили его за плечи слишком поздно, Млад успел шагнуть вперед, из тени под свет огня.

– Вам станет стыдно завтра! Завтра вы проснетесь на пепелище Alma mater и ужаснетесь тому, что сделали! Не кажется ли вам странным, что со всех сторон к вам бегут предатели и прихвостни врагов? Ваши наставники стали вашими врагами! Вы готовы убить каждого, кто с вами не согласен? Это вы называете путем силы? Вам придется убить сотню наставников, но устоите ли вы против тысячи своих товарищей?

Теперь чужак не мог заткнуть ему рот: он бы опустил язык в глазах студентов, несмотря на свою *potentia sacra* и умение звать за собой.

– Обманутые, запуганные люди! – незнакомец не посмел оттолкнуть Млада. – Они не ведают, что творят. Наставники не враги нам, а лишь те, кто не успел разобраться, понять, кто враг, а кто друг! И наше дело донести до них нашу Правду!

– Млад Мстиславич – тоже наставник! Слушайте Млада Мстиславича! – прокричал Ширий, но его уронили на пол и заткнули рот.

Млад впивался глазами в толпу и чувствовал каждого, кто смотрел сейчас на него. Рук не хватало, бубна не хватало, но огонь, освещавший его лицо, делал свое дело.

– Правда – одна на всех! Нет Правды моей и вашей! Тушите огонь! Завтра мы соберем вече и решим – по-честному решим, – что нам делать. Вы пришли сюда ночью не от силы, а от слабости! Что же это за сила, которая действует исподтишка? Тушите огонь! Завтра вы донесете до всего университета то, что хотите сказать, завтра вам дадут слово и вы в открытую скажете, что надо делать. Тушите огонь!

– Тушите огонь, ребята! – выкрикнули сзади: наставники подоспели вовремя. – Скорей! Пока не разгорелось, тушите огонь!

– Тушите огонь, безобразники!

– Пока стены не занялись, тушите! Снегом, снегом!

Дана остановилась чуть в стороне – в ее осанке снова появилось что-то от княгини: она сверху вниз смотрела на суету и не двигалась с места, и Младу показалось, что он видит легкую улыбку, играющую на ее губах.

Студенты растерянно смотрели друг на друга: толпа исчезла, они перестали быть единым целым, стоило только посеять в их душах легкое сомнение в правоте.

– Смерть татарам! – неуверенно прозвучало перед крыльцом.

– Да что ж вы стоите! – крикнул кто-то из наставников сзади. – Шевелитесь! Займутся стены – не остановите!

– Быстрее, ребята! – двое наставников протиснулись вперед, подталкивая студентов, и первыми принялись забрасывать пламя снегом.

А Млад смотрел студентам в глаза и боялся моргнуть, чтобы не потерять с ними связи. Огонь начинал припекать с обеих сторон, клуб дыма влетел под крышу крыльца, и двое студентов за его спиной закашлялись. Млад привык к дыму, и слезы, выступившие на глазах, лишь придали его взгляду силы: дрожащая, прозрачная пелена смешала всех вместе – и студентов, и наставников. Он словно смотрел на всех одновременно и чувствовал всех одновременно, единым целым, и это было совсем не то единое целое, что двигалось к терему выпускников. Только одна тень отделилась от остальных и ушла в сторону: мимо охваченных огнем стен, мимо домов наставничьей слободы, по глубокому снегу – в лес.

А от коллежских теремов к ним бежали студенты, тысяча студентов: с лопатами и ведрами.

Пока не потушили занимавшийся пожар, Млад стоял на крыльце, хотя в этом не было необходимости. Он и сам не знал, боится ли чего, не слишком ли осторожничает, и не хотел признаваться самому себе, что не может выйти из того состояния, в котором оказался, – а это губительно для шамана. Шаман должен уметь войти и выйти из любого состояния сам, по своей воле. Этому он и учил Ширяя с Добробоем.

Запах гари еще стелился по земле, когда Млад сел на ступеньки крыльца и прислонился головой к перилам, ощутив, что связанные руки затекли и не чувствуют мороза. Люди потихоньку начали расходиться, татарчата так и не осмелились отпереть дверь. После битвы с огнем наступало умиротворение – голоса стали тише, спокойней.

– Младик? – услышал он голос Даны и тут же почувствовал ее прикосновение к волосам.

Глаза открывать не хотелось – даже на то, чтобы поднять веки, не осталось сил. Но это была Дана, и перед ней Млад не мог показаться слабым и беспомощным. Ему вдруг стало неловко из-за связанных за спиной рук. Он поднял голову и хотел встать, но Дана присела на корточки за его спиной и начала возиться с кожаным ремешком, стягивавшим его запястья.

– Руки отморозил, – проворчала она, нагибаясь еще ниже и хватая узел зубами, – и без шапки...

– Я... я сам...

– Что «ты сам»? – засмеялась она. – Руки себе развяжешь? Сиди! Чудушко...

Узел ослаб, и скоро Млад уже тер затекшие запястья негнувшимися пальцами.

– Ты идти-то можешь? – спросила Дана, накрывая теплыми руками его уши.

– Могу, – Млад схватился рукой за перила, но замерзшие, распухшие пальцы соскользнули, и от напряжения внутри все затряслось и разъехалось.

– Давай-ка я тебе помогу, герой... – Дана закинула его руку себе на плечо, – а то ты совсем замерзнешь.

Млад не чувствовал холода, – наверное, и вправду начал замерзать. И только поднявшись на дрожавшие ноги, вдруг подумал: а где же Ширяй? У него ведь тоже связаны руки! Млад оглянулся по сторонам, но шаманенка нигде не заметил.

– О твоём подвиге кошуны сложат песню, – Дана обхватила его за пояс, не давая осесть на землю.

– Ты опять шутишь? – Млад не хотел опираться на нее всей тяжестью, но подгибались колени, и земля уходила из-под ног.

– Почему я обязательно должна шутить? Ну ты хотя бы ноги переставляй!

– Да, я стараюсь, – Млад улыбнулся.

– И ты еще удивляешься тому, что студенты тебя боготворят? Если ты вкладываешь в лекции хотя бы сотую долю своей силы, они должны испытывать священный трепет! Я сама едва не кинулась тушить огонь вместе со всеми!

– Я не смог выйти из этого по своей воле... Мой дед вздул бы меня за это. Это напрасная трата сил.

– Ты поэтому не можешь идти? – спросила Дана, и Младу послышалась нежность в ее голосе.

– Так бывает всегда. Мне надо настойки глотнуть, и все пройдет. Если бы не гадание в Городище, я бы не так устал. Так часто нельзя, нужно время на восстановление.

– Сейчас дойдем до тебя, ты глотнешь своей настойки, и я уложу тебя спать, хорошо?

Дана умывала Младу лицо. Драка со студентами не прошла даром: кроме ссадин и синяков, в тепле у него пошла кровь носом. Прикосновения ее пальцев – нежные и осторожные – Млад находил необыкновенно приятными. Он перестал испытывать неловкость, настолько хорошо ему было в ее руках. И усталость сменилась расслабленностью и успокоением.

Дана разогрела мед, и это оказалось как нельзя кстати: Ширяй вернулся без шапки, промерзший до костей и весь в снегу.

– Ушел он от меня... – выдохнул шаманенок с порога.

– Кто? – не понял Млад.

– Кто-кто! Градята!

Млад сидел на лавке запрокинув голову, с подушкой под спиной, а Дана суежилась вокруг него с мокрым полотенцем в руках.

– Градята – это ваш верховод? – спросил Млад, скосив глаза на Ширяя.

– Да, – буркнул тот, снимая обледеневший полушубок.

– Откуда он взялся?

– Я не знаю... Он давно приходит. Я думал, он в Сычёвке живет, хотел узнать, у кого, – Ширяй повесил полушубок на гвоздь и скинул валенки, зябко поводя плечами, – а он через лес ушел, по тропинке...

Дана покачала головой, положила мокрое полотенце Младу на переносицу и подошла к двери: встряхнуть полушубок Ширяя. Млад вспомнил, что так делала его мама, когда он в детстве возвращался домой весь в снегу.

– В темноте я его быстро потерял, – продолжил Ширяй, – не увидел, где он сошел с тропинки... А может, он на Волхов вышел сразу. А может, и затаился где.

– Погоди, – сообразил Млад, опустив запрокинутую голову, – ты что, ходил за ним по лесу? Следил за ним?

– Ну да, – Ширяй сел за стол и придвинул руки к горячему чугунок с медом, как к печке.

– Младик, голову подними, – строго сказала Дана, – сейчас я снег приложу.

– Знаешь, мне показалось, что этот человек опасен... – Млад испугался, представив себе жесткое лицо незнакомца и семнадцатилетнего юнца, вздумавшего за ним следить. – Зачем тебе это понадобилось?

– Ну... Я захотел понять, кто он на самом деле.

– Лучше бы ты захотел это понять вчера. А еще лучше – неделю назад, – проворчал Млад.

Дана вернулась с крыльца, зачерпнув пригоршню снега, и сказала Ширию, прикладывая смятую ледышку Младу к переносице:

– Стыдно должно быть.

– Млад Мстиславич уже дал мне в зубы, – Ширий налил себе меду и раскрыл книгу.

– Мало дал, – покачала головой Дана.

Ширий посмотрел на нее недовольно, словно надеялся, что она поскорей уйдет, уткнулся в книгу, но не выдержал и спросил:

– Млад Мстиславич, а я, когда научусь сам шаманить, так смогу, как ты?

Млад пожал плечами: он на самом деле не очень хорошо понял, что с ним произошло и как у него это получилось.

– Во всяком случае, ты мне очень помог.

– Да ну? – Ширий приоткрыл рот.

– Конечно. Твои слова посеяли первые сомнения. И у меня появилось время подумать.

– Это было так здорово! Ты когда заговорил, они все обалдели, у них рожи вытянулись! А Градята как испугался! Я сначала не верил, я думал – сожгут нас сейчас вместе с татарами! А Млад Мстиславич стоит и ничего не делает! Как дурак!

– Язык придержи! – фыркнула Дана. – Ты с кем разговариваешь, а? Кто это у тебя «как дурак»?

Ширий ничуть не смутился:

– А что еще я должен был думать? Если честно, я испугался. А ты, Млад Мстиславич?

Млад снова пожал плечами и глянул на Дану:

– Я испугался, когда Дану Глебовну увидел. Я просто не понял сначала, что она задумала, и испугался.

– Задумала? Ничего я не задумывала, – проворчала вполголоса Дана, – я тебя бежала спасать. Стоял, действительно, как дурак...

– Вот! Сама говоришь «как дурак», а на меня шипишь! – кивнул ей Ширий.

– Меня спасать? – Млад поднял брови.

– Конечно тебя, чудушко мое, кого же еще?

Глава 7. Утро

На следующее утро, едва рассвело, к Младу в дверь постучался Белояр. Млад только поднялся, не выспался и чувствовал что-то вроде похмелья. Хорошо, что вернулся Добройбой, – принес воды, согрел сбитня и сварил кашу; от Ширия в таких делах не было никакого проку. Миша, гулявший все утро в одиночестве, вернулся и зыркал запавшими глазами по сторонам – Млад ждал нового срыва.

Белояр пришел пешком, в том же белом армяке, с тем же посохом, и Млад очень жалел, что не может оказать ему более достойного приема.

– Это твои ученики? – спросил Белояр, усевшись за стол.

– Шаманята, – кивнул Млад.

Белояр усмехнулся, посмотрел на Мишу дольше и пристальней, чем на остальных, и покачал головой. Младу это не понравилось: словно тот искал на челе мальчика печать смерти. Печать смерти лежит на челе каждого шамана перед пересотворением. Млад до сих пор не сомневался в том, что умер и родился заново. Отпуская его домой, духи сказали, что его зовут Млад и он шаман; больше ничего о себе он не знал и не помнил. Прошло довольно много времени, прежде чем он начал вспоминать себя до испытания, узнавать родных, друзей, знакомых. И теперь думал о себе в детстве словно о другом человеке.

Белояр отказался завтракать, но с удовольствием согласился выпить горячего сбитня. Добройбой суетился вокруг знаменитого волхва, предлагая то баранки, то пряники; Ширий наострил уши и отложил книгу, которая неизменно лежала слева от миски с кашей, – он не переставал читать и тогда, когда ел; Миша и так жевал еле-еле, словно собирался со злостью плюнуть в миску и выскочить из-за стола, а тут и вовсе перестал есть, с подозрительным любопытством глядя на Белояра.

Белояра же не смутило присутствие учеников.

– Я пришел сказать, что думаю о гадании совсем не так, как думал вчера. Если сегодня удастся собрать одно вече, а не три и не четыре, я хочу выступить на нем.

– И что ты скажешь новгородцам? – Млад поднял брови.

– То же, что ты сказал им вчера. Я не верю гаданию. Мне нелегко это признать. Я не знаю, я даже предположить не могу, какая сила могла вмешаться в гадание и почему я не почувствовал ее. Но когда итог гадания выходит кому-то на руку, это вызывает подозрения. И я хочу, чтобы ты пошел на вече со мной. Я не видел того, что видели вы, я всего лишь объединял ваши усилия. У меня нет ни одного веского довода, ты – мой единственный довод.

– Тебе не нужны доводы. Новгороду достаточно твоего слова, – Млад пожал плечами.

– В том-то и дело! Мне кажется, на меня давит желание поступить так вопреки Правде... Я не имею никакого права вмешиваться в дела Новгорода и тем более Руси. Мое дело – говорить Правду, нести людям волю богов, и не более.

– Ты считаешь, что не имеешь права на свое мнение? На свою собственную мудрость, не подкрепленную мудростью богов?

– Каждый имеет право на свое мнение и на свою собственную мудрость. Но доверие Новгорода ко мне – это доверие не к моей мудрости, а к мудрости богов. А я хочу воспользоваться этим доверием, навязывая новгородцам собственную мудрость. Как бы мне хотелось хотя бы на один день стать просто человеком! – Белояр качнул головой.

– Мне кажется, твоя мудрость давно переплелась с мудростью богов. Ты напрасно мучаешься сомнениями, – ответил Млад, и, заглянув в глаза старому волхву, внезапно ощутил тревогу. Сначала она была смутной, непонятной, а потом вылилась в острое, горькое понимание: Белояр ничего не скажет на вече. Никто не позволит ему этого сделать. Млад попытался отделаться от этой мысли – и не смог. По спине побежали неприятные мурашки:

что же за времена настали, если волхвы не смеют говорить того, что думают? Что же это за времена, если вечевыми решениями управляет тот, кто хитрей, сильнее и богаче?

– Когда тебя покинут сомнения, ты, может быть, останешься волхвом, но мудрецом уже не будешь, – невесело улыбнулся Белояр. – Так ты пойдешь со мной на вече?

– Пойду, – кивнул Млад. – Дело в том, что ты не первый, кто зовет меня туда. Поэтому – пойду.

Сомнения Белояра сошли на нет, когда Млад рассказал, кто и зачем звал его на вече. Как ни странно, старый волхв не удивился рассказу, только сузил глаза, словно принял чей-то вызов. Они договорились встретиться у Великого моста в полдень – раньше вече собрать бы не удалось.

Когда Млад прощался с Белояром на крыльце, мимо них, толкнув волхва локтем, пробежал Миша и направился к лесу.

– Извини его, – сказал Млад волхву, – он... сейчас не властен над собой.

– Я понял это сразу. Но мне кажется странным: я не вижу печати смерти на его челе. Такого не случалось, чтобы боги позвали шамана, а потом отпустили его?

– Никогда, – покачал головой Млад.

– Или я начал видеть исход пересотворения? – усмехнулся Белояр.

Млад пожал плечами: хорошо бы. Хорошо бы Белояр оказался прав. Но... шаман умирает и рождается во время пересотворения. Может, всему виной огненный дух с мечом и христианский бог, которому посвятили мальчика? А может... Млад не хотел об этом думать... Может, Белояр не доживет до Мишиного испытания...

– И как тебе удалось ни разу не влезть в наш разговор? – спросил Млад у Ширия, вернувшись в дом.

Ширий, который уже раскрыл книгу, подвинув пустую миску Добробоею, надменно пожал плечами и ответил:

– Я подожду высказываться. Если я согласен с тобой в том, что сжечь университет – глупость и мальчишество, это еще не значит, что я изменил своим убеждениям.

– Ну-ну, – хмыкнул Млад. – И в чем же состоят твои убеждения?

– В том, что татары, как бы ни прикидывались русскими подданными, все равно остаются нашими врагами. Они только и ждут случая сквитаться с нами.

– И какой выход ты видишь из этого, раз университет жечь уже не хочешь?

Ширий вскинул голову:

– Война! Их надо прижать к ногтю окончательно, так, чтоб они не смели даже близко подходить к нашей земле! А они разгуливают по торгу, как у себя дома!

– Где-то я уже слышал это... про то, что они разгуливают по торгу... – усмехнулся Млад. – И через кого мы станем торговать с востоком?

– А купцы на что? Наши купцы, а не татарские!

– Ты полагаешь, татары, когда их прижмут к ногтю, позволят нашим купцам проходить через свои земли и везти через них товары?

– Надо прижать их так, чтоб они не смели их не пропускать!

– А как ты думаешь, если нас кто-нибудь прижмет к ногтю, по нашей земле чужие караваны пойдут беспрепятственно? Или ты первым выйдешь на большую дорогу с топором в руках?

– Мы – гордый и свободолюбивый народ, – скривился Ширий, – а татары – трусы, лжецы и лизоблюды!

– Да ну? – Млад рассмеялся. – Вот уж не думал... Пойди к нашим, университетским, татарам, и скажи это кому-нибудь из них один на один.

– Да они из терема выпускников нос высунуть боятся! – расплылся в довольной улыбке Ширий. – Где уж им это выслушать?

– Ничего, гордый и свободолюбивый парень... Посмотрел бы я на тебя, если б ты оказался на их месте.

– А я, между прочим, вчера едва не оказался на их месте! И что?

– Нет. Ты оказался не на их месте. Ты был среди своих, как ни крути, а они – среди чужаков, в чужом городе, который до вчерашнего дня принимал их как друзей, а тут вдруг посчитал врагами.

– Они сами виноваты! Это их Амин-Магомед убил князя Бориса!

– А ты, я думаю, видел, как он это делал... – проворчал Млад.

– Все равно они враги! И всегда были нашими врагами! Они нарочно к нам в друзья набиваются, чтоб потом взять нас изнутри! Они ползут сюда, как крысы!

– Да, и про крыс я тоже вчера слышал, – кивнул Млад, – помнишь, от кого?

– Ну и что? Если Градята – сволочь и призывает к убийствам вместо войны, это еще не значит, что он никогда не говорит правильных слов!

– Говорит, наверное. Иначе бы его вообще слушать не стали. А война... Война разорит нас и ослабит. У нас хватает врагов и без татар. Ливонский орден только и ждет, как забрать у нас обратно Невские земли, а с ними Псков и Ладогу.

– Да немцев мы уже побили! Они к нам больше не сунутся!

– Хорошо бы... – пробормотал Млад.

Декан пришел к Младу один, без ректора. Благодарил за благополучное разрешение ночного происшествия, трепал по волосам Ширия и звал в университет. А потом выгнал шаманят побегать на дворе и заговорил.

– Млад, я понимаю, тебе неприятно об этом даже говорить, но я еще раз хочу убедить тебя пойти на вече. Это очень серьезно, с этим не шутят. Отложи в сторону свои убеждения и сделай, как я тебе говорю. Это мой тебе отеческий совет.

– Я пойду на вече. Но вместе с Белояром. Он хочет сказать новгородцам, что не верит в гадание. Он приходил ко мне сегодня и звал с собой.

– Что? Белояр... – декан привстал. – Это точно? Он это решил определенно?

– В этом я не уверен. Но моего решения это не изменит.

– Что будет с Новгородом? – декан покачал головой. – Мне страшно даже подумать... Какая каша заварилась... Послушай меня, не лезь в это. Не как декан – как отец говорю. Откажи Белояру, он тебя не защитит. Он, может, еще передумает, он мудрый человек... А ты останешься один против бояр. Ректор побоится против них выступать, он тебя отдаст им, можешь не сомневаться. Ну или хотя бы давай так: если Белояр выступит на вече, не бери назад своих слов, а если не выступит – скажи, что ошибся. А?

Млад посмотрел на просящее лицо декана: он никак не мог взять в толк, серьезно тот говорит или неуклюже шутит? И если это серьезно, Млад что-то пропустил в этой жизни, чего-то не понял.

– Ну что ты смотришь на меня? Ты же не мальчик, Млад! Ты что, не понимаешь, во что ты вляпался? Если Белояр прав и гадание действительно ложь и морок, то за этим стоят такие силы, которые нам с тобой не по зубам! И Белояру они не по зубам, но с ним ты, по крайней мере, будешь под прикрытием! И перестань кривить лицо! Что ты хочешь мне доказать? Какой ты честный и смелый, а я – трус и лжец?

– Я ничего такого не говорил... – пробормотал Млад.

– Да, я трус и лжец! А ты – дурак! Просто дурак! Неужели ты не понимаешь, что тебя растопчут? Никто не тебя не поблагодарит и не оценит твоего подвига. Наоборот, вспоминать тебя будут как предателя Родины, ты этого хочешь?

– Мне все равно, как меня будут вспоминать... – сказал Млад тихо, опустив голову. – Я не вижу в этом никакого подвига и не жду никакой благодарности. Я просто не могу отказаться от своих слов, потому что это будет низко.

– Высоким хочешь быть? Боишься гордостью поступиться? А если ты ошибаешься? Если Белояр ошибается? Если это будет всего лишь исправлением ошибки?

– Я не могу ошибаться.

– Да ну? Вот такой ты великий волхв! Сорок волхвов ошиблись, один ты увидел Правду?

– Я не могу ошибаться только потому, что я всего лишь усомнился в правдивости гадания. А сомнение не может быть ошибкой. Я сомневался, поэтому не стал подписывать грамоту. Разве это неправильно?

– Ну и кто тебе мешает перестать сомневаться? Ну что ты опять смотришь? Млад, почему никто не сомневался, а ты усомнился, а? Неужели ты не понимаешь, что от твоего слова ничего не зависит? Все пойдет своим чередом, все пойдет так, как задумано кем-то, и не нам с тобой вставать у этих людей на дороге!

– Я всего лишь делаю то, что должен... – Млад сжал зубы.

Раздался легкий стук в окошко, выходявшее на крыльцо, но декан не обратил внимания даже на приоткрывшуюся вскоре дверь.

– Ты делаешь глупости! И говоришь ерунду! – упрямо сказал он.

– Кто это делает глупости и говорит ерунду? – в дом вошла Дана, улыбающаяся и румяная с мороза. Каждый раз, когда Млад встречал ее неожиданно, она на миг ослепляла его своей красотой. Особенно в этой шапке с соболей оторочкой поверх красно-черного платка.

– Кто же, как не Млад Мстиславич! – проворчал декан. – Дана Глебовна, ты – здравомыслящая женщина, объясни ему, что он должен поехать на вече и сказать, что ошибся!

Дана сняла шубу и сапожки.

– Почему это он должен говорить, что ошибся? Нет, милый мой Прозор Малютич! Это, во-первых, не мое дело, Младу Мстиславичу видней, как поступить. А во-вторых, не вижу причин, почему он должен отказываться от своих слов.

– Да не простят ему этого! Не простят. Его еще вчера обвиняли в предательстве, а завтра и вовсе отдадут толпе на расправу!

– Видала я вчера, как толпа хотела с ним расправиться, – Дана, проходя мимо Млада, легко и незаметно тронула его за плечо, – жаль, тебя там не было, Прозор Малютич! Ты небось сон-травы на ночь выпил и спал как убитый!

Декан покраснел и втянул воздух сквозь зубы.

– Мой дом стоит далеко от терема выпускников. Я действительно ничего не слышал...

– Это у Млада Мстиславича дом, а у тебя – терем, Прозор Малютич, – улыбнулась Дана. – За дубовыми ставнями, да на третьем ярусе и вправду ничего не услышишь.

– Едкая ты какая... – покачал головой декан. – Ну не слышал я, не слышал! Казни меня за это!

– Да не за это я тебя казню, – Дана села поближе к Младу, – а за то, что ты свою шкуру его честью прикрыть хочешь.

– Ну, знаешь... – прошипел декан, – мне от его глупости ничего не будет! Я о его будущем думаю!

– Не иначе, ты хочешь сказать, что университет не встанет за своего наставника?

– Ректор может и отказаться... – неуверенно пробормотал декан.

– Так вот, ректору и передай: пусть только попробует! Мигом вылетит из своего терема дубового в избушку попроще! Не бояре его на ректорство сажали, не бояре и снимут! Не папа Римский!

– Да Млад и до университета не доедет, если вместе с Белояром на вече выступит!

– С Белояром? – Дана вопросительно глянула на Млада, и тот кивнул. – Неужто старый волхв тоже усомнился?

Млад кивнул снова.

– Заварил ты кашу, Млад Мстиславич, – вздохнула она и посмотрела на него снисходительно.

– Вот и я о том же, – обрадовался декан, – смута, разброд! Тянули же тебя за язык!

– Я не это имела в виду, – Дана глянула на декана исподлобья. – Я хотела сказать, что Младик... Млад Мстиславич единственный из всех заподозрил обман и не побоялся сказать об этом. А ты, Прозор Малютич, вместо того чтобы уговаривать его отказаться от своих слов, лучше б собрал ему стражу из студентов. Глядишь, не надо будет опасаться, доедет он до университета или не доедет!

Декан поморщился.

– Да не надо мне никакой стражи, – успокоил его Млад, – я сам как-нибудь...

– Смотри, Млад Мстиславич, – декан поднялся, – я тебя предупредил. Говорить с тобой бесполезно, но так и знай: я тобой не прикрываюсь и бояться мне нечего. Я тебе только добра желаю.

Едва за деканом закрылась дверь, Дана посмотрела на Млада совсем по-другому.

– Младик, ты, конечно, прав. Но, если честно, мне за тебя страшно. Новгородцы – не студенты. А если их так же заморочили, как наших вчера ночью?

– Я же буду с Белояром, – улыбнулся Млад, – никто не посмеет тронуть волхвов. Не бойся.

– Жаль, женщин на вече не пускают... А то бы я поехала с тобой.

– Зачем? – удивился Млад.

– Посмотрела бы на тебя... на вече... – ответила Дана с загадочной полуулыбкой, и он в который раз не понял, что она имеет в виду.

Глава 8. Ночь в детинце

В день гадания, ближе к закату, юный князь Волот Борисович пожелал выехать в детинец, к посаднику. Тысяцкий Ивор Черепанов зашел доложить о событиях в Новгороде и поставить князя в известность о том, что дружина поднята и стоит у стен детинца, охраняя порядок, но Волот его перебил, объявив о выезде в Новгород.

– Ну куда тебе ехать, княжич! – тысяцкий снисходительно махнул рукой. – Без тебя руководов хватит! Будешь путаться под ногами!

Волот давно привык к тому, что Ивор ни во что не ставит своего ученика, – он и не обижался на учителя, но в этот раз слова тысяцкого резанули его, словно кривой татарский нож. Волот сузил глаза и чуть откинул голову.

– Я не княжич, Ивор. Я князь. И не только по рождению: я князь Новгородский – так решило вече! А ты забываешь об этом на каждом шагу.

– Не рано ли ты показываешь зубы, парень? Не рано ли думаешь о власти? – тысяцкий тоже сузил глаза и глянул на Волота сверху вниз.

– Если я не буду думать о власти, о ней подумаешь ты, – Волот посмотрел в глаза Черепанову и вспомнил слова доктора о силе, которую питает в нем вся русская земля. – Ты считаешь, я не понимаю, почему Новгород призвал на княжение меня?

– Ты для новгородцев кровь и плоть Бориса! И не более!

– Пока – не более. А призвали меня для того, чтоб такие, как ты, могли рвать Новгород на части и набивать свою мошну, не опасаясь княжьего гнева!

– Осторожней, княжич... – недобро усмехнулся Ивор. – Воина за такие слова я бы вызвал на поединок...

– Я не княжич, я князь! Любой воин из дружины примет вместо меня твой вызов, чтобы ты не унизил себя поединком с отроком. Не боишься?

– Ты князь только потому, что умер твой отец. И я бы на твоём месте не стал этим кичиться, – тысяцкий сказал это примирительно и назидательно, как учитель ученику.

– К сожалению, это действительно так. Я князь, потому что умер мой отец. И кроме меня княжить больше некому! Чем дольше я остаюсь для вас не князем, а княжичем, тем лучше для всех вас! Не спорь со мной, я еду в Новгород. Я поеду верхом, подготовь десяток дружинников для сопровождения. И не отроков, как в прошлый раз! Я еду не на охоту и не на потеху!

Черепанов вышел вон, качая головой так, словно Волот на самом деле собирался потешиться в кругу друзей и в самое неподходящее время озадачил тысяцкого своими детскими играми.

Новгород шумел: по всему городу шли стихийные уличанские вече, больше похожие на сходки перед бунтом. Волот нарочно проехал через весь город, прислушиваясь к тому, о чем говорят горожане. На Неревском конце, возле капища, Сова Осмолов кричал о войне, о несостоятельности посадника, о силе новгородского войска и поддержке Пскова и Москвы. Но не успел он договорить, с торговой стороны подошла толпа с житейными людьми во главе, и вскоре кончанское вече превратилось в заурядную потасовку. Торговая сторона войны не хотела, но Волот не успел вернуться к детинцу, когда на Ярославовом дворище вспыхнул пожар: громили татарское торговое посольство и восточные лавки на торге. Купцы, чьи лавки стояли неподалеку, поднялись на защиту своего добра, а на помощь немецкому двору, под окнами которого занимался огонь, людей привел Чернота Свиблов.

Волот пустил коня на торговую сторону, прямо по льду: он не знал, что делать и за кого стоять, но мальчишеское любопытство оказалось сильнее благоразумия. Бабы вопли неслись со стороны пожара, кричали мужчины, кто-то тушил огонь, кто-то мешал пожарным.

От противоположного берега отделилась ватага простолюдинов с топорами, и вскоре князь заметил, что они гонят впереди себя маленького человечка – раздетого и босого. Человечек высоко задирает колени, прыгая через глубокий снег, петлял словно заяц, выбирая дорогу получше, а выскочив на санный путь, понесся вперед во весь дух, наперерез князю. Мужики, перепыхивая сугробы, ломились за ним, как медведи через бурелом, улюлюкали и свистели.

– Не уйдешь, татарское отродье! – взревел тот, что бежал впереди.

И тогда Волот увидел, что маленький человечек – просто мальчишка, татарчонок лет десяти. Князь пустил коня вскачь, перерезая дорогу преследователям, и кивнул дружинникам, чтобы изловили мальчишку.

Хмельные, разгоряченные ватажники замерли, когда Волот выехал им навстречу и поднял руку вверх.

– Новгородцы теперь воюют с детьми? – возмущенно выкрикнул он. – Новгородцы теперь бьются ватагой против одного? Хорошо, что мой отец не видит этого...

Мужики пристыженно опустили головы, но тут вперед вышел человек, чем-то неуловимо отличный от остальных. Может, взглядом умных, внимательных глаз; может, тем, что оставался трезвым; может, тем, что вместо топора держал в руке нож.

– Князь, когда-то твой отец спас мальчишку-татарчонка и вырастил в своем тереме, вместе со своей дружиной... Учил наукам и искусству войны... Когда-нибудь этот мальчик, – незнакомец кивнул на извивавшегося ребятенка, которого один из дружинников пытался усадить на коня, – поднесет тебе кубок с ядом, провозглашая здравицу.

От этих слов мурашки пробежали у князя по спине, но думал над ответом он недолго.

– Когда это случится, – ответил ему Волот, – ты убьешь его в честном поединке. И боги будут стоять на твоей стороне.

Он развернул коня, давая понять, что разговор окончен, и кивнул дружине на детинец.

По обеим сторонам проезда Борисоглебской башни горели факелы, подковы коней гулко стучали по обледеневшей булыжной мостовой, а когда за спиной с шумом опустилась решетка ворот, Волот невольно повел плечами: словно мышеловка... И за поворотом проезда ничего не видно, и с крепостных стен смотрит невидимая в темноте стража детинца... Неуютное место.

Князь миновал захаб¹¹ и повернул направо, к посадничьему двору, тут же оказавшись в лабиринте каменных палат посадника: свет факелов метался меж белых стен, высоких и низких, тонул в черных пролетах приземистых подворотен, под навесами и переходами и терялся далеко наверху; цокот копыт десятка лошадей эхом бился среди камней. Темная громада капища Хорса вынырнула впереди, словно перегораживая проход. Покрытая инеем шатровая крыша, взлетающая к небу, чуть поблескивала в темноте желто-красными искрами, отражая огонь факелов: храм Хорса даже зимней ночью хранил сияние предрассветного неба. Матово блестел и вызолоченный диск над входом – Волот с раннего детства не сомневался: если до него дотронуться, диск окажется раскаленным, как лик бога-Солнца, который тот являет людям, обходя небосвод.

Красота посадничьего двора никогда не трогала Волота: он не любил камня, как и его отец, и в гулких холодных палатах чувствовал себя чужим и беспомощным. Из палат, где жил посадник, можно было, не выходя на мороз, пройти и туда, где заседала дума, и в Совет господ, и в помещение княжьего суда, и встретиться с иноземными послами. Каждая стена там была подобна крепостной, каждое окно могло служить бойницей, множество колодцев было вырыто в глубоких подвалах, и тайные подземные проходы вели в город и даже на другой берег Волхова.

¹¹ Предворотное укрепление внутри крепости.

Волот подъехал к грузному крыльцу посадничьих палат и остановился, вглядываясь в узкие освещенные окна: неужели никто его не встретит? Но прошло совсем немного времени, как встречать князя вышла жена посадника, Марибора. Говорили, что посадник – Смеян Воецкий-Караваев – несмотря на знатность рода, во всем слушал жену, которую взял из семьи простого купца. Волот, привыкший с презрением смотреть на женскую половину княжьего терема, долго не мог взять в толк, почему голос Мариборы имеет такой вес среди мужчин.

Ее лицо было и красивым, и жестким одновременно: прямая линия густых темных бровей, прямая линия резко очерченных губ, прямая линия широко расставленных карих глаз. Незащищенность женственности и воля. Волоту она годилась в бабки, но сохранила и прямую осанку, и горящий взор, и чуть насмешливое выражение лица, так свойственное молодым красавицам.

Марибора спустилась с крутых ступеней крыльца, надев шубу, расшитую узорчатым бархатом, и накинув поверх шапки белый льняной платок, оттенивший темноту ее бровей и глаз.

– Добро пожаловать, князь, – она склонилась перед Волотом в поклоне, но столько достоинства было в этом движении, что Волот и сам едва не пригнул голову. Марибора одна не забывала называть его князем, и он в который раз испытал нечто, похожее и на благодарность, и на почтение.

Он спешил и передал повод одному из дружинников.

– Смеян Тушич принимает казанское посольство. Его ждут немцы и христианские жрецы, так что увидишь ты его нескоро, – сказала Марибора, приглашая следовать за собой наверх.

– Я бы сам хотел поговорить с татарами, – ответил Волот.

– Как считаешь нужным, князь... – пожала плечами посадница, и ему стало ясно, что делать этого она не советует. – Смеян Тушич знает свое дело, старый конь борозды не испортит. Я думаю, посольство опоздало: защиты просить поздно, теперь виновных будем искать.

– А... а что нужно христианским жрецам? – спросил Волот, когда они повернули на жилую половину палат посадника.

– Этим-то? Я не уверена, но думаю, что предложат всяческую поддержку со своей стороны в борьбе с магометанством.

– Да что они могут! – едва не рассмеялся князь. – Они только поют да благовония курят!

– И головы людям морочат, – проворчала посадница. – Но могут они очень многое. Или ты забыл, что такое Ливонский орден? И кто такой папа Римский? А золота у них сколько, ты представляешь?

У Волота в голове еще не вполне уложился статус Ливонского ордена. Он, конечно, знал, что это государство, созданное монахами, и что вроде как правят им христианские жрецы, но никак не мог в это до конца поверить. Это как если бы волхвы, вместо того чтобы делать свое дело, собрались вместе, прогнали бояр, отменили вече и начали править Новгородом, поселившись в теремах и набивая свою мощну серебром. Тогда какие же они после этого были бы волхвы?

Марибора проводила его в палату для приема гостей – большую, с широкими столпами и сводчатым белым потолком, с арочными переходами, с глубокими нишами, в которых прятались окна: Волот неуютно чувствовал себя в таких местах, ему казалось, что за каждым столпом, в каждой нише прячется кто-то и может в любое мгновение напасть со спины.

Широкий длинный стол, совсем голый, без скатерти, добавил ощущение холода и пустоты. От него не спасала даже нежная, тонкая роспись стен и вычурная резьба по камню, обильно украсившая палату.

– Скоро Совет господ соберется, – пояснила Марибора, – успокоится Новгород немного, кончанские старосты подойдут – тогда и стол накроем. Ты, может, взвара хочешь?

Волот покачал головой и сел спиной к стене. Постепенно, очень медленно, в голову проползла мысль: что же он наделал! А если все это – ложь? Если волхвы ошиблись и вместо прошлого увидели его сон? Надо обязательно спросить об этом Белояра! Зачем, зачем он согласился на прилюдное гадание? Ведь он один знал, чем оно закончится! Знал, что новгородцы не простят татарам смерти Бориса!

В палату, гулко грохоча сапогами, вошел пожилой бородатый дружинник; на его руке висел мальчишка-татарчонок: упирался, царапал сжимавший его запястье кулак и норовил укусить. Он не плакал, сопротивлялся молча и ожесточенно, но дружинник не обращал внимания на его жалкие попытки освободиться. В голове пронеслось: сколько волка ни корми, он все в лес смотрит...

– Куда отродье это девать? – спросил дружинник скорей у посадницы, чем у князя.

«Когда-нибудь этот мальчик поднесет тебе кубок с ядом, провозглашая здравицу». Мороз пробежал по коже, Волот поднялся и вышел вперед. А если все это ложь? Неужели бывают на свете такие чудовищные предательства? Что-то подсказывало ему, что бывают предательства и еще более чудовищные, только верить в это не хотелось.

– Успокойся, отрок, – изрек князь повелительно и бесстрастно, – тебе не причинят вреда.

И тут мальчишка залопотал по-своему: горячо, быстро, выплевывая слова вместе с каплями слюны. Его черные глаза жгли лицо Волота, и оскаленные зубы щелкали, как у волчонка.

– Что он говорит? – князь беспомощно оглянулся к Мариборе, но ответил ему дружинник.

– Он говорит, что никого не боится. Что отомстит за отца и братьев. Он не верил, что все гяуры – псы и предатели, но теперь в этом убедился. И его отец убедился тоже, только слишком поздно.

– Скажи, что я спас ему жизнь, – кивнул Волот дружиннику, и тот перевел его слова.

Татарчонок набычился и выплюнул короткую фразу. Дружинник поморщился и усмехнулся.

– Ну? – нетерпеливо спросил князь. – Что он ответил?

– Ты очень хочешь это знать? – усмехнулся дружинник еще раз. – Он сказал, куда ты можешь засунуть это спасение.

– Маленький герой, – вдруг произнесла Марибора с восхищением, и гнев, вспыхнувший было в груди Волота, улегся, уступив место удивлению. – Он один, он окружен врагами, но он не сдается и не просит пощады. Он не принял дара из рук врага. Он достойный сын своего народа.

– Когда он вырастет, он станет нашим врагом, – пробормотал дружинник, – он станет убивать новгородцев!

– Его отец был мирным торговцем, – посадница вскинула голову, – его отец никого не убивал. Он, насколько я поняла из речи мальчика, доверял новгородцам. И как мы ответили на это доверие?

– Но новгородцы мстили за своего князя! Татары предали нас первыми! – не удержался Волот.

– Неважно, кто предал первым. Важно то, что снежный ком ненависти и предательства покатился с горы, и теперь, князь, ты его не остановишь.

А если гадание – ложь? Тогда получается... Волот взглянул на Марибору, и она словно прочитала его мысли.

– Неважно, князь. Мы начали или они – теперь неважно. Смеян Тушич сейчас бьется за худой мир, который, как известно, лучше доброй ссоры.

– Они нас ненавидят и презирают! Они зовут нас гяурами! – слова вырвались сами, как попытка оправдаться перед самим собой.

– Можно жить окруженными соседями, а можно – окруженными врагами. Соседи всегда презирают друг друга и всегда видят соринку в чужом глазу, всегда дают обидные прозвища. Но соседи не травят друг другу колодцев и не бьют топором из-за угла.

– Но они... они первыми... отравили колодец...

А если все это – ложь? Если гадание – всего лишь отражение сна?

– Если они это сделали, мы должны быть мудрее их, – пожала плечами посадница.

– Почему? Почему именно мы должны быть мудрей? Почему мы не имеем права раз и навсегда покончить с ними?

– Спроси об этом у Белояра, князь. Он объяснит тебе лучше меня, что такое путь Правды. Но ты и сам можешь догадаться, что с нами станет, если мы начнем войну.

– Куда татарчонка-то? – не очень вежливо перебил дружинник.

– Отведи его к своим, – подумав, ответил Волот. – В думной палате сейчас казанское посольство, передай его послам. И скажи, что князь не воюет с детьми.

Глава 9. Вече

Тягучий звон вечного колокола слышался в каждом уголке Новгорода и особенно далеко летел по льду Волхова. Млад не сомневался: каждый горожанин, услышав эти звуки, чувствовал примерно то же, что и он сам: сердце стучало чуть быстрее и громче, сами собой расправлялись плечи, и дышалось легче и глубже. И недаром со всех концов в сторону Торга бежали ремесленники и купцы, боясь опоздать: каждый хотел занять место поближе к вечевой площади, чтобы слышать, о чем там будут говорить. И хотя по установленному порядку не все считались участниками веча – с некоторых пор вечевая площадь не могла вместить отцов всех проживающих в городе семейств, – те, кому доверили в нем участвовать, ощущали за спиной могучую силу толпы новгородцев: попробуй сделай что-то не так!

Новгород изъявлял свою волю – единогласную волю. И пока последний кожемяка не убедится в правильности выбранного пути, решение принято не будет. Звон вечного колокола на гриднице для каждого новгородца звучал как символ гордости, свободы и торжества Правды.

Млад отдавал себе отчет в том, что вечевые решения зависели не столько от воли каждого новгородца, сколько от умения краснобаев поворачивать эту волю в нужное русло. Но в глубине души теплилась наивная уверенность: до тех пор, пока звонит вечный колокол, Русью правит народ. Народ можно обмануть, но нельзя лишить права голоса, нельзя согнуть ему плечи и заставить, принудить, поработить: с ним можно только договориться.

На Великом мосту народу было немного: большинство переезжали или переходили Волхов по льду, и Млад остановился ближе к торговой стороне, надеясь высмотреть Белояра издали. Многие из проходивших мимо пристально всматривались ему в лицо и оглядывались – кто-то удивленно, кто-то одобрительно, кто-то с откровенной злостью. Сначала он не понимал, в чем причина, и даже осмотрел себя: может, что-то не так с его одеждой? Потом подумал, что всему виной рыжий треух, который издали бросается в глаза, и если бы не трескучий мороз, то он обязательно снял бы его и спрятал. Но его сомнения разрешили трое молодых парней, не побоявшихся спросить его напрямую, тот ли он волхв, что вчера на Городище не подписал грамоты. Млад кивнул и смутился: не стоило надевать этот дурацкий треух, теперь весь Новгород узнает его в толпе.

– И что, гадание на самом деле вранье? – откровенно спросил один из них.

– Я не уверен в том, что я видел Правду, – ответил Млад.

– Я говорил, это Сова Осмолов воду мутит, посадником хочет быть! – плюнул второй, и они, посмотрев на Млада то ли с уважением, то ли с удовлетворением, направились к Ярославову дворищу.

Мимо время от времени проезжали боярские сани – расписные, полные одеял из собольего меха. На широкой степени¹², пристроенной к гриднице, понемногу собирался Совет господ. Посадник, как ни странно, поднялся и сел на скамью вместе с женой, чем вызвал некоторый ропот в передних рядах, где собрались родовитые бояре: на вече женщин обычно не пускали. Разглядел Млад и Сову Осмолова – он сидел по правую руку от посадника, хотя на степени делать ему было нечего, в Совет господ он не входил.

Белояра все не было. Уже смолк колокол, сомкнулись ряды простолюдинов, окруживших вечевую площадь, участники веча заняли свои места: бояре – в первых рядах, за ними – житьи люди, потом купцы, потом немногочисленные, но пожилые и уважаемые ремесленники, – всего не меньше тысячи человек. И тысячи четыре толпились вокруг, толкались и надеялись пробиться поближе к площади.

¹² Степень – трибуна, с которой вещали ораторы и где размещались те, кто управлял вечем.

С моста Младу почти ничего не было слышно, Впрочем, новгородцы еще шумели: даже шепот огромной толпы мог заглушить оратора, а уж ее ропот должен был вызывать если не страх, то по крайней мере уважение. Млад топтался на месте, надеясь согреть застывшие ноги, и не услышал, как со стороны Ильмень-озера раздался топот копыт: небольшой отряд дружинников сопровождал юного князя, приехавшего на вече верхом. Толпа расступилась, услышав призыв дружинника, ехавшего впереди, раздались приветственные возгласы: новгородцы любили князя, и Млада нисколько это не удивляло. Да, князь был очень молод, но одного взгляда на него хватало, чтобы понять: это достойный наследник Бориса.

А Белояра все не было. Может, волхв передумал говорить на вече? Не посмел взять на себя ответственность? Он ведь колебался...

Князь взбежал на стень, поклонился новгородцам и сел на предназначенное ему место; рядом ним на скамью чинно опустился тысяцкий, Ивор Черепанов. Млад хотел подойти поближе, но побоялся: если Белояр опоздает, то не найдет его в толпе. В задних рядах он бы ничего не видел, но зато слышал бы, о чем говорят со стень; на мосту же он почти ничего не слышал, зато хорошо видел и стень, и вече, и окружавшую его толпу.

Первым поднялся посадник, смущенно осматривая свою невзрачную шубу, глянул на супругу и, получив утвердительный кивок, подошел к ограждению. До Млада долетали только обрывки его слов. Говорил посадник долго, прерываемый время от времени криками то с одного конца площади, то с другого. Млад тщетно пытался понять, о чем тот ведет речь, когда сзади к нему неожиданно подошли человек пять из стражи детинца, вооруженные топорами. Млад не успел даже оглянуться и понять, кто это такие, когда двое из них крепко взяли его под руки. Он посмотрел по сторонам и хотел спросить, в чем дело, но тут перед ним появился вчерашний незнакомец, которого Ширяй называл Градятай.

– Здравствуй, Ветров Млад Мстиславич, – Градята еле заметно усмехнулся. – Ты, никак, собираешься выступить на вече?

По-честному, Млад растерялся и в первый раз пожалел, что не взял с собой десятка студентов, как советовала Дана. Или хотя бы Добробоя, который убеждал его в том, что стоит десятерых. Стража из детинца – не разбойники с большой дороги, чтобы поднимать шум.

– Что тебе нужно? – спросил Млад в ответ не очень дружелюбно, снова оглядываясь на тех, кто держал его за локти.

– Пойдем, – Градята улыбнулся одним углом рта, – расскажешь новгородцам всю правду о себе и о гадании.

– Я уже сказал новгородцам, что думаю о гадании. Мне нечего добавить. Но подтвердить свои слова могу еще раз.

– Подумай, Млад Мстиславич, – темные глаза посмотрели на Млада в упор, излучая странную, неведомую *potentia sacra*. – Сегодня ты не сможешь сделать того, что сделал вчера, тебе не хватит сил. Ты выжат до капли.

– Чтобы говорить Правду, сила не нужна, – тихо ответил Млад, пожав плечами.

– Признаться, я не очень хорошо понимаю, что ты называешь правдой... – проворчал Градята. – Пошли. Новгородцы хотят тебя видеть.

Он повернулся спиной и сделал знак следовать за собой. Стражники подтолкнули Млада вперед, но он уперся и попытался вырвать руки.

– Я пойду сам. Я не вор и не разбойник и новгородцев не боюсь.

– Ты не вор и не разбойник, – оглянулся Градята, – ты предатель и лазутчик татар. Отпустите ему руки, пусть идет сам. Все равно никуда не денется.

Убеждать кого-то в том, что он не предатель, Млад посчитал для себя унижительным. Волхв не может быть предателем и лжецом, тогда он перестает быть волхвом! Не может быть, чтобы человек, наделенной той силой, что увидел Млад в темных глазах, не знал

об этом. Что ему нужно? Откуда он взялся и чего добивается? И если его сила позволяет лгать так откровенно, то что это за сила?

Они спустились с Великого моста и направились к вечевой площади, обходя толпу по льду Волхова. К гриднице можно было подойти только сзади, где останавливались сани, и лошадей оставляли под присмотр нарочно нанятых для этого людей. Неподалеку от площади им навстречу вышли трое, которые поприветствовали Градята как своего. Тот остановился, и Млада за локоть придержал странно молчаливый стражник. С виду трое неизвестных ничем не отличались от новгородцев, но почему-то Младу пришло в голову, что это чужаки. В них что-то было не так!

– Ну что? – спросил один из подошедших с улыбкой. – Наш предатель и лазутчик готов признать свою ошибку?

– Пока нет, – ответил Градята.

Один из чужаков подошел поближе и бесцеремонно взял Млада за плечи, заглядывая ему в глаза. Млад едва не отшатнулся: сила, та же непонятная, неизвестная сила! Ее излучали немигавшие глаза чужака – темные, чуть припухшие. Он был очень смуглым, темно-волосым, с привлекательным, но нескладным лицом и носом уточкой.

– Эй, да он же шаман! – чужак слегка толкнул Млада, выпуская его плечи из рук. – Не заморочит народ?

– Он выжат, смотри как следует, – ответил Градята. – Даже если он наберет сил на морок, то свалится замертво.

– Ну что, предатель и лазутчик, – один из чужаков усмехаясь потер руки, – у тебя есть выбор. Или ты признаешь свое невольное заблуждение, или через час новгородцы сбросят тебя с Великого моста.

– Ты угрожаешь мне? – тихо и удивленно спросил Млад. Вот так, среди бела дня, в двух шагах от вечевой площади? Но не кричать же, в самом деле...

– Я не угрожаю. Я объясняю и, надеюсь, объясняю доходчиво. Твоя задача рассказать Великому Новгороду, что гадание – истинная правда. И не просто рассказать, а убедительно рассказать. Чтобы вече в это поверило. Иначе нам придется объявить тебя предателем.

От откровенного бесстыдства его слов Млад растерялся еще сильнее. Никто и никогда не угрожал ему, никто не пытался заставить его сделать что-то против его собственной воли. Он был шаманом с тринадцати лет, он знал, что его *potentia sacra* дает ему превосходство над людьми, но ему и в голову не приходило, что она может применяться как оружие. Это противоречило его представлениям о нравственности: ни люди, ни боги не прощают такого! Он не испытывал страха, он не хотел верить, что новгородцы согласятся с чужаками, и в то же время чувствовал: согласятся.

– Мне нечего сказать, – ответил он, как всегда долго подбирая слова, – я могу только подтвердить то, что говорил вчера.

По знаку Градята двое из стражников снова взяли его за руки, но на этот раз чтобы связать их за спиной. Млад не стал сопротивляться: они бы все равно сделали это. Как жаль, что не пришел Белояр! И почему Млад был так уверен, что тот не передумает? Если бы волхв слышал этот разговор, он бы не передумал.

– У тебя есть немного времени, чтобы изменить свое решение. Пока говорит Сова Беляевич. Если передумаешь – скажи, я развяжу тебе руки, – кивнул ему Градята, поворачиваясь спиной, и стражники подтолкнули Млада вперед, в сторону гридницы.

– Я не передумаю, – сказал он в удалявшуюся спину, но Градята не оглянулся.

А со степени в это время на самом деле говорил Сова Осмолов. Млад хотел прислушаться, но от волнения не понимал ни слова. Что-то про мщение и войну. Речь боярина была короткой и яркой, и вече отзывалось на нее одобрительными криками с одного конца и свистом – с другого.

Млада подтолкнули к лестнице, ведущей на стень: боярин заканчивал говорить.

– Ну? – наконец обернулся Градята. – У тебя времени не осталось. Я бы не стал спрашивать, но честь не позволяет мне не предоставить тебе последней возможности.

– О какой чести ты говоришь? – Млад настолько поразился бесстыдству чужака, что на этот раз не подбирал слов – они сами сорвались с языка.

– Если ты сомневаешься в моей чести, назови это жалостью... – чуть не рассмеялся Градята.

Млад скрипнул зубами от обиды и злости и сам пошел наверх, не дожидаясь, когда его толкнут.

– Что же до одного-единственного волхва, который не подписал грамоты, то он сейчас предстанет перед вами, – зычно вещал Сова Осмолов, держась руками за ограждение и чуть пригибаясь вперед, словно нависая над вечем, – и тогда вы убедитесь, что в правдивости гадания не может быть никаких сомнений!

Стражники, следовавшие сзади, на самом верху грубо толкнули Млада вперед; он не заметил, что последняя ступенька чуть выше остальных, и споткнулся, едва не растянувшись на стень перед глазами всего вечера. Обидно стало до слез – нет сомнений, стражник сделал это нарочно! Боярин мельком глянул в его сторону и продолжил:

– Пока наш доблестный посадник защищал врагов Руси и вел с ними мирные переговоры, мои люди кое-что разузнали о человеке, поселившем сомнения в ваших сердцах.

Вече зашумело. В первых рядах раздались солидные смешки бояр, слева, где стояли представители кремлевской стороны, из толпы понеслись одобрителные возгласы, а справа пронесся удивленный ропот, и кто-то выкрикнул:

– Связать волхва? Да вы с ума сошли!

– Это беззаконие! – присоединился к этому голосу еще один, поближе. – Волхвы стоят вне правосудия!

– Волхвов вече не судит! – крикнул кто-то еще.

Сова Осмолов поднял руку, призывая к тишине, и, дождавшись ее, продолжил:

– Волхвов – не судит. Но того, кого боги проклинали за ложь их именем, мы волхвами никогда не считали. Этот человек давно перестал быть волхвом. Перестал с тех пор, как принял серебро из рук врага в оплату своей лжи.

Надо было крикнуть, что это неправда, но Млад еще не оправился от столь неловкого выхода на стень, а от чудовищности обвинения и вовсе задохнулся, не в силах сказать ни слова.

– Да-да! – кивнул Осмолов толпе. – Не думайте, что я могу огульно обвинить волхва в сребролюбии. Мы нашли достаточно свидетелей! И главным свидетелем, как ни странно, оказался один из казанских купцов! И среди врагов есть люди с честью, люди, ненавидящие ложь!

На стень действительно начал подниматься татарин, только выглядел он довольно потрепанно и мало напоминал купца. Младу показалось, что он видит сон: он и не представлял, насколько тщательно продумано обвинение.

Сова Осмолов задавал татарину вопросы, а тот отвечал на них «да» или «нет». Только напоминал он при этом китайского болванчика и, казалось, с трудом понимал русский язык. Однако вече всколыхнулось, когда татарин подтвердил, что сам передавал Младу серебро за то, чтобы тот не подписывал грамоты.

– И это не все! – Осмолов поднял палец, отпуская татарина со стень. – Мы обыскали дом так называемого волхва и обнаружили не только серебро, но и письмо, которое не оставляет никаких сомнений! Это письмо мне бы хотелось прочитать полностью. Для проверки его подлинности я передам его Совету господ.

Письмо действительно не оставляло никаких сомнений, Млад недоумевал только, как Совет господ установит его подлинность... Но и тут Осмолов оказался на высоте: письмо оказалось скрепленным печаткой Амин-Магомеда. Тут же в детинец послали гонца – привезти грамоты с той же печатью.

– Я мог бы привести еще множество доказательств, но не стану утомлять вече долгими подробностями. Скажу лишь, что это не первая просьба, с которой татары обращаются к этому так называемому волхву! Если вече захочет видеть свидетелей – они здесь, рядом, и готовы подтвердить мои слова.

Правая половина толпы удивленно шепталась, с левой же летели выкрики:

– Хватит!

– Все ясно!

– В Волхов его! Предатель волхвом быть не может!

– Смерть продажным тварям!

Млад не чувствовал страха, только недоумение. Неужели вече так просто обмануть? Неужели достаточно одного свидетеля и поддельной грамотки?

– Пока я сказал все, – Осмолов повинно опустил голову, словно доказывал новгородцам свою покорность, но тут же вскинул глаза. – Может быть, кто-то хочет выступить в защиту бывшего волхва?

Вече зашепталось, но никто не поднял руки. Только на самом краю толпы, в отдалении от площади раздались свистки и выкрики. Млад глянул в ту сторону, но почти ничего не разглядел. Может быть, это были студенты? Университет не имел на вече права голоса.

– Что? Никто не хочет? – Осмолов сделал вид, что удивлен. – Надо же! В Новгороде никто не хочет защитить предателя!

И тут со своего места поднялся князь. Млад стоял к нему спиной и не сразу это заметил.

– Я буду его защищать! – мальчишеский голос прозвучал отчетливей и громче, чем зычный голос боярина.

Юный князь вышел вперед, к ограждению, и молча указал Осмолову на его место – тот подчинился нехотя и с достоинством.

– Посмотри на меня, человек, – попросил князь, обращаясь к Младу, – посмотри мне в глаза.

– Не делай ошибки, князь, – сказал кто-то из-за стола Совета, – самые честные глаза бывают у отъявленных лгунов! Они...

Князь посмотрел в сторону говорившего, и тот осекся.

– Посмотри на меня, – повторил он Младу.

Млад повернул голову – ему все еще казалось, что это сон. Синие глаза князя обжигали, но Млад снова увидел в них то же, что и накануне: неуверенность, усталость и чувство вины.

– Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Млад пожал плечами.

– Я невиновен, – только и сумел выдавить он, не находя других слов.

– Скажи это громче, чтоб об этом слышал Новгород.

Млад набрал воздуха в грудь, судорожно соображая, что мог бы к этому добавить. Но так и не сообразил, повторив на всю площадь:

– Я невиновен!

Эти слова вызвали разный отклик на вече: кто-то засвистел и затопал ногами, кто-то почесал в затылке, кто-то засмеялся. И тут же площадь пришла в движение, которое началось с задних рядов. Млад удивился, подумав, что это сказанное им так странно повлияло на людей.

– Я тоже выступлю в его защиту! – поднялся с места посадник. – Негоже принимать скоропалительных решений.

Снизу тут же раздался свист и выкрик:

– Смеян Тушич – известный миротворец! Он ради мира готов не только с врагом бороться, но и предателя выгородить!

– А Пересвет Враныч – известный крикун, – посадник за словом в карман не лез, – за его голос ему бояре серебром платят!

Но шевеление в задних рядах привлекло его внимание, и он смолк. А между тем толпа расступалась, расходилась, открывая широкую дорожку к гриднице: в ее конце, опираясь на посох, появился Белояр. Люди склоняли головы и замолкали, только тихий шепот полз над площадью.

Совет господ зашептался тоже, юный князь от удивления приоткрыл рот, посадник крякнул и пробормотал:

– Ну, тут и без меня, похоже, разберутся... Белояр своего в обиду не даст, но и лжеца защищать не станет.

Млад выдохнул с облегчением: он и не представлял, насколько обрадуется появлению волхва. И сразу почувствовал, как был напряжен до этого, расправляя плечи до дрожи, поднимая голову и сжимая кулаки. Теперь все встанет на свои места! Ведь Белояру достаточно посмотреть на человека, чтобы понять, волхв он или «проклят богами».

Белояр шел вперед не торопясь, и Младу показалось, что волхв прихрамывает от усталости. Но появление волхва на вече выглядело величественно и торжественно. Он был, как всегда, с непокрытой головой, солнце серебрилось в его белых волосах, взгляд скользил по верхам голов, и широкие развернутые плечи выражали достоинство и гордость.

Никто не понял, как это произошло, никто не заметил, но внезапно плечи волхва дернулись, он остановился, и на лице его замерло странное и страшное выражение: смесь удивления и боли. А потом на утоптаный снег медленно упал посох и откатился под ноги толпе. И только после этого тело Белояра стало оползать вниз, словно песчаная башня, подмытая водой. Замершая толпа ахнула единым вздохом, волхв ничком упал в раскрытый для него проход, и все увидели, что из его спины торчит металлический черен ножа.

Люди вокруг испуганно подались назад, кто-то один вскрикнул:

– Убили!

И через мгновение площадь взревела.

Несколько человек протиснулись через толпу и склонились над волхвом, вслед за ними вперед вышли любопытные, и проход сомкнулся, скрывая происходящее от тех, кто находился на ступени. Весь Совет господ поднялся со скамеек и приник к ограждению, вглядываясь в толпу, растерянный князь замер, опустив руки, тысяцкий сорвался с места и кинулся по лестнице вниз, собирая немногочисленную дружину, вмиг конные воины оцепили площадь со всех сторон, оттесняя от нее новгородцев.

И вскоре с середины площади, где лежал Белояр, раздался возглас, который толпа тут же понесла во все стороны:

– Мертв!

Слово, как круги по воде, прокатилось над вечем, прошло сквозь тесные ряды простых новгородцев и, казалось, через Великий мост долетело до детинца. А после этого над площадью повисла давящая тишина: новгородцы обнажали головы. Вслед за ними снял соболя шапки Совет господ, и юный князь стащил шапку негнущейся, неверной рукой. Только Млад стоял на ступени в ярко-рыжем треухе, потому что руки у него были связаны. И, как все вокруг, не мог поверить в то, что произошло.

Горький, глухой голос не осквернил скорби, – наоборот, прозвучал как нельзя более вовремя.

– Плачьте, новгородцы! Плачьте! Коварный враг земли русской протянул руку и сюда и ранил нас в самое сердце! – из глаз Совы Осмолова выкатились две слезы. – Плачьте

и помните! Кто осмелится поднять руку на волхва? Только тот, для кого не святы наши святыни! Кто решится метнуть нож в сердце человека, перед которым преклоняют головы все, от мала до велика? Только тот, кто служит чужим богам!

Новгородцы молчали: голос Осмолова завораживал и рвал из груди рыдания.

– Кто? Кто способен на такое чудовищное действо? Кто сейчас радуется, когда мы плачем? Кто прячет злорадную усмешку, кто гнушается обнажить голову, воздавая должное памяти великого волхва и великого человека? – он неожиданно повернулся к Младу. – Шапку долой, татарский прихвостень! Не тебя ли спасал подлый убийца от гнева истинного и неподкупного волхва?

Боярин широко замахнулся и ударил Млада по щеке открытой ладонью: трех слетел на пол, Млад качнулся, и в этот миг его удивление, растерянность и боль исчезли, уступая место если не гневу, то ярости. Обжигающая волна поднялась в груди глубоким вдохом и выплеснулась наружу.

– Белояр шел сюда, дабы сказать, что не верит гаданию! – Млад шагнул вперед, к ограждению, и на его голос толпа вскинула лица и открыла рты. – Он сомневался, имеет ли право вмешиваться в вече и говорить не как волхв, а как новгородец! Но он хотел сказать, что не верит гаданию! Я был его доказательством, его единственным доводом! Мы вместе должны были выйти сюда и признать: нас обманули! Неподвластная нам сила сумела заморочить нас, выдавая чужие видения за Правду. Я единственный увидел хана Амин-Магомеда не подлым убийцей, а всего лишь вышедшим из-под гнета данником! Мне, волхву, боги дали силу для того, чтобы я говорил вам Правду, и я ее говорю: я видел, что Амин-Магомед не убивал князя Бориса! Хотел убить, но не убивал!

Совет господ замер молча, не отрывая от Млада глаз; юный князь вскрикнул, словно от неожиданной боли, а Сова Осмолов с дрожащим подбородком отступил на два шага, будто боялся, что Млад швырнет в него ядовитую змею. Только для Млада все они: и те, кто собрался на степени, и те, кто стоял на площади, и те, кто окружал площадь многотысячным кольцом, – все превратились в единое целое.

– Я не знаю, что было на самом деле, – продолжал Млад, – я не знаю, кто убийца князя Бориса. Но гадание лжет! Меня привели сюда насильно, предложив выбор: отказаться от своих вчерашних слов или стать предателем в глазах Новгорода! Странные люди встретились мне: люди, по силе равные волхвам, но не боящиеся лжи и предательства. Они подбивают новгородцев к кровопролитию и беспорядкам. Они хотят начать войну с Казанью любой ценой! Я не знаю, зачем им это нужно! Я просто говорю то, что вижу и что думаю. Белояра убил тот, кто боялся его слов на вече! Белояра убил тот, кто хочет начать войну!

Млад почувствовал, как горло захлестывает тошнота, темнеет в глазах, и боковым зрением увидел, что на стеньгу поднимается Градята, а с ним те трое чужаков, встретивших его позади гридницы.

– Я сказал все, что хотел, – успел крикнуть Млад. Пол качнулся и начал проваливаться, дыбиться и крениться. Млад заскользил вниз, стараясь удержаться за него руками, но руки были связаны за спиной, и он ударился лицом о гладкие доски, после чего чернота накрыла его с головой, словно одеяло.

Он открыл глаза в незнакомом полутемном доме с низким потолком, лежа на узкой постели, обложенный со всех сторон теплыми шубами; под ногами лежал горячий камень, завернутый в тряпки: Младу было холодно, сильно тошнило, и болел нос.

Какая-то женщина со свечой в руках нагнулась к нему; лицо ее просветлело и разгладилось, когда она увидела, что Млад открыл глаза.

– Очнулся? Ну и хорошо. Сейчас сбитня горячего, медку сладкого...

Млад хотел вытащить руку из-под овчины, но не сумел: сил не было. Дверь тут же приоткрылась, и в полутемную горницу с подсвечником в руках вошел доктор Велезар. За его спиной показался Перемысл, волхв из Перыни. Женщина, увидев их, кивнула и вышла, чтобы не мешать.

– Ну наконец-то! Я, признаться, начал опасаться за твою жизнь... – доктор присел на край постели, поставив подсвечник на табуретку у изголовья. Перемысл остался стоять в ногах.

Млад хотел сказать, что все в порядке, но голос тоже не послушался его.

– Разве можно было! – доктор покачал головой. – Ты же опытный шаман, ты же знаешь, что нельзя входить в такое состояние, не восстановившись как следует.

– Я не хотел... Я не собирался... – хрипло и тихо ответил Млад.

– Как это «ты не собирался»? – брови Перемысла поползли вверх.

Млад вздохнул: он и сам знал, что такого быть не должно. Ночью он не сумел по своей воле выйти из этого состояния, а тут и вовсе оказался в нем, совсем того не желая.

– Да, брат... – беззлобно проворчал доктор, – задал ты Сове Осмолову... Впредь будет знать, как идти против волхва.

Млад удивился, не понимая, о чем говорит Велезар.

– Освистали его новгородцы так, что он долго на степень подняться побоится, – пояснил доктор, – и он должен радоваться, что всего лишь освистали...

– Да и на улице ему появляться стыдно – того и гляди камнем из-за угла зашибут, – хитро улыбнулся Перемысл. – Твоим словам все поверили. Еще бы не поверить! Если б ты их позвал топиться в Волхове, пошли бы – и не задумались!

– Так нельзя... – Млад скривился. – Это же... неправильно... Я не хотел.

– Ну зачем ты все время что-то выдумываешь? – покачал головой Перемысл. – «Неправильно»! Тебя оболгали, Белояра убили – а ты о чем-то рассуждаешь!

Белояр... Острая боль шевельнулась в груди, и на миг потемнело в глазах. Кто и зачем это сделал? Сова Осмолов? Не взял бы он на себя такой смелости... Да и новгородцы в это не поверили, иначе бы не освистали, а разорвали его на куски.

– Тихо, тихо... – доктор Велезар положил руку Младу на лоб, – не надо думать о плохом. Это отнимает силы. Сейчас меду выпьешь – и спать. Тебе надо много спать.

– Да вы что? – Млад хотел приподняться на локте, но не смог. – Мне надо домой! Меня Миша ждет! У меня всего-то три дня и осталось!

От столь длинной фразы в груди что-то опустилось и задрожало, голова побежала кругом, и тошнота вплотную подступила к горлу.

Доктор покачал головой:

– Тебе надо восстановиться. Я бы и завтра тебя никуда не отпустил.

Млад почувствовал отчаянье: если бы он мог подняться, то доктора бы ни о чем не спрашивал – сел на коня и поехал. Но теперь домой он может отправиться только в санях, а где их взять?

– Какая разница, где я буду лежать: здесь или дома, а? – спросил он безо всякой надежды, но тут его поддержал Перемысл.

– Мне не жалко, оставайся у меня хоть до лета... Но если хочешь, отвезу тебя домой.

– Ну какие сейчас могут быть переезды? – сжал губы доктор. – В санях растрясет, станет хуже... Я еще полчаса назад не был уверен в том, что ты останешься в живых!

Млад пожал плечами: конечно, плохо было, но в смерть почему-то не верилось.

– Да с чего мне умирать-то? – он улыбнулся.

– С чего? – поднял брови доктор. – Сердце бы остановилось, оттого что сил у него не осталось биться. Потрепыхалось бы и остановилось. Нет, я против переездов. Насильно

держат, конечно, не стану, но определенно заявляю: в дороге может случиться все, что угодно.

В горницу вернулась женщина с кружкой горячего меда в руках – Млад так и не понял, кем она приходится Перемыслу: для жены старовата, для матери – молода. Он хотел сесть, но она не позволила – поила его лежа, приподнимая ему голову мягкой большой рукой. Пока он пил, Перемысл рассказывал, чем закончилось вече. После того, как Сове Осмолу удалось убедить новгородцев в том, что он не имеет отношения к смерти волхва, снова говорил посадник и, как ни странно, – юный князь. Вече решило войны Казани не объявлять, но выставить ополчение – на случай, если хан Амин-Магомед сам ищет повода для нападения. А поскольку Казань поддержит Ногайская орда и Крым, ополчение следовало вызвать и из других городов. Утром гонцы понесут волю Новгорода в Москву, во Владимир, Псков и Киев.

Смеян Тушич хорошо знал свое дело – примирять и находить решения, которые устраивали всех: не предложи он выставить ополчение, вече не разошлось бы и за неделю. Теперь же те, кто горел желанием мстить, доставали из сундуков мечи, топоры и доспехи. Перемысл и доктор Велезар посмеялись вместе, сказав, что перед тем, как выйти к ограждению степи, посадник долго слушал, что ему на ухо шепчет посадница. Впрочем, над Смеяном Тушичем подтрунивал весь Новгород, он же нисколько не обращал на это внимания.

Тысяцкий пообещал новгородцам возглавить ополченцев, взять в поход половину княжеской дружины и боярскую конницу – если, конечно, бояре не погнушаются отправить на войну своих сыновей. Вторая половина дружины, во главе с юным князем, оставалась защищать Новгород.

Глава 10. Наверху

Млад начал вставать только к исходу следующего дня: на смену тошноте и головокружению пришла слабость и сонливость, и, если бы не Миша, он бы отдыхал и не думал о занятиях.

По вечерам к нему заглядывала Дана, но быстро уходила: Млад старался быть с Мишей, и она чувствовала себя лишней, отчего Млад мучился, разрываясь между ними.

Приходил декан, с заверениями о всяческой поддержке со стороны университета, но предупреждал: когда Сова Осмолов хоть немного оправится от удара, то наверняка захочет отомстить.

Навещали Млада и студенты, но Ширяй с Добробоем выставили их вон, чтоб не мешали учителю. Сами же они беззастенчиво расспрашивали Млада о том, что произошло на вече, выпытывая все новые и новые подробности. Ширяя особенно занимали люди, похожие на Градята, и Младу пришлось об этом рассказать во всех подробностях: Ширяй как никак был его учеником, шаманом, а способностей Градяты не разглядел, не угадал.

Мише же становилось все хуже, просветы между припадками делались короче и короче; он убегал в лес и тут же возвращался, лхнул к Младу – и тут же отталкивал его, мерил спальню шагами и норовил высадить окно, падал на постель, плакал и снова убегал в лес. Он не признавался, но Млад видел: ему страшно. Если бы не страх, он давно ушел бы в белый туман, просить духов о пересотворении.

Ни о каком шалаше в лесу не могло быть и речи: мальчик бы там просто замерз. Младу никогда не доводилось видеть пересотворения зимой, ему казалось, что уход от людей в лес – очень важная веха на этом пути. Ставить же в лесу теплый сруб тоже особого смысла не имело: долго и хлопотно. И в конце концов Млад принял решение уйти из дома на время пересотворения: Добробоя и Ширяя поселить в коллежских теремах, а самому пожить у Даны.

Когда его ученики проходили испытание, он места себе не находил, бродил вокруг шалашей на почтительном расстоянии, как будто мог чем-то помочь, что-то услышать, подсказать. Бродить же возле собственного дома и вовсе казалось ему несерьезным: сквозь толстые стены он не только ничего не услышит, но и не почувствует ничего.

В среду к Мише, не выдержав, приехала мать в сопровождении своей рыжей сестрицы, но Младу не пришлось долго уговаривать их оставить мальчика в покое – тот и сам хорошо справился. Если бы не тетка, визжавшая о «дьяволе, которому отдали дитятко», Млад посоветовал бы матери остаться рядом с Мишей, поддержать его: любовь к матери ему самому когда-то помогла пройти испытание. Но женщина испугалась, увидев сына, – тот встретил ее как чужую, – и обе уехали в слезах и безо всякой надежды.

Ширяй считал себя ответственным за Мишу, присматривал за ним, когда тот уходил в лес, помогал Младу во время Мишиных припадков и соблазнительно рассказывал мальчику о своих первых подъемах наверх вместе с Младом.

– Через две недели все вместе подниматься будем, вот увидишь! – Ширяй хлопал Мишу по плечу, и Млад, очень сомневавшийся в том, что Миша будет белым шаманом, верил, что так оно и случится: настолько Ширяй убежденно это говорил.

Добробой, который испытывал голод и во время пересотворения, постоянно стремился Мишу накормить чем-нибудь вкусным, но в итоге сладкие пироги и тушеное мясо съедал Ширяй.

Последний день дома оказался самым тяжелым. И Млад, и Ширяй, и Добробой следовали зову богов спокойно, и каждый из них испытывал безотчетный страх перед духами в белом тумане. Но это было не то чувство, которое мучило Мишу. У них это похо-

дило на страх перед темнотой, перед неизвестным миром, в который предстояло ступить. Миша же боялся испытания – ни белый туман, ни духи не пугали его. Внутренний зуд перешел мыслимые пределы, но страх не мерк, не исчезал, а с каждым днем становился все сильнее, и Млад всерьез опасался, что Миша так и не соберется с силами выйти к духам и сказать, что он готов.

В среду вечером Дана зашла на ужин – помочь Младу собрать вещи. Добробой, увидев ее, каждый раз смущался, начинал ронять на пол горшки и опрокидывать кружки, неизменно молчал или нес несусветную чушь. Ширий смеялся над ним и дразнил, и от его шуток Млад и сам не знал, куда девать глаза.

Дана появилась, когда все сидели за столом: Добробой надеялся запихнуть в Мишу поджаристую утиную ножку, а Млад говорил о том, что перед испытанием полезно есть мясо.

– Да не хочу я, – Миша с отвращением откусил кусочек и сморщился.

– Кто это тут не слушает Млада Мстиславича? – спросила Дана с улыбкой, перешагивая через порог.

Миша метнул взгляд в ее сторону и скрипнул зубами.

– Здравствуйте, мальчики, – она сняла шапку и опустила платок на плечи.

Добробой кинулся доставать посуду, даже не спросив, будет ли она ужинать, – Ширий наградил его насмешливым взглядом и придвинул книгу поближе к себе.

Дана прошла к столу.

– Завтра перебираешься? – спросила она, и Млад кивнул.

Миша посмотрел сначала на Дану, а потом на Млада.

– Завтра? – спросил он еле слышно.

Млад вздохнул, подошел к нему сзади и положил руки ему на плечи: они дрожали.

– Я уйду не раньше, чем ты меня об этом попросишь... Я просто знаю, что завтра тебе этого захочется, понимаешь?

– Откуда ты знаешь, чего захочется мне? Откуда? Я еще сам не знаю!

– Ты знаешь. Ты просто не хочешь признать, что тебе пора делать выбор.

– Да! Выбор! Да! Умереть от корчей или умереть во время испытания! Разве не этот выбор мне надо сделать?

Добробой уронил на пол половник, Ширий оторвал глаза от книги и пристально посмотрел на Мишу. Дана замерла, так и не сев за стол.

– Нет. Я предлагаю тебе сделать не этот выбор. Я предлагаю тебе захотеть стать шаманом. Захотеть настолько, чтобы не испугаться испытания. Чтобы пройти испытание.

– А если я не хочу? Если я не хочу становиться шаманом? Я хочу просто жить!

– Этого выбора у тебя нет. Это проклятье. Или умереть, или стать шаманом. Я предлагаю тебе выбрать второе. Ты избран, тебе дано говорить с богами, а от такого предназначения не отказываются просто так.

– Я не хочу говорить с богами! Я не хочу! Не хочу!

Миша сбросил руки Млада со своих плеч и кинулся к двери, на ходу хватая шубу. Добробой глянул на учителя и не спеша направился следом – присмотреть.

Дана выдохнула и села напротив Ширия.

– Младик, ты хочешь за неделю научить его любить жизнь? – спросила она.

Млад посмотрел на дверь, которая закрылась за Добробоем, и вернулся за стол.

– Каждый человек любит жизнь. Иначе бы мы все давно умерли.

Ширий отодвинул книгу и сузил глаза:

– Да он просто боится! Он пересотворения боится, только и всего! Любит он жизнь или не любит – неважно!

Млад кивнул.

– А... а это на самом деле так страшно? – спросила Дана, коснувшись пальцами руки Млада.

– Ну... – Млад пожал плечами, – вообще-то... Не знаю. Наверное. Когда это позади, оно страшным уже не кажется. Я не боялся, меня с рождения к этому готовили. А Миша всего неделю назад об этом узнал.

– И ты хочешь за неделю подготовить его к тому, к чему сам готовился с рождения? – она подняла брови.

– Да ерунда это! – фыркнул Ширяй. – Я-то к этому не готовился! Меня Млад Мстиславич за месяц до пересотворения к себе взял.

– Ты старше почти на два года, – одернул его Млад, – это очень важно.

– Да? А ты сам? Тебе тринадцать лет было! Ты вообще был пацан! – не унимался Ширяй.

– Я – это я.

– Тебе было всего тринадцать? – спросила Дана. Млад никогда не говорил с ней о пересотворении.

– Я так считаю: или ты мужчина, или нет, – важно изрек Ширяй. – Если нет – о каком испытании можно говорить? Почему ты в тринадцать лет был мужчиной, а он в пятнадцать мужчиной быть не должен?

– Я же говорю, меня готовили к этому с рождения, – вздохнул Млад, – а он рос в окружении полусумасшедших женщин и жрецов. Ты бы слышал, чему они его учили!

– И ты хочешь за неделю сделать его мужчиной? – грустно улыбнулась Дана.

– Да! – вспыхнул Млад. – Да, хочу! Потому что если он не станет мужчиной, он умрет!

– И если это случится, ты будешь думать, что во всем виноват?

– Не надо! Это неправильно! Я взял его к себе не для того, чтобы оправдывать себя тем, что у меня была всего неделя! Мой отец говорил... Нет ничего хуже, чем сказать самому себе: «Я сделал все, что мог». Он творил чудеса, он поднимал на ноги безнадежных больных, потому что никогда не говорил: «Я сделал все, что мог»!

Неожиданно, вспышкой, перед глазами появилось лицо доктора Велезара: «Здоровье князя уже не в моей власти». А ведь князь был еще жив...

Миша вернулся быстро. Он вбежал в дом в расстегнутой шубе, без шапки и прямо с порога кинулся Младу в ноги – тот едва успел повернуться в его сторону.

– Прости меня! Прости! – выкрикнул мальчик и разрыдался. – Спаси меня!

Млад тяжело вздохнул: он никак не мог привыкнуть к бесконечным просьбам о прощении, его передергивало оттого, что кто-то падал перед ним на колени, поэтому взял Мишу под мышки и усадил рядом, обнимая за плечо.

– Ну? В чем ты виноват на этот раз?

– Я... я правда виноват, – всхлипнул мальчик и ткнулся лицом Младу в грудь, – я не говорил тебе. Я хотел сказать, но не говорил. А ты должен был знать.

– О чем?

– В белом тумане меня встречает Михаил-Архангел. Он говорит со мной. Он говорит совсем не то, что говоришь ты! Он сейчас... он сказал, что уведет меня к Господу, стоит только дать ему руку, и он уведет меня к нему... Никаких испытаний для этого проходить не надо. Я крещен, а значит я принадлежу ему.

Млад помертвел. Первым его желанием было немедленно, сейчас же идти в лес и разводить костер – подниматься наверх. Он на миг забыл о том, что он белый шаман и никогда не сражался с духами, это не его стезя. Он забыл о том, что умрет, если попытается подняться, – доктор Велезар прав, сердце остановится. Надо по меньшей мере еще дня три-четыре, чтобы на подъем хватило сил. А главное, что он скажет огненному духу с мечом? Что тот неправ?

– И почему ты с ним не пошел? – спросил Млад ледяным голосом.

Миша расплакался еще сильнее и обхватил шею Млада руками.

– Потому что ты можешь меня спасти! Ты мне не лжешь! Ты меня любишь по-настоящему!

– А он? Он тебя любит не по-настоящему?

– Он... Он хочет, чтоб я умер...

В дом зашел Добройой и стащил с головы шапку, виновато поглядывая на Млада, словно считал, что с недостаточным рвением выполнил поручение.

Млад похлопал Мишу по спине, снял с себя его руки и вытер ему слезы рукавом.

– Хватит плакать. Я не могу тебя спасти, тебя никто не может спасти, при всем желании. Ты сам себя спасешь, слышишь? Сам.

– Правда что, Миш, – встрял Ширий, – ну что ты как маленький. Посмотри, нас тут трое. Мы все прошли испытание, и ничего, – правда, Добройой? И ты пройдешь. Все проходят. Ты, главное, не бойся. Ты делай все, как Млад Мстиславич говорит.

На следующее утро, едва рассвело, Миша с тоской глянул в окно и сказал:

– Уходите.

Млад не стал переспрашивать, поднял узел с собранными Даной вещами и закинул его за плечо: дальше Миша пойдет один. Так и подмывало успокоить себя мыслью: он сделал все, что мог. Так и хотелось сказать: ничего изменить нельзя, все идет своим чередом. Но что-то внутри противилось этому! Все можно изменить, надо только захотеть!

– Да ладно, Млад Мстиславич, – усмехнулся Ширий, забирая свои пожитки, – ничего с ним не будет. Все проходят, и он пройдет.

– Я думаю – может, все же подняться... Посмотреть на этого Михаила-Архангела поближе... – пробормотал Млад.

– А он что, может что-то сделать? Или так, разговоры разговаривает? – спросил Добройой.

– Ничего он сделать не может. Другие духи не позволят, – вздохнул Млад.

– И зачем тогда подниматься?

А в самом деле... Наверное, это как раз и нужно для того, чтобы потом сказать себе: я сделал все, что мог. Нет в этом никакого смысла.

Дана ушла на занятия, Млада встретила девушка из Сычёвки, которая приходила к Дане вести хозяйство, – крупная, румяная, с большими руками и толстой русой косой на плече.

– Здравствуй, Млад Мстиславич! Кушать хочешь?

– Нет, Вторуша, благодарствуй. Я тоже сейчас на занятия пойду, – ответил Млад и поставил узел у порога.

– Что, и сбитню не попьешь?

Млад покачал головой и улыбнулся, хотя улыбаться вовсе не хотелось. Внутри зрело нехорошее, сосущее волнение.

Он еле-еле отчитал лекцию, на которых, вместо того чтобы рассказывать студентам о приметах вызова дождей, пришлось отвечать на их вопросы о вече, о гадании, о смерти князя Бориса и о происшествии в наставничьей слободе.

Едва лекция закончилась, Млад побежал к дому, но войти не решился: походил вокруг, прислушиваясь и всматриваясь в окна. Добройой истопил печь с утра, и раньше завтрашнего вечера тревожить Мишу не стоило. Млад почесал ленивого Хийси за ухом и выпустил цепь так, чтобы пес мог добраться до крыльца: вдруг что? Мальчик в доме один...

Млад присел на скамейку у колодца: уходить не хотелось. Вдруг Мише что-нибудь понадобится? Вдруг он передумает? Вдруг...

– Ну и что ты тут делаешь? – Дана подошла неслышно. Или Млад не заметил ее шагов? Ведь снег скрипит на морозе так громко...

– Я? – он кашлянул. – Я думал... я хотел...

– Младик, пойдем. Ты же говорил, что теперь он идет сам, или я что-то путаю?

– Да, конечно, сам... Но мало ли что?

– Младик, перестань себя изводить. Пошли обедать, уже темнеет. Вторуша для тебя пирогов испекла.

Меньше всего ему хотелось пирогов...

Но в доме Даны топилась плита, дрова щелкали за заслонкой, на столе парил ковш с киселем, и только там Млад вспомнил, что не спал всю ночь, разговаривая с Мишей.

– Да ты засыпаешь, чудушко мое... – Дана обняла его сзади за плечи и поцеловала в макушку.

– Нет, ничего... – проворчал он.

– Давай-ка я уложу тебя в постель, мой хороший.

Ее тонкие руки помогали ему раздеться, а потом гладили по голове и по плечам, и Млад растаял от ее прикосновений, расслабился, позволил тревоге уйти ненадолго. Теплое, уютное счастье свернулось в груди клубком, и он заснул успокоенным.

Ему снился Миша и огненный дух с мечом, который уводит его из белого тумана, наверх, к своему христианскому богу...

Три дня Млад не находил себе места, три дня бродил вокруг дома, заглядывая в окна. Топил печь, кормил Хийси, а потом не мог уйти. Если бы не Дана, он не спал бы вовсе и вовсе не ел. Волнение усиливалось с каждым часом и к вечеру третьего дня дошло, как ему казалось, до предела: от нервной дрожи тряслись руки.

За ужином он ничего не ел, вскакивал и ходил, выглядывая то в дверь, то в окно.

– Чудушко... – вздохнула Дана, – тебе не кажется, что ты берешь на себя то, что от тебя не зависит?

– Нет, не кажется... – Млад прикусил губу, но, подумав, улыбнулся Дана. – Оно на самом деле от меня не зависит...

«Здоровье князя уже не в моей власти»...

– Тогда что ты бегаешь туда-сюда?

Млад сел за стол, взял в руки пирожок, которые неизменно пекла для него Вторуша, но, откусив кусок, понял, что проглотить его не может: так и застыл с непрожеванным куском во рту. Дана покачала головой и придвинула к нему кружок остывшим сбитнем. Млад запил пирожок и поперхнулся – она подошла сзади и стукнула ему между лопаток.

– Ну? Что ты изводишься? Успокойся. Ложись спать, наконец!

– Я не усну, – Млад опустил голову. – Понимаешь, вот сейчас... он выйдет к ним и скажет, что готов стать шаманом, понимаешь? Если не испугается... Если этот его Михаил-Архангел не уведет его с собой. Если он вообще еще жив, понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.